

Р.А. Ягудин

**Моя Гидрометслужба и не
только: осколки прожитого и
пережитого.**

IV часть

*Издание 4 части книги
«Моя Гидрометслужба и не только:
осколки прожитого и пережитого»
Федеральное государственное бюджетное
учреждение «Западно-Сибирское управление по
гидрометеорологии и мониторингу
окружающей среды»
посвящает 85-летию АВТОРА
Заслуженного метеоролога
Российской Федерации
Ягудина Ренада Азальевича*

От автора

Дорогие мои читатели, друзья и коллеги!

Предлагаю вашему вниманию IV часть моих воспоминаний, в которой я рассказываю о событиях 90-х годов прошедшего столетия, событиях, на мой взгляд, наиболее драматичных в истории Гидрометслужбы России и Сибири, событиях, из-за которых наша Служба очутилась на дне финансовой пропасти и даже была под реальной угрозой ликвидации её как государственной структуры. К счастью, Гидрометслужба выжила, во многом благодаря стойкости и преданности своих “солдат и генералов”-работников Службы, рядовых и руководителей, воспрянула, как легендарная птица Феникс, и пошла дальше в своём развитии. Читайте, узнавайте, вспоминайте о непростых годах разгула либерализации во всех сферах общественной жизни.

Выход в свет в 2022 году III части моей книжки вызвал новый всплеск откликов, отзывов, пожеланий о продолжении этой работы. Я счёл возможным поместить здесь некоторые выдержки из этих писем, которые поддерживают моё стремление делиться с читателями прошедшими переживаниями и мыслями.

Н.В. Вирхобский, бывший начальник ФГБУ “Новосибирский ЦГМС-РСМС”.

...Воспоминания, при прочтении которых чувствуется незаурядная личность автора, его небезразличие, часто выстраданное отношение к описываемым событиям и неразрывная связь этих событий с его личной жизнью – это сильно впечатляет... Если бы сегодняшние высшие чиновники вникли в размышления Р.А. Ягудина, тогда, может быть, нашлось решение, позволяющее остановить деградацию государственной наблюдательной сети и системы прогнозирования.

Т.С. Селегей, ветеран Гидрометслужбы, кандидат географических наук.

Само название книги говорит о том, что она принадлежит к жанру мемуаров, где на фоне личной жизни автора и окружающих его людей показана судьба одной из служб государства – Гидрометслужбы СССР и России. В этом плане книга бесценна для следующего поколения: может, наши потомки вернут авторитет и былую славу Службы, и государство будет решать проблемы климата и экологии, опираясь на данные Гидрометслужбы, а не Греты Тунберг. Автор показывает богатую галерею специалистов, работавших в Гидромете в той эпохе. Интересные бытовые зарисовки оживляют книгу и ярко иллюстрируют социально-общественные отношения своего времени. Книга очень информативна и заставляет о многом задуматься.

Ю.П. Переведенцев, профессор Казанского университета, доктор географических наук.

В книге представлена по сути дела жизнь Гидрометслужбы всей России и её выдающихся деятелей на протяжении многих десятилетий. Естественно, главное внимание уделено Гидрометслужбе Западной Сибири, которой автор отдал всю свою жизнь, прибыв в Новосибирск в качестве молодого специалиста. Стиль автора – сочетание профессионального подхода с человечностью, прежде всего, к судьбам своих коллег, российской метеорологии. Мемуары читаются с большим интересом, они интеллектуальны и эмоциональны! Их необходимо издать в единую книгу на качественном типографском уровне: они этого достойны.

И.Н. Терехина, заместитель руководителя Департамента Росгидромета по СФО.

Ваши книги глубоко тронули, где-то через призму юмора чувствуется ваша боль за родную Гидрометслужбу.

Как хорошо, что есть на свете люди, которые могут запечатлеть произошедшие события, являющиеся частью истории Гидрометслужбы и страны через описание своей жизни.

Н.Е. Чухиль, Почётный работник Гидрометслужбы РФ, кавалер Почётного Серебряного ордена “Общественное признание”, высших наград Пограничных войск СССР.

Это повесть о Времени и о себе; стиль автора явно литературный и выходит за рамки сухого перечисления дат, событий, фактов. Перед нами классический советский человек, жизнь которого проходит на фоне крупных исторических событий – брежневского застоя, горбачёвской перестройки, величайшей геополитической катастрофы – крушения советской империи. Подкупает искренность Ренада Азальевича, тесное переплетение личного и общественного. Интеллигент, отличник учёбы, успешный и востребованный учёный; как и все шестидесятники, всесторонне эрудированный человек.

Книга “Моя Гидрометслужба...” сохранит для будущих поколений гидрометеорологов не только портреты людей, которые участвовали в этих событиях, но и скромных тружеников сети, усилиями которых Гидрометслужба живёт и действует.

В.П. Горбатенко, заведующий кафедрой метеорологии, профессор, доктор географических наук, **Ж.В. Рыбакова**, доцент, кандидат географических наук, **Н.М. Алёхина**, кандидат географических наук – сотрудники Томского университета.

Как умело вы связали в крепкий узел проблемы страны, Гидрометслужбы и личное. Так здорово никто не писал. Служба может гордиться, что есть специалист, который смог со знанием дела описать все перипетии служения непростому делу прогноза погоды. Кратко, ёмко, внятно описаны события драматичного периода жизни

нашей страны и нависшей над Гидрометслужбой катастрофой. Это тоже страницы истории, может даже лучшие страницы на фоне политической идиллии Горбачёва и Запада. Спасибо за книгу, за эмоции, которые она вызывает.

Очень интересны подробные сообщения о совещаниях, конференциях, вписанных в сложные, порой трагические, события в жизни нашей страны, показывающие роль Гидрометслужбы в жизни большой многонациональной Родины и те драматичные ситуации, в которые она оказалась погружённой вместе со всей страной.

Ваши публикации выстраивают чёткий исторический ракурс взаимодействия региональных подразделений Гидрометслужбы и между собой, и с Госкомгидрометом. Интересны и описания аспектов взаимодействия с УГМС бывших союзных республик.

Тексты ваших публикаций используются и будут применяться в будущем для преподавания дисциплины “История метеорологии”.

В завершение этого затянувшегося вступления к IV части я хочу выразить сердечную благодарность начальнику Новосибирского Гидрометцентра А.М. Лапчик, директору СибНИГМИ В.Н. Копылову, научному руководителю института А.Б. Колкеру за поддержку моей работы. Благодарю ветеранов Гидрометслужбы В.М. Топорова, Н.Е. Чухилия и ведущего синоптика ГМЦ М.В. Виноградову за ценные замечания при подготовке рукописи.

Особая благодарность начальнику ФГБУ «Западно-Сибирское УГМС» А.О. Крутовскому и Группе издания режимных материалов ССИ за помощь в издании книги.

Ваш Р.А. Ягудин

Часть IV. 90-е годы. Борьба за выживание.

Глава 13. Забастовка, забастовка... стачка!

Итак, 2 января 1992 года мы, россияне, проснулись в другой стране. С иным общественно-политическим и экономическим строем. В те дни, выступая с интервью в газете “Известия”, Председатель правительства РФ Е.Т. Гайдар сообщил россиянам, что в I квартале этого года цены будут повышаться ежемесячно на 100%, но к осени наступит стабилизация. Прибывший в конце января на сессию ООН Президент России Б.Н. Ельцин торжественно объявил участникам сессии: “Россия освободилась от гнёта коммунистической идеологии”. Один из реформаторов, Г.А. Явлинский, в своём телеинтервью заявил: “Правительство не должно думать о кормёжке людей, это дело экономических законов и предпринимателей”. А вице-премьер А.Н. Шохин успокаивал россиян: “Рост цен ненамного опережает рост доходов, не более чем на 30%”. (?!)

А что было в реальности? Если проезд в метро в начале года стоил 30 копеек, то к концу года – 10 рублей, цена автобусного билета с 60 копеек подскочила к декабрю до 22 рублей. Таким образом, за год проезд на городском транспорте подорожал в 30-36 раз(!). Ощутимо (в 5-10 раз) подросли цены на продукты питания. Заработная плата росла скромнее: в январе мне начислили около 800 рублей, а в конце года она поднялась до 5000 рублей, то есть увеличилась примерно в 8 раз. Забегая вперёд, скажу, что по итогам 1992 года в областной газете “Советская Сибирь” были приведены такие цифры: цены на все виды товаров и услуг за год повысились в целом в 27 раз, а заработная плата выросла всего лишь в 9 раз.

На весеннем съезде народных депутатов Верховного Совета РФ Б.Н. Ельцин “изъячно” свалил вину за либерализацию цен на предыдущее правительство СССР (Н.И. Рыжкова – В.С. Павлова). А Е.Т. Гайдар, причмокивая (по привычке) языком обещал скорое процветание России за счёт кредитов Запада, поскольку страну приняли в МВФ и обещали заём в сумме 24 млрд долларов (своего рода “план Маршалла”?). Обличая курс политики клана Б.Н. Ельцина – Е.Т. Гайдара, резко высказался А.Г. Тулеев: “Вы, Борис Николаевич, обманули россиян, вы разрушили всё, что можно было разрушить!” Другой депутат, С.П. Горячева, говоря о развале СССР, добавила: “То, что не удалось Гитлеру и Бжезинскому, удалось вам, Борис Николаевич!”

Ухудшалось финансирование Гидрометслужбы. В начале января начальник Западно-Сибирского УГМС В.И. Зиненко сообщил о дефиците финансовых средств, о невозможности проиндексировать оклады хотя бы в 1,5-2 раза, чтобы компенсировать работникам рост цен. Принято было даже решение приостановить действие премиального положения. Федерация Профсоюза Авиарботников (ФПАР) направила правительству России телеграмму с предупреждением о возможности проведения забастовки работников Гидрометслужбы в случае отказа финансировать её на достойном уровне. Конечно, ограниченное финансирование не погашало галопирующую инфляцию. Так, в январе моя зарплата начальника Гидрометцентра, как я подсчитал, с учётом выросших цен, соответствовала уровню жизни середины 60-х годов, когда я был ещё только рядовым инженером Бюро Погоды. В марте моя зарплата достигла примерно 1,5 тысячи рублей, которую всю выдали 5-рублёвыми купюрами. Похоже, в стране активно работал печатный станок, а потому нарастала денежная масса.

В начале февраля поступила телеграмма от главы стачкома Росгидромета Б.В. Кубая с призывом о подготовке забастовки работников Гидрометслужбы к 23 марта 1992 года. А потому мы в феврале, вновь и вновь, собирались и в кабинете заместителя начальника ЗСУГМС Р.Я. Гесса, и у лидера профсоюза Е.В. Ермоленко, обсуждая способы проведения протестной акции (забастовки) и требования к Правительству, которое явно затягивало решение вопроса о финансировании Службы и соответствующем тарифном соглашении. 12 февраля состоялась довольно бурная конференция трудовых коллективов УГМС, на которой, в согласии с предложением Б.В. Кубая, была подтверждена дата забастовки, совпадающая с датой профессионального праздника гидрометеорологов всех стран – 23 марта; был избран стачком ЗСУГМС, куда вошёл и я. После оживлённых дебатов решение вопроса о форме забастовки отложили до принятия соответствующего решения в стачкоме Росгидромета.

На следующий день после конференции В.И. Зиненко повёз группу сотрудников Управления в Западно-Сибирскую студию кинохроники на просмотр документального фильма о Гидрометслужбе России. В этом фильме были показаны особенности работы метеорологов труднодоступных станций (ТДС) на примере одной из таких станций Камчатского края; не без юмора, говорили о трудностях, невзгодах и переживаниях работников ТДС. После обсуждения фильма и дискуссии родилась финальная фраза для призыва к власти: "Данные гидрометеорологов ценятся во всём мире, а нужна ли Гидрометслужба России?!" Было решено, что несколько копий этого фильма члены стачкома (Р.Я. Гесс, Е.В. Ермоленко) заберут с собой в Москву для показа правительству и арбитражной комиссии.

Мне пришлось принять участие в нескольких заседаниях стачкома Росгидромета во второй половине февраля в гостинице ИПК Кучино-Железнодорожный, куда я был командирован на курсы по ознакомлению с работой на ПЭВМ. К сожалению, знакомили нас с микрокомпьютерами, в основном, в теоретическом аспекте, без привязки к решению задач гидрометеорологии, не используя уже имеющиеся АРМ специалистов-гидрометеорологов.

18 февраля, вечером, я угощал чаем в своём номере гостиницы Б.В. Кубая, приехавшего, чтобы вручить главе Гидрометслужбы Ю.Ф. Зубову требования к Правительству от УГМС, обобщённые стачкомом Росгидромета. Борис Викторович сообщил, что, по его данным, забастовку могут поддержать 21 УГМС (кроме Башкирии, Якутии и Санкт-Петербурга). Кубай сетовал, что Зубов плохо понимает смысл и цель забастовки и не верит в эффективность акции. Через несколько дней состоялось заседание стачкома, в котором приняли участие прибывшие из Новосибирска Р.Я. Гесс и Е.В. Ермоленко, а также мои коллеги В.И. Колкутин, А.В. Гаврилов и другие. Все вместе они энергично давили на “питерца”, который говорил об особой позиции невских метеорологов; как мы поняли, местные власти (А.А. Собчак и К^о) подкинули им денег, и их текущая экономическая ситуация пока устраивает. Некоторые УГМС опасаются решения о бессрочной забастовке (нет денег, нечем кормить семью). Я внёс предложение направить представителей стачкома в Гидрометцентр России, чтобы склонить коллектив Центра к забастовке. Через два дня Б.В. Кубай сообщил о переговорах с согласительной (примирительной) комиссией, подписании с ней соответствующего протокола и выхода на следующий этап – на арбитражную комиссию. Одним из требований, выдвинутых Всероссийским стачкомом гидрометеорологов, было присвоить

Российскому комитету по гидрометеорологии и его организациям статус Государственной Федеральной Службы. Примирительная комиссия отнесла этот вопрос к компетенции Правительства РФ. Другим требованием было обеспечить увеличение заработной платы работникам Росгидромета к 1 января 1992 года в 2 раза; с этой даты ввести увеличивающий коэффициент 1,9, а с 1 февраля – 1,45. Представители Минтруда РФ на этих переговорах сообщили, что для выполнения этих требований потребуется не менее 90 млн рублей, а для обеспечения социальной защиты работников бюджетных организаций в условиях либерализации цен предполагается индексацию зарплаты проводить ежеквартально с учётом изменений потребительских цен; в результате решение вопроса снова отнесли Правительству РФ. Было признано целесообразным до 30 апреля 1992 года заключить отраслевое тарифное соглашение между Росгидрометом, ФПАР и Правительством РФ; соглашение подписали Зам. Минтруда П.М. Кудюкин, первый заместитель Председателя Росгидромета А.И. Бедрицкий и председатель стачкома Б.В. Кубай.

В конце февраля завершилось наше пребывание на московских курсах. От Западно-Сибирского УГМС, кроме меня, было ещё трое: климатолог ГМЦ Т.М. Фоникина, сотрудник ЦНЗПС Ю.В. Селюнин и инженер-химик Кемеровского ЦГМС З. Хмельёва. Жили мы и питались достаточно скромно, цены в магазинах и столовых были не просто высокие, но, как записано в моём дневнике, “оскорбительные”. Несколько раз на ужин варили суп из костей и лапши; в номере гостиницы был дефицит посуды, а потому Таню Фоникину забавляло, как Юра Селюнин хлебает суп из большой кружки маленькой чайной ложкой, а я – из маленького чайного блюдца, но большой столовой ложкой.

Остались в памяти отдельные эпизоды “культурной программы” тех московских дней. С небольшой экскурсией мы посетили Кремль и Мавзолей, куда я заходил более 30 лет назад. За эти годы облик В.И. Ленина, как я отметил, изменился: щёки вождя опали, выражение лица стало более суровым, исчезло ощущение благостной улыбки и светлого излучения. Зеленоватый френч с бухарской звездой на груди сменился строгим чёрным костюмом. Прошлись вдоль Пантеона у кремлёвской стены. Запомнилось, что бюст Л.И. Брежнева в одном ряду с И.В. Сталиным, а Ю.В. Андропов размещён между Ф.Э. Дзержинским и М.И. Калининым. На могильных плитах всех лидеров партии и страны лежат цветы, и больше всех – на могиле Сталина (!).

З. Хмелёва, знавшая идеально все закоулки Москвы, убедила нас посетить театр “Современник”; смотрели спектакль под названием “Стена”. Сцена была перекрыта громадной фанерной перегородкой с отдельными окнами. По ходу действия в зал и на сцену врывались странные люди, путающие театр с гостиницей; известные актёры (Л. Ахеджакова, А. Леонтьев и др.) произносили какие-то монологи, вступали в диалог. Режиссёр, который пытался организовать прогон пьесы на советскую, производственную тематику, безуспешно вмешивался в сценическое действие, и его прогоняли. В фанерном окне временами появлялся популярный актёр М. Жигалов, который, произнося речи, ухитрялся ложиться на оконные рамы и попутно творить чудеса акробатики. Как я понял, этот спектакль - о бессмысленности нашей жизни. В общем, вышел после представления злой, да и театр сам не понравился: зал, фойе, буфет тесные, стены зала окрашены в какой-то зловещий, тёмно-зелёный цвет...

Единственное эстетическое наслаждение получил от посещения Московского театра оперетты. В “Принцессе цирка” И. Кальмана ведущие партии исполняли С.

Алимпиев (мистер Икс) и Т. Дубровина (Теодора). Оба героя стройные, красивые, голоса тембристые. Во время их любовного дуэта что-то кольнуло в сердце моём, и из глаз полились слёзы. (Наверное, становлюсь сентиментальным.)

Был ещё вечер-чаепитие с В.И. Колкутиным. Виктор Иванович говорил о бессмертии души, так как жизнь, в связи с переходами энергии, является циклической. Он цитировал Ницше, откровения Заратустры: “Жизнь есть радость, а человек выше бога”. (!) Я смеялся, высказывал ему свои атеистические воззрения.

На обратном пути заехал в Казань, пару дней гостил у отца, который увлёк меня в редакцию газеты “Татарстан хәбәрләре” (“Известия Татарстана”), с которой он сотрудничал. В интервью редактору отдела информации Х. Бадрутдинову я рассказал о своей работе в Новосибирском Гидрометцентре, научных и производственных проблемах и достижениях, своих увлечениях, ратовал за развитие контактов в сфере татарского искусства между Татарстаном и Сибирью, говорил о необходимости более широкого выпуска грампластинок татарских певцов и музыкальных произведений. От той встречи осталась на память трогательная фотография: я что-то пытаюсь разъяснить отцу, а он мне внимает с некоторой долей юмора.

В 10-х числах марта Р.Я. Гесс и Е.В. Ермоленко, уезжая снова в Москву на арбитражную комиссию, оставляли меня в Новосибирске в качестве заместителя председателя стачкома по ЗСУГМС. Кстати, информировали меня о предельно жёсткой форме проведения забастовки: никакой информации и синоптических карт потребителям не доводить, даже сами карты не должны составляться. Я пытался возражать, говоря, что карты нужны для внутренних нужд Гидрометслужбы, для анализа погодообразующих

процессов, наконец, для науки. Но мои аргументы были отвергнуты. Накануне, 6 марта, всем предприятиям и организациям от имени стачкома Запсибгидромета было направлено письмо – предупреждение о том, что в случае невыполнения экономических требований по финансированию и мерам социальной защиты работников Гидрометслужбы “23 марта гидрометобеспечение вашей организации проводиться не будет, за что Запсибгидромет приносит извинения”.

Во второй декаде марта несколько раз, чаще ночью, звонила по телефону Елена Васильевна, которая сообщала, что идут напряжённые переговоры с правительством, а между тем, решимость забастовщиков слабеет, уменьшается число УГМС, готовых поддержать забастовку: таких управлений уже менее двух третей от общего их числа.

Как ни странно, но в это сумбурное во всех отношениях время сдвинулся в сторону решения вопрос о внедрении АРМ синоптика в системе ЛАССО. В конце января – начале февраля в Новосибирск прибыли специалисты ГВЦ для установки аппаратуры. Синоптиков из 310-ой комнаты временно эвакуировали в другую комнату, вытащили из комнаты мебель, сейфы. Часть учебной аппаратуры ЛАССО установили в кабинете аппарата ГМЦ и понемножку, через Л.Н. Староватову, стали обучать синоптиков. Людмила Николаевна в январе, будучи в Гидрометцентре России, уже знакомилась там с работой на АРМ синоптика. Внедрение новой технологии продвигалось тяжело, многие ворчали: “А зачем это нам надо?” Справедливости ради надо отметить, что эта первая версия АРМ не была вполне доработана и не могла отменить ручную работу синоптика по анализу карт погоды и барической топографии. В основном, эта версия АРМ поставляла синоптику табличную метеоинформацию, а

также численно-прогностическую продукцию зарубежных и отечественных центров, в том числе и нашу модель “Регион”. Используя начавшиеся перемещения ряда отделов и служб, я предложил руководству УГМС произвести перераспределение служебных площадей. С некоторым “скрипом” руководство разрешило 311-ю комнату передать климатологам, 312-ю – гидропрогнозистам и аэрологам, 305-ю – моим заместителям (Л.Н. Староватовой и А.Г. Каминскому), а в 315-й (стеклянная часть) я оборудовал свой кабинет. И снова таскали мебель, переносили телефоны. А осенью ОГСН во главе с Н.Г. Матюшечкиным, заняв основную часть 315-й комнаты, стал моим соседом.

20 марта внезапно скончался один из ведущих учёных-климатологов СибНИГМИ К.Н. Силецкий. Поминки прошли в столовой Новосибирского педагогического института. Тепло и душевно говорили об усопшем П.Ю. Пушистов, В. М. Топоров, И.А. Шевчук. Вдова Константина Николаевича вспоминала о счастливой жизни с ним, говорила о том, что это была любовь с первого взгляда. Говорили, что когда бывший заведующий отдела климата С.Д. Кошинский узнал о смерти Силецкого, то сказал: “Следующим буду я”. (Сергей Дмитриевич ошибся: ему предстояло ещё прожить более 15 лет.)

В эту первую весну новой (другой) России происходили и оптимистические события. В марте 1992 года в Новосибирске вошли в строй последние две станции Ленинской линии метрополитена - “Гагаринская” и “Заельцовская”. А вообще, противостояние парламента и правительства Ельцина-Гайдара, центра и регионов нарастало. На одной из своих пресс-конференций Е.Т. Гайдар заявил об отставке правительства, так как съезд народных депутатов РФ “подрывает проводимую политику реформ”. Действительно, в решении съезда было

рекомендовано Президенту и правительству внести коррективы в экономические реформы; в частности, учитывая низкую социальную защиту населения, провести более существенную индексацию заработной платы и вкладов населения. По поводу демарша Гайдара Р.И. Хасбулатов с некоторой издёвкой заявил: “Просто эти ребята потеряли выдержку”. В конце марта был подписан федеральный договор между центром и автономными республиками России о распределении прав и обязанностей, но этот договор не подписали Чечня и Татарстан. Было заявлено, что с ними Москва подпишет отдельные двусторонние соглашения.

23 марта на заседании рукостава УГМС вернувшийся из Москвы Р.Я. Гесс рассказал о результатах работы стачкома Росгидромета и совещания (19 марта) при вице-премьере А.Н. Шохине, на котором они с Кубаев представляли позицию Всероссийского стачечного комитета гидрометеорологов. От руководства Росгидромета выступали Ю.Ф. Зубов, А.И. Бедрицкий, В.С. Радзиевский. На совещании присутствовали чиновники Минтруда, Минфина РФ и аппарата правительства РФ. (Накануне совещания, ночью, я по телефону связался с Е.В. Ермоленко, которая, доложив о переговорах с правительством, рекомендовала направить указание коллективам с просьбой отменить забастовку 23 марта; так мы и сделали.). Как сообщил Роман Яковлевич, с основными требованиями трудовых коллективов А.Н. Шохин и правительство РФ согласились. Было рекомендовано главам Минэкологии и Росгидромета подготовить обоснованные предложения о предоставлении статуса Государственной федеральной службы для рассмотрения во II квартале 1992 года на заседании Правительства РФ. Росгидромету и Совету ФПАР предлагалось представить в Минтруд РФ отраслевое

тарифное соглашение и предложения по размерам тарифных ставок и должностных окладов работников Гидрометслужбы (с учётом индексаций заработной платы). Р.Я. Гесс подчеркнул в своём сообщении, что основная борьба развернётся при подготовке упомянутого тарифного соглашения.

На следующий день я свозил Е.В. Ермоленко в редакцию газеты “Советская Сибирь”, где она дала интервью журналисту А. Генералову. Статья с текстом её интервью вышла под заголовком “Никто не хотел бастовать”. Елена Васильевна заявила журналисту, что поскольку “верхи” отложили решение жизненных вопросов Гидрометслужбы до второго квартала года, то забастовка гидрометеорологов почти неизбежна. “Убытки будут огромны, - добавила она, - и если даже это не произведёт впечатления, мы объявим бессрочную забастовку”.

Кстати, 23 марта, в день профессионального праздника работников Гидрометслужбы, в нашей областной газете появилась моя статья, в которой я (кажется, впервые), используя результаты исследования климатологов, агрометеорологов СибНИГМИ, сообщил о возможности потепления климата Западной Сибири с повышением среднегодовой температуры и уменьшением годового количества осадков на 10-30 мм. В редакции “Советской Сибири” журналисты взяли у меня интервью о состоянии и проблемах Гидрометслужбы, о взаимодействии с органами власти, хозяйственными структурами и СМИ, с которыми не всегда складывались конструктивные отношения. В беседе с журналистами я привёл отрывок из беседы с директором коммерческой телестудии “Мир” Я. Таубесом: “Мы не берём у вас прогнозы, определяем их по наружному термометру”. (Пример удивительного невежества!)

В апреле продолжались напряжённые переговоры между стачкомом, ФПАР и Росгидрометом по подготовке отраслевого тарифного соглашения. А сроки забастовки вновь отодвигались: 14 апреля наше “трио” (Н.Г. Матюшечкин, Е.В. Ермоленко и я) направили в региональные ЦГМС телеграммы о возможности начала забастовки 30 апреля, рекомендовали на местах подготовить соответствующее письмо-предупреждение хозяйственным структурам. Но 21 апреля Р.Я. Гесс из Кучино сообщил о завершении работы с тарифным соглашением, в котором все служебные должности Росгидромета расписаны по 17 разрядам: при минимальном окладе 900 рублей и коэффициенте 1,33 с последующим нарастанием до четырёх минимумов и ростом коэффициентов индексации. Ещё через неделю поступила телеграмма за подписью А.И. Бедрицкого о подписании тарифного соглашения между ФПАР и Росгидрометом. Главы Стачкама и ФПАР (Б.В. Кубай и Б.А. Кремнев) телеграммой предложили всем УГМС перенести забастовку на 15 мая (00 часов московского времени), чтобы дать возможность Правительству РФ изучить проект тарифного соглашения; предполагаемая встреча с представителями Правительства могла состояться не ранее 5 мая. Ряд сетевых организаций Росгидромета (Чита, Мурманск, Амдерма и др.) были недовольны переносом срока забастовки и непременно хотели объявить протестную акцию в последний день апреля, но подчинились воле Стачкама. Спустя 30 лет после этих событий Е.В. Ермоленко рассказала мне в телефонной беседе о неизвестном мне ранее случае давления правительства на Стачком. Однажды к зданию Росгидромета подъехала машина, из которой вышли “вежливые люди в штатском”. Они, как выразилась Елена Васильевна, взяли под белы ручки и локоточки двух лидеров Стачкама, Р.Я. Гесса и Б.В. Кубая, и отвезли их в

известное учреждение на Старой площади Москвы. Проведя по бесконечно длинным коридорам, их ввели в кабинет, где “народные вожди” могли лицезреть “демона и могильщика страны Советов” Г.Э. Бурбулиса. “Демон” был жёсток и суров. Он дал понять, что профсоюзные лидеры могут выступать с экономическими требованиями, но “господа” Гесс и Кубай, как “государевы служащие”, представляющие административные органы Росгидромета, должны понимать, что их участие в подготовке протестной акции является недопустимым и может негативно сказаться на их дальнейшей судьбе и карьере. Удивительно, но даже в ту эпоху “разгула” демократии, власть предрежащие при любом удобном случае могли использовать против непокорных угрозы и насилие! К чести лидеров Стачкома, они не поддались шантажу и продолжили борьбу за “правое дело”.

Напряжение в службе нарастало; 30 апреля из Москвы вернулся Р.Я. Гесс и на заседании стачкома Западно-Сибирского УГМС рассказал, что проект тарифного соглашения передан в Правительство РФ, но с протоколом разногласий между Стачкомом и Росгидрометом по вопросам размеров индексаций. Роман Яковлевич добавил, что, учитывая разногласия и явную тенденцию структур власти оттянуть решение вопроса как можно на дальний срок, забастовка почти неизбежна. Накануне Дня Победы стало известно о несостоявшихся контактах с Правительством, которые намечались на 5 мая. В этот день пришла телеграмма от Б.В. Кубая с призывом о переходе суточной забастовки в бессрочную. 13 мая я дал (за своей подписью) телефонограмму в областные ЦГМС нашего управления соответствующего содержания. Но поздно ночью (около 23 часов) из Кучино раздался телефонный звонок Е.В. Ермоленко: заместитель министра труда РФ П.М. Кудюкин завизировал проект тарифного

соглашения, с которым завтра они должны пойти на приём к вице-премьеру А.Н. Шохину.

14 мая состоялась конференция трудовых коллективов Западно-Сибирского УГМС, на котором Р.Я. Гесс доложил о ходе трудных переговоров между ФПАР, Стачкомом, Росгидрометом и Правительством, а также о возможности забастовки тружеников Гидрометслужбы. Дискуссия выявила как сторонников, так и противников протестной акции. Один из сотрудников РВЦ, Гордин, заявил, что хотел бы верить Президенту России, а не забастовщикам. Ярко выступила на конференции главный синоптик НЗАМЦ Р.И. Салтыкова, которая обосновала экономические мотивы забастовки, а главное, объявила, что сотрудники их авиапредприятия сочувствуют синоптикам и метеорологам авиаметцентра в их борьбе за достойную жизнь. Правда, руководитель Управления В.И. Зиненко задал довольно провокационный вопрос сидящим в зале: “А кто будет платить забастовщикам?” Но этот вопрос не получил ответа; решение о забастовке с 00 часов 15 мая было подтверждено. До начала акции оставались часы. В конце дня 14 мая я провёл у себя экспресс-совещание дежурных прогнозистов (синоптиков, гидрологов), работников РВЦ, АСПД по информационной работе в период забастовки: “Всё, что поступит – на стол синоптикам!” В этот день узкий круг “заговорщиков” поздравил Р.Я. Гесса с днём рождения. Небольшой дозой спиртного слегка сняли стресс. Дежурили в ожидании новостей из Москвы до 20 часов, когда Роман Яковлевич позвонил в столицу, и Е.В. Ермоленко сообщила, что отраслевое тарифное соглашение А.Н. Шохиным подписано. Вскоре пришла телеграмма, подписанная Б.В. Кубаем и Б.А. Кремневым, об отмене забастовки. Я быстро прошёл по зданию Управления, сообщил всем дежурным сменам специалистов о достигнутой победе. Ура!!!

(Небольшая деталь той победы: повышающий коэффициент индексации при минимальном окладе был утверждён в размере 1,5, а не 1,33, как предлагалось в начале переговоров.) Омрачало настроение гидрометеорологов поступившее вскоре известие, что ввод тарифного соглашения будет не с 1 мая 1992 года, а только с 1 сентября. Так что, стачком пока не ликвидировался, борьба продолжалась.

В конце апреля на заседании руководящего состава УГМС В.И.Зиненко представил нового начальника Кемеровского ЦГМС Н.А. Дьяченко. Позднее я переговорил с ней о проблемах гидрометобеспечения в её регионе. Наталья Анатольевна мне показалась человеком выдержанным и рассудительным, что очень кстати для руководителя региональной Гидрометслужбы в это смутное время.

А наша федерально-региональная гидрометеорологическая наука откровенно деградировала. В конце марта – начале апреля на итоговой сессии Учёного Совета СибНИГМИ, а затем на рабочем совещании НКС Урало-Сибирского региона директор института П.Ю. Пушистов произнёс пессимистические речи об отсутствии перспектив развития региональной науки из-за финансового коллапса в Росгидромете по статье “наука”. Из-за увольнения всех сотрудников Кемеровского филиала СибНИГМИ несколько тем НИР экологического направления были исключены из плана работ. А вскоре пришло ещё одно известие из Москвы: некие эксперты из ”околонаучных структур” РАН забраковали несколько тем НИР регионального заказа (и без всякой аргументации!). Значит, снова надо искать убедительные обоснования необходимости этих тем.

В мае и июне прошло несколько бурных заседаний Президиума Технического Совета УГМС по результатам

оперативных испытаний ряда расчётных методов региональных прогнозов. Особые возражения вызвали методы агрометеорологических прогнозов урожайности и валового сбора зерновых культур, разработанные агрометеорологами СибНИГМИ (М.И. Черникова и К°). При этом, авторы методов допустили нарушение физической однородности уравнений регрессии при переходе от авторских испытаний к производственным испытаниям (предикторы меняли свой знак и коэффициенты). После долгой и довольно путаной речи руководителя группы агропрогнозов Э.В. Земляной пришлось выступить мне с более ясной и короткой, но резкой критикой. Нашу позицию, мнение Гидрометцентра большинство членов Президиума (6 из 9) поддержало. Н.В. Вирхобский воскликнул: “Вот с этого надо было начинать!”. А М.В. Мишина добавила: “Даже мне стало понятно”. В итоге, методы рекомендовали доработать.

На следующем заседании Президиума Г.П. Торубарова доложила о результатах проверки метода восстановления полей приземного давления и H_{500} в условиях частичного отсутствия гидрометданных, разработанного сотрудниками ДВНИГМИ. Предполагалось, что этот метод вкупе с другими приёмами работы по так называемой “обрезной” карте будет применяться в условиях ухудшения международной обстановки (“особый период”). Результаты проверки метода ДВНИГМИ не дали оснований для оптимизма, а потому мой краткий комментарий к её итогам свёлся к следующему выводу: “Надёжных методов восстановления синоптических полей нет; данные наблюдательной сети уникальны. Берегите сеть!”

В июне 1992 года агрометеорологи Новосибирского Гидрометцентра завершили работу по подготовке научно-прикладного справочника для территории ЗСУГМС по

агроклиматическим ресурсам. К сожалению, не сразу, но всё же обнаружили скандальную разницу в нормах температуры и осадков, полученных климатологами ГМЦ и агрометеорологами. Первые действовали по методическим рекомендациям ГГО Росгидромета, используя ряды с момента открытия станции по 1980 год, а вторые – по рекомендациям ВНИИСХМ, по которым ряды брались с середины 30-х годов (начало агрометеонаблюдений). Очевидна была несогласованность двух головных НИУ Росгидромета. По заданию Р.Я. Гесса, который во время отпуска В.И. Зиненко исполнял обязанности начальника УГМС, с помощью наших климатологов и агрометеорологов я подготовил письмо руководству Гидрометслужбы с предложением “прийти к одному знаменателю”. Письмо получилось по тону довольно ироничным, ехидным и даже немного злым. Читая проект, Роман Яковлевич и хмыкал, и кричал, но всё же подписал его, даже без существенных правок.

В условиях головокружительного роста цен и снижения уровня (качества) жизни и я, и некоторые мои коллеги задумались о способах выживания в эти месяцы. Практичные действия предложила и почти сразу реализовала моя супруга Тамара. В конце мая мы с её коллегами, сотрудниками НПО “Карболит”, посадили картошку на одном из участков в районе села Шилово Новосибирской области. Кроме этого, Тамара с помощью соседей привезла и поселила на даче около двух десятков цыплят, а затем и поросёнка. К тому времени я достроил на дачном участке баню и сарай, которые могли использоваться в отдельные периоды и как курятники. Забегая вперёд, добавлю, что цыплят, выросших со временем в кур-несушек, мы держали и на даче, и дома (на лоджии) круглый год до начала 2000 года. Кормили их зерном, куры несли яйца. Время от времени Тамара крепкой

рукой рубила их на мясо. А поросёнок развлекал нас до ноября 92-го года; мы называли его Боря: он любил, подняв передние лапки-копытца непрерывно издавать звуки, напоминающие по тембру речи нашего Президента. 9 ноября его жизнь оборвалась под ножом нашего соседа по садовому обществу; на несколько зимних месяцев мы были обеспечены мясом. Впрочем, руководство и профсоюз нашего Управления тоже предпринимали кое-какие действия для помощи работникам Службы: несколько раз организовывали закупку и подвоз к зданию УГМС различных продуктов по более достойным ценам – сахара, капусты, мяса... Тогда работники быстро выстраивались цепочкой; всё привезённое разгружали, взвешивали, распределяли, опытные мужички рубили мясо. И если в магазинах к концу года сахар стоил более 100 рублей за килограмм, то в УГМС его продавали за 77 рублей.

С целью экономии денег на транспортные расходы я старался для поездок от своего дома (Северо-Чемской жилмассив) до дачи (в районе ОбьГЭС, Левые Чёмы) пользоваться велосипедом; на дорогу уходило чуть больше часа, даже быстрее, чем на общественном транспорте. Попробовал использовать велосипед для поездок на работу в Гидрометцентр. Доехал примерно за час, что, в общем, терпимо по времени. Но дорога до работы и обратно домой стоила мне огромного напряжения. Преодолевая мосты, туннели, магистрали, заполненные движущимся автотранспортом, натерпелся такого страха, что до цели добрался в рубашке, мокрой от пота. Понял – риск очень большой; достаточно было одного дня велоэксперимента. Ещё один способ экономии: на работе перестал в обеденный перерыв посещать столовую или буфет, стал брать еду из дома (бутерброды, яйца, картошку...).

А горе-реформаторы продолжали свою деятельность. В июле 1992 года, выступая в парламенте,

Е.Т. Гайдар выдал новый экономический сценарий: спад производства и уровня жизни продлятся до 1996 года. (Он уже забыл, что в начале года обещал стабилизацию к осени текущего года.) А прибывший в эти дни в Новосибирск вице-премьер Г. Хижа нагло заявил на одном из заседаний, что Правительство не повышало цены на продукты, а потому и не обязано индексировать заработную плату.

В начале июля, на заседании руксостава УГМС, В.И. Зиненко зачитал мрачную телеграмму, подписанную А.И. Бедрицким, о том, что Правительство тормозит выполнение финансовых обязательств по тарифному соглашению, в частности, не выделило 38 млн рублей на обеспечение выплат заработной платы работникам Службы. Тут же прошло заседание стачкома Западно-Сибирского УГМС; после бурных дебатов родилась ответная телеграмма в адрес ФПАР и стачкома Росгидромета с предложением объявить 21 июля всероссийскую стачку работников Гидрометслужбы. Однако, через несколько дней поступила из Москвы телеграмма, подписанная главой Росгидромета Ю.Ф. Зубовым, о том, что одним из высокопоставленных членов Правительства (В.А. Махарадзе) подписано указание Министерству финансов РФ обеспечить выполнение тарифного соглашения с Росгидрометом. (Отлегло от сердца: вопрос о забастовке был снова снят.)

Ещё одна позитивная и даже радостная новость: в июле завершились очередные Олимпийские игры в Барселоне. Бешеный успех спортивной дружины бывшего Советского Союза, объединённого сейчас в команду СНГ: 112 медалей, из которых 45 золотых; на втором месте США – 108 медалей (38 золотых), на третьем – объединённой Германии – 104 медали (34 золотых).

В августе демократы-реформаторы с помпой отметили “годину” памятного ГКЧП. Б.Н. Ельцин в своём обращении к народу обещал всем бюджетникам повышение

окладов с 1 сентября в 1,5 раза, а всем жителям страны гарантировал выдачу приватизационных чеков (ваучеров), которые потом с большой выгодой можно обменять на акции крупных хозяйственных структур (заводов, нефтяных, газовых компаний и пр.). (Ух, заживём!) Е.Т. Гайдар, говоря об успехах реформ, связанных с либерализацией цен, торжественно (опять же причмокивая) объявил: “Рубль заработал!” Правда, затем добавил что-то типа: “Товары есть, только денег дефицит”. Г.Э. Бурбулис вдохновенно воспевал переход от тоталитарно-коммунистического общества к гражданскому (умалчивая термин – “капиталистическому”).

Телестудия в Останкино показала встречу российской избранной публики с мексиканской киноактрисой Вероникой Кастро, исполнившей главную роль в длинном и нудном сериале “Богатые тоже плачут”. По тому, как проходило её общение с журналистами во время интервью, мне она показалась вульгарной и менее интересной, чем в кино. В финале встречи представители казанской меховой фирмы подарили кинозвезде соболью шубу стоимостью, как было сказано, за 1,5 млн долларов. Меня это возмутило: “Стыдобища! Сколько прекрасных русских и татарских актрис живут в бедности и уходят в небытие!”

21 августа по указанию руководства УГМС я стал участником довольно долгого (около трёх часов) совещания в администрации Новосибирской области по проблеме уборки урожая, которое вёл глава региона В.П. Муха. Виталий Петрович в своей речи призвал использовать как административные, так и экономические рычаги при проведении уборочной компании. С сожалением он констатировал, что в данное время интересы страны и крестьянства не вполне совпадают, ибо цены на зерно не стимулируют эффективный труд селян. Мне дали слово в

самом конце заседания для информации о погодных условиях Новосибирской области в период уборки урожая. Долгосрочный прогноз на сентябрь был крайне неблагоприятный: преобладание холодной погоды с обильными осадками и вероятностью мокрого снега в третьей декаде месяца. Глава области отнёсся к нашему прогнозу с явным недоверием и выдал ехидный и откровенно обывательский комментарий к моему выступлению: “Я часто слышу такие страшилки и пытаюсь порой на своей куртке обнаружить те снежинки, которые обещают синоптики”.

Увы! Скепсис В.П. Мухи и его надежды на более благоприятный сценарий погоды не оправдались: уборка урожая в Новосибирской области и, в целом, на юге Западной Сибири проходила в тяжелейших условиях. Уже в третьей декаде августа начались сильные дожди, которые с небольшими перерывами продолжались в течение сентября, когда за месяц выпало до 2-3 месячных норм осадков, на фоне низких температур (на 1-3°С ниже нормы). Даже на 1 сентября мы дали штормпредупреждение о сильных дождях (телефонограммой) в адрес новосибирских властей и управления образования, чтобы ограничить праздничные мероприятия, связанные с началом учебного года. При мерзкой погоде (морозящем целый день дожде) мы с Артуром, Тамарой и её коллегами по работе собирали картошку (в районе Шилово), да и урожай был жалкий: если в мае посадили 2 мешка, то в сентябре собрали чуть более 4-х (около 20 ведер). Собранная картошка оказалась, конечно, мокрой; пришлось её сушить, рассыпав на полу по квартире. Уже в конце второй декады сентября дождь стал переходить в снег, а в третьей декаде кое-где установился временный снежный покров. Частые осадки на фоне низких температур (до заморозков) приводили к переувлажнению верхних слоёв почвы, что затрудняло выход на поля

уборочной техники. Влажность зерна достигала 50%, отмечалось его прораствание на корню и в валках. Добавлю, что и первая половина вегетационного периода (май-июнь) характеризовалась неблагоприятными агрометусловиями: частые и обильные осадки в виде дождя и снега(май); холодная, с заморозками погода не только в первой, но и во второй и третьей декадах июня, когда вероятность заморозков не превышает 1-7% (!). В результате посевная кампания в массовом масштабе развернулась лишь в третьей декаде мая, а завершилась в июне. Из-за недобора тепла созревание сельхозкультур сдвинулось на более поздние сроки. Тяжёлое экономическое положение аграрных структур (отсутствие дорогостоящих гербицидов, удобрений, недостаток горючего, техсредств) в сочетании с аномальными условиями погоды не дало селянам реализовать многие полезные рекомендации Гидрометслужбы и учёных СО Россельхозакадемии.

Тем не менее, в течение всего вегетационного периода, а особенно, во время уборочной кампании мы продолжали уделять большое внимание составлению детализированных прогнозов погоды до 5 суток, которыми были успешно предусмотрены периоды влажной (с осадками в виде дождя и снега) и сухой погоды, а также дни с заморозками. Была обеспечена чёткая и оперативная информация для специалистов сельского хозяйства о количестве осадков, состоянии почвы, влажности зерна. В разгар уборки урожая удалось решить ещё одну проблему с передачей оперативной информации о погоде на Новосибирском радио; мы требовали от руководства радиокомитета в утренние часы передавать в эфир свежий корректив прогноза на текущий день по Новосибирской области и столице Сибири, который составляет дежурящий в ночную смену синоптик, а работники радио под разными предлогами отказывались это делать, и радиозфир доносил

вчерашний (уже устаревший) прогноз. Помощь в решении поставленной проблемы оказал, как ни странно, народный артист России А.П. Балабанов, в прошлом солист балета Новосибирского театра оперы и балета (которому рукоплескали не только Новосибирск и Москва, но и Париж, Генуя...), а в то время – помощник главы Администрации НСО по работе со СМИ. Уже в сентябре Новосибирское радио по утрам передавало только свежие и оперативные коррективы прогнозов погоды. И это после трёхмесячной утомительной переписки и переговоров с руководителями местного радио. Пусть так, но что удивительно: даже в те годы развала всего и вся власть понимала необходимость доведения достоверной гидрометинформации через СМИ до населения.

Во второй половине сентября руководство Новосибирской области озадачило нас вопросом, насколько вероятно сохранение тяжёлых для уборки погодных условий в октябре. Похоже, глава региона В.П. Муха, учитывая достоверность нашего долгосрочного прогноза на сентябрь, оставил своё скептическое отношение к Гидрометслужбе и обратился к нам за помощью.

Работа была поручена отделу долгосрочных прогнозов погоды Новосибирского Гидрометцентра, которым, после отставки М.Г. Зубович, руководила Вера Фёдоровна Гурина, синоптик опытный, с большим стажем оперативно-прогностической работы. Отличительными её чертами были темпераментность и взрывной характер. Впрочем, в продолжение всей моей жизни я практически не встречал флегматичных синоптиков; видимо, профессия накладывает свой отпечаток на характер человека. Синоптики отдела подобрали 13 аномально влажных (с осадками, превышающими месячную норму) аналогов к сентябрю этого года: оказалось, что в 12 аналогах в следующем месяце, октябре (т.е. с вероятностью около

90%), отмечалось уменьшение количества осадков, благоприятное для завершения уборки урожая. С учётом этого была составлена докладная записка за подписью В.И. Зиненко в адрес В.П. Мухи, которая всё же оказала мобилизующее влияние на настроение селян. Фактически, улучшение погоды (прекращение осадков) отмечалось в отдельные дни первой декады и, особенно, во второй декаде октября, что позволило повысить темпы уборочных работ. В отдельные периоды уборка велась круглосуточно и преимущественно методом прямого комбайнирования. Но в связи с кризисным состоянием сельского хозяйства завершить уборку в полном объёме всё же не удалось: значительные площади (по территории УГМС до 1 млн га) были списаны.

В последние месяцы 1992 года и в Москве, и в Новосибирске прошла серия совещаний руководителей и ведущих специалистов Росгидромета по проблемам выживания Службы в современных экономических реалиях. Совещание по метеорологическому обеспечению авиации, организованное 12 ноября в Новосибирске, имело статус регионального мероприятия, но почему-то проходило не только с участием заместителя начальника УГМО Росгидромета Б.А. Иванова, но и с привлечением представителей УГМС Казахстана - республики, ставшей в конце 1991 года независимой. Целью данного совещания, участниками которого были также помимо Западно – Сибирского УГМС специалисты Омского, Красноярского, Иркутского и Дальневосточного УГМС, ГГО, попытаться сформулировать единую концепцию специализированного метеообеспечения авиапредприятий страны. К сожалению, цель эта на совещании не была достигнута, единства не получилось. Более основательными и обоснованными показались многим доклады и предложения представителей Казахстана и Омска о полном или частичном хозрасчёте в

деятельности АМСГ с жёсткой политикой формирования централизованного фонда заработной платы.

А наши экономисты пытались угнаться за неудержимо растущими ценами на товары и услуги в стране. Через несколько дней после авиаметсовещания начальник ПЭО Западно-Сибирского УГМС Л.В. Мишина передала нам уточнённую таблицу финансовых затрат для расчёта себестоимости и прејскуранта цен на гидрометинформацию и продукцию; я попытался оценить и рассчитать индексы удорожания: получилось в пределах от 4 до 8.

В третьей декаде ноября мы вместе с начальником ОГСН Н.Г. Матюшечкиным были командированы в Москву для участия в Совещании по проблемам наблюдательной сети. Безрадостными и печальными были доклады заместителя председателя Росгидромета А.И. Бедрицкого об итогах работы Службы в целом за 1992 год и начальника УНС В.М. Борисенко о кризисном состоянии сети. Одна отрада: указом Президента РФ от 30 сентября 1992 года Росгидромет реорганизован в самостоятельный федеральный орган исполнительной власти – Федеральную Службу России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Владимир Михайлович настойчиво призывал искать и предлагать пути выхода из кризиса. Сам же предложил идею, которая и мне, и многим участникам совещания показалась весьма опасной: примерно 60% гидрометстанций и постов объявляются основной и государственной сетью, а остальные станции и посты становятся дополнительной сетью и должны финансироваться из местного (областного, краевого) бюджета. В последующих заседаниях сетевики Волги, Сахалина, Сибири, Кавказа яростно пытались похоронить идею начальника УНС, мотивируя слабостью финансовых возможностей местных бюджетов и их ориентацией на

решение других, более актуальных экономических проблем в регионах. В последний день совещания (26 ноября) В.М. Борисенко столкнулся с энергичным напором главного методиста ГГО В.И. Кондратюка в вопросах формирования ведомственного (государственного) заказа к работе наблюдательной сети. К сожалению, в решениях совещания мнение ГГО, главного учреждения Гидрометслужбы по организации работы сети, были учтены слабо. В перерывах между заседаниями я познакомился с новым начальником Управления научных исследований (УНИ) Росгидромета В.Г. Блиновым. Виктор Григорьевич мне показался моложавым, коммуникабельным и улыбчивым интеллектуалом. Он согласился (правда, сдержанно) с нашей озабоченностью исключением из плана ряда региональных тем, заказанных УГМС Урало-Сибирского региона, вежливо выслушал мою критику нового проекта приказа о конкурсе НИР, где приоритет отдавался темам с годичным сроком выполнения: я доказывал, что такой подход поощряет “мелкотемье”. Были в этом проекте и положительные моменты: учёт мнений НКС регионов и УГМС; правда, решающее слово оставалось за НТС Росгидромета.

Участники совещания встречались с главой Гидрометслужбы Ю.Ф. Зубовым. Он появился в зале заседания как-то внезапно, без свиты, без проявлений “вельможности”, характерных для прежнего руководителя Службы. Худощав, невысок, одет в строгий и скромный костюм. На вопросы отвечал сам, стараясь не привлекать своих чиновников; ответы, как правило, были короткими, сжатыми, но по существу. До этой встречи я слышал о Юрии Феликсовиче нелестные отзывы, но в прямом общении он, пожалуй, мне понравился (менее всего вызывал неприязнь, скорее – сочувствие).

Через два дня в Росгидромете, на площадках Института повышения квалификации (ИПК) в Кучино и Главного Вычислительного Центра (ГВЦ) открылось совещание по проблеме разработки автоматизированных рабочих мест (АРМ) специалистов Гидрометслужбы. Вступительное слово произнёс заместитель начальника Технического Управления (ТУ) А.А. Рочев. Сказал кратко об актуальности вопроса, даже не пытаясь дать хотя бы краткий аналитический обзор состояния технологий АРМ в Службе. От Западно-Сибирского УГМС, кроме меня, в работе совещания принимали участие наши ведущие “технари” и программисты: В.Г. Рубекин, И.В. Колотовкин, А.А. Багаутдинов. Представители ВНИИГМИ-МЦД (А.В. Беспрозванных, Н.П. Ковалёв), ВНИИСХМ (Горбачёв) доложили о разработке АРМ для специалистов, занимающихся обработкой режимной информации: АРМ гидролога, АРМ агрометеоролога, АРМ метеоролога; эффективность действия АРМ продемонстрировали в компьютерном классе. Запомнились доклады разработчиков АРМ синоптика (технология “Лассо”) - Ю.Л. Шмелькина и К°, особенно обсуждение и дискуссия по этой технологии. Примечательным стал диалог одного из идеологов этого АРМ А.А. Акулиничевой с оппонентом из Санкт-Петербурга, который представлял альтернативную технологию АРМ. Аргументы “питерца” были не очень вразумительны, и Акулиничева, острая на язык (о чём я упоминал в I части “Осколков”), не преминула это отметить, заметив оппоненту, что прежде, чем выступать, ему следовало бы избавиться от бороды, которая заглушает смысл его речи. Под смех зала сконфуженный “гость с Невы” был вынужден сесть. Но дискуссия продолжалась; Юрий Львович и его коллеги отстаивали принцип “чёрного ящика” (закрытости системы), чтобы пользователи “Лассо” не могли ввести в программу АРМ свои наработки: мол,

“ещё испортите, внесёте вирус” и т.д. Другие ораторы (и я, в том числе) воспринимали эти аргументы как признаки монополизма, тормозящего процесс внедрения АРМ. Однако, разработчики системы “Лассо” из ГВЦ остались при своём мнении.

Удручающее впечатление производило состояние региональных НИР, которое обсуждалось в октябре и ноябре на заседаниях НКС Урала и Сибири, а также Учёного Совета СибНИГМИ и Технического Совета ЗСУГМС (с участием представителей Уральского, Омского, Иркутского УГМС). Какая-то апатия, расхлябанность, безответственность исполнителей; по 2/3 тем НИР отставание либо опоздание с представлением материалов, звучали откровенные отказы ответственных исполнителей о передаче результатов работ заказчику. Ограничились обсуждением общей концепции НИР региональной тематики на 1993 и последующие годы, а также определением перечня сокращаемых тем в связи с уменьшением финансирования науки. И тут интеллект и энергетика директора СибНИГМИ П.Ю. Пушистова были бессильны. Вновь вернулись к судьбе темы 4.33 плана НИР Росгидромета, посвящённой разработкам сценария изменения климата Западной Сибири на ближайшие 30-40 лет. Необходимость выполнения этой темы упорно отстаивал В.И. Зиненко. Аргументы его звучали примерно так: “У нас есть масса тем с использованием формулировок “доработать” и “усовершенствовать”. Я скорее соглашусь такие темы исключить из плана. Но прогноз изменения сибирского климата должен быть получен!” В результате обсуждения и дискуссии из плана НИР исчезли несколько тем локального и краткосрочного прогнозирования, а климатическая тема в плане осталась. Что же, стратегически это было, как показала жизнь, правильное решение!

Во внешне- и внутривластической ситуации последних месяцев 1992 года совпали по времени (3-4 ноября) два события. На президентских выборах в США победу одержал 46-летний самоуверенный, довольно обаятельный Билл Клинтон. Американцы отдали предпочтение курсу “перемен”, в отличие от курса на “стабилизацию”, с которым шёл на выборы Дж. Буш-старший. В те же дни обострилась ситуация на Северном Кавказе: по сообщениям СМИ ингушские боевики, используя тяжёлую военную технику, напали на Северо-Осетинскую Республику, бой завязался в жилых кварталах Владикавказа. Президент РФ Б.Н. Ельцин объявил в республике режим ЧС, назначил вице-премьера Г. Хижу главой временной администрации региона. В этой ситуации с довольно провокационными заявлениями выступил лидер Чечни, генерал Дж. Дудаев. (Очаг конфликта на Кавказе, чувствовалось, превращался в “долгоиграющую раковую опухоль”).

В декабре вновь усилилось противостояние Президента и Верховного Совета РФ. Ельцин обратился к гражданам России с воззванием: “Выбирайте: или парламент, или президент”. Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов заявил на заседании съезда о своей отставке, так как его “оскорбило высшее должностное лицо страны”. Парламент отверг его отставку, и Хасбулатов вернулся на свою работу под аплодисменты делегатов. Силловые министры заявили, что будут верны конституции, а министр обороны П.С. Грачев сказал, что российская армия не позволит втянуть себя во внутривластные конфликты, как это было в августе прошлого года. По предложению вице-президента А.В. Руцкого переговоры Б.Н. Ельцина, Р.И. Хасбулатова и главы Конституционного Суда В.Д. Зорькина завершились подписанием примиряющего компромиссного заявления.

Учитывая решения съезда, Ельцин “сдал” Гайдара, отправил его в отставку. Съезд утвердил нового главу Правительства В.С. Черномырдина; на вопросы делегатов Виктор Степанович отвечал довольно осторожно: “жизнь покажет”, “коррективы будут”... А Гайдар перешёл в статус Советника Президента, стал директором института экономики. (Наступило временное перемирие между законодательной и исполнительной ветвями власти, надолго ли?)

20 ноября В.И. Зиненко на совещании руксостава Западно-Сибирского УГМС огласил приказ по Росгидромету о переходе к концу года подразделений Гидрометслужбы на единую тарифную сетку с обязательной аттестацией всех рабочих мест и сотрудников Службы. Я довёл это решение на своей планёрке до руководителей отделов Гидрометцентра. Некоторые специалисты восприняли информацию негативно: “Не пойдём на аттестацию”. (Ещё были памятные неприятные эпизоды, возникавшие в период аттестации 5 лет назад, в 1987-88 годах.) Но в большей части коллектива преобладали оптимистические ожидания; ведь в последние месяцы года размеры премий подскочили до 40-80% к окладу. Заработки достигали 3-5 тысяч рублей и более в месяц; если бы цены не росли ежемесячно в геометрической прогрессии, то жить можно было бы вполне достойно. Отголоски реформ Гайдара-Чубайса достались нашей семье в виде договора на приватизацию нашей квартиры (“трёшки”), который мы оформили, простояв более 6 часов в очереди, так и не осознав в полной мере смысла этого документа. Получив в свои руки пресловутый ваучер, по чьему-то совету я его обменял в инвестиционном фонде “Сибирь” на бумажную справку – документ фонда, с невнятными обещаниями будущих дивидендов, которые так и не реализовались. Нет, не вписались мы в новую

рыночную экономику! Вопреки всему, моя практичная и хозяйственная супруга Тамара не опускала руки и продолжала делать всё, что могла, чтобы нашей семье жилось легче. Так, в октябре 1992 года она через своё предприятие сумела получить место (кабину) в новом кооперативном овощехранилище на Затулинском жилмассиве Новосибирска. Таким образом, наши урожаи картофеля, овощей, всякие соленья и варенья получили надёжное убежище.

В последней декаде декабря 1992 года состоялось моё первое международное интервью журналисту британской газеты “Таймс” Роберту Сали о капризах зимней сибирской погоды; накануне беседы с ним грянули крепкие, хотя типичные и не очень суровые 30-градусные морозы. Говорили с ним также о проблемах климата, влиянии антропогенных, экологических факторов. Коснулись и вопросов политики; британец прилично говорил по-русски. Р. Сали сказал, что М.С. Горбачёв в Англии очень популярен, но ему лично нравится и Б.Н. Ельцин; а вот Р.И. Хасбулатова он считал “мафиози”. Что касается лидеров своей страны, то, по его словам, М. Тэтчер была действительно яркой личностью, а вот новый премьер-министр Мэйджор – это, просто “серость”.

В конце месяца после довольно продолжительной болезни вышел на работу В.И. Зиненко и чуть ли не на следующий день сказал: “Ренад Азальевич! А где ваша газета Гидрометцентра?” Предложил сразу объявить конкурс новогодних газет подразделений Управления с установлением приза за I место в размере 5 тысяч рублей. Времени на капитальную работу с газетой, конечно, катастрофически не хватало. Изобретательная Л.Н. Староватова нашла в наших архивах старую газету 1987 года; решили её просто обновить. Я написал к ней две статьи, в которых с изрядной долей юмора, иронии и

сарказма коснулся происходящих в стране политических баталий, а также грядущего перехода на новую тарифную сетку. Помнится, в политической статье был такой пассаж: “Абхазы бьют грузин, которые воюют с осетинами, которые давят ингушей, которые режут русских, которые выражают протест татарам”. Мой давний коллега по институту В.Н. Барахтин восхитился юмореской. В итоге газета ГМЦ “Погода” в конкурсе из трёх газет по УГМС завоевала главный приз.

В первой половине января нового 1993 года была проведена невероятно сложная и трудная работа по подготовке нового штатного расписания Новосибирского Гидрометцентра. Через несколько этапов обсуждений, дискуссий, споров был достигнут компромисс с руководством и ПЭО Управления. 12 января штатное расписание уже всего Западно-Сибирского УГМС утверждалось на расширенном, а потому – многочисленном, заседании Технического Совета Управления. Критические “стрелы” некоторых ораторов были нацелены на руководство Гидрометцентра за его неуступчивость в экономических вопросах. Удивительно, но лояльность по отношению к Гидрометцентру проявила начальник ПЭО Л.В. Мишина. Выступая на заседании, она сказала, что ГМЦ – “это высокопрофессиональный коллектив”, но он “физически не смог войти в предложенный фонд заработной платы” (?!). Сказано было угловато, неуклюже, но трогательно.

В середине января прошла аттестация руководителей головных подразделений УГМС и их заместителей. В ближайшие недели предстояло провести аттестацию сетевых структур нашего Управления.

Начинался очередной этап борьбы за выживание Гидрометслужбы...

Фотографии к Главе 13

Беседа с отцом

К.Н. Силецкий

А.Н. Шохин

Н.А. Дьяченко

В.П. Муха

А.П. Балабанов

В.Ф. Гурина

В.И. Кондратюк

В.Г. Блинов

Глава 14. Очередная аттестация. Проблемы наблюдательной сети. От надежд к предзабастовочному состоянию. Кровавые события в Москве и совещание долгосрочников.

Рассвет 19 января 1993 года застал нас в служебной машине УАЗ на пути в Томск. “Нас” – это аттестационная комиссия Западно-Сибирского УГМС: Р.И. Салтыкова, В.В. Селегей, К.П. Ульянов, представитель ОКП Л.И. Загребнева, я и наш председатель Р.Я. Гесс. Мы едем проводить аттестацию руководителей и специалистов оперативно-производственных подразделений прогностической и наблюдательной сети Томского ЦГМС. 6 часов пути, и вот уже областной центр. В городе какое-то ощущение заброшенности - улицы завалены снегом, с крыш свисают снежные карнизы. Устраиваемся в гостинице “Сибирь”. Номер мне достался грязный, неприбранный, в ящиках стола и комода ликующие тараканы полчища, а вечером я исхитрился убить в ванне небольшую крыску.

Наутро Р.Я. Гесс ознакомил работников Томского ЦГМС и наблюдательной сети с основными положениями отраслевого тарифного соглашения между Росгидрометом, Советом ФПАР и Министерством Труда РФ на 1993 год, штатным расписанием и порядком аттестации: Роман Яковлевич обратил внимание присутствующих на то, что с 1 января 1993 года оплата труда работников Росгидромета будет производиться в соответствии с отнесением к 17-ти разрядам, установленным постановлениями Минтруда (октября-ноября 1992 года) и рекомендациями Росгидромета. Он подчеркнул, что для работников Гидрометслужбы предусмотрены компенсационные надбавки в среднем около 50% к окладам (за специфику отрасли).

Как и пять лет назад, впечатления от аттестации работников сети были чрезвычайно пёстрыми: большинство аттестуемых порадовали глубокими знаниями профессии, но попадались и откровенно слабые работники. Достоинство прошли аттестацию начальники АМСГ Томск А.К. Маркова и АМСГ Стрежевое А.Н. Данилов, начальник аэрологической станции Александровское О.Ф. Чагин. Особенно хороша была А.К. Маркова, красивая и умная женщина, которая отвечала на предложенные вопросы точно, свободно и даже с неким артистизмом. Уверенно держался новый начальник Томского ЦГМС А.И. Кривошапко, который представил начальника вновь организованного отдела гидрометобеспечения Центра Т.Н. Мангазееву; в отдел входили группы синоптиков, агрометеорологов и радиооператоров. Поразили своим поведением начальники гидрометстанций Новый Васюган и Красный Яр. Они не только уверенно ответили на вопросы членов комиссии, но и сразу перешли “в атаку” на руководство УГМС, поднимая острые проблемы материально-технического обеспечения станций. Ведущих гидрологов Колпашевской ГМО В.Д. Крашенинникова и Г.А. Захарову председатель комиссии критиковал за некорректное деление гидрометеорологических постов на “наших” (подчиняющихся непосредственно ГМО) и “ненаших” (прикреплённых к конкретной метеостанции); к последним методическое руководство гидрологов ГМО было явно ослаблено.

Откровенно “завалили” на аттестации директора КЗГМО В.М. Бузунова; на вопросы он отвечал слабо, неубедительно, вдобавок руководству УГМС поступила очередная докладная от сотрудников обсерватории о случаях его пьянства на работе. (В начале февраля был издан приказ о его увольнении с директорской должности.) Жалко выглядела на аттестации начальник АМСГ Пудино;

ну, ничегошеньки не знала, только временами причитала: “У меня корова скоро будет телиться!” (?!)

Комично проходила аттестация сотрудников лаборатории КЗС (контроля загрязнения среды), которой руководил Тютюнников. Перед аттестацией заведующий лабораторией торжественно и высокопарно обращался к комиссии: “Уважаемый Председатель комиссии! Уважаемые члены комиссии! Вашему вниманию...” Далее возникала какая-то путаница в штатном расписании лаборатории и гремел гневный возглас Р.Я. Гесса: “Селегей! Разберись!” Валентин Васильевич выходил с Тютюнниковым в коридор и что-то с ним уточнял. Зав лабораторией опять возвращался к комиссии и вновь – театральное обращение: “Уважаемый Председатель!” Затем выявляется какая-то новая штатная путаница, снова свирепый клич Гесса: “Селегей! Разберись!” Не менее трёх раз описанный сценарий повторялся. Конечно, на вечернем чаепитии в гостинице я не мог не спародировать наиболее яркие эпизоды аттестации.

Л.И. Загребнева, представитель нашего профсоюза, позаботилась о нашем вечернем досуге: организовала культпоход членов аттестационной комиссии на спектакль Томского драматического театра по пьесе А.Н. Островского “Светит, да не греет”. Странное впечатление произвела на меня эта пьеса: шла она как-то шероховато, в нервном ритме, походка у актрис была почему-то танцующей, сопровождалось всё действие музыкой “а ля рюс”. Осталось впечатление, что это не совсем Островский, а может, вовсе не Островский. И публика в зале преимущественно школьного возраста, равнодушно жующая жвачку. Грустно...

В последнюю неделю января прошла аттестация руководителей отделов, групп, специалистов Новосибирского Гидрометцентра. Главой аттестационной

комиссии здесь был другой заместитель начальника УГМС - В.Г. Рубекин. Вёл Виктор Григорьевич процедуру аттестации довольно жёстко, временами нервно и агрессивно, что вызывало дискомфорт даже у многоопытных В.Г. Осокиной и З.Н. Рассоловой и, конечно, у Е.Н. Гоголинской, которая претендовала на должность начальника отдела краткосрочных прогнозов погоды, поскольку Л.И. Мальцева, достигшая пенсионного возраста, перемещалась на более скромную должность, освобождая “престол” более молодому поколению. Нередко с главой комиссии возникали перепалки по теме: “Такой-то имярек заслуживает более высокой должности, а в штатном расписании таковой нет”. (А надо бы дать!) Запомнились дискуссии при аттестации сотрудников отдела метеорологии. По предложению членов комиссии Я.А. Гусеву всё же был повышен разряд по должности. Нелегко пришлось Л.Н. Куликовской – В.Г. Рубекин требовал понизить её разряд. И понадобилось немало времени, сил и нервов, чтобы доказать, что Людмила Николаевна достойна этой инженерной должности в соответствии с её большим опытом практической работы и квалификацией. (В кулуарах говорили, что негативное отношение руководства к Куликовской было связано с её довольно активной и боевой работой в профсоюзной организации УГМС.)

Впрочем, аттестация 1993 года заметно отличалась от аналогичной “эпопеи” периода “перестройки” (1987-88 гг.). Никто не задавал вопросов, связанных с политическими и экономическими процессами, происходящими в стране. Задавались сугубо профессиональные вопросы о критериях стихийных или опасных природных явлений, порядка производства гидрометеорологических наблюдений и другие, то есть о том, что должен знать аттестуемый по роду своей работы и должности.

В середине февраля прошёл чрезвычайный съезд коммунистов России, избравший Центральный комитет во главе с Г.А. Зюгановым. Прямо скажем, не красавец! Но голос у него звучный, трубного, низкого тембра – специально для митинговых ситуаций. В состав ЦК вошли уже известные С.П. Горячева и В.А. Купцов. В марте открылся съезд народных депутатов России, на котором Президент РФ Б.Н. Ельцин выступил с пространной речью и договорился до того, что если бы М.С. Горбачёв был избран всем народом, то сохранились бы и Советский Союз, и сам Президент СССР. Борис Николаевич вздумал поучать делегатов съезда, как напроказивших школьников, что им можно делать, а что “иззя”. Председатель Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатов не мог этого перенести и позволил себе повышать голос и на Ельцина, и на главу Правительства В.С. Черномырдина: “Возьмём и всем съездом снимем А.Б. Чубайса с его поста!” Было совершенно ясно, что противостояние различных ветвей власти осталось.

Я наблюдал за разгаром этой пожароопасной политической ситуации из санатория “Речкуновка”, где отдыхал, второй раз за последние 4 года, по профсоюзной путёвке. Итак, снова сосновый бор, берег Бердского залива, нахальные белки, чистый воздух, бодрящие, хотя и утомительные порой, лыжные прогулки, приятные лечебные процедуры (ингаляции, массаж, ванны, кислородные палатки), рациональное питание. Утренняя зарядка была для “продвинутых” – попробуйте, например, одновременно вытянуть правую руку и левую ногу! Как и в 89-м году, любил на лыжах бегать до базы имени Алика Тульского в Академгородке. Лыжня шла сначала по льду Бердского залива, а потом уходила в лес. Одна из таких прогулок могла закончиться неприятностью. На обратном пути от базы я попал не на ту лыжню: седьмой час вечера,

солнце заходит, наступают сумерки, а я всё хожу по лесу кругами. Стало страшновато. Наконец догадался уйти от круговой лыжни в сторону, на юг; нашёл нужную лыжню и через полчаса вышел на берег залива, увидел огни родного санатория, запел (на мотив известной песни военных лет): “Но радостно встретит тебя Речкуновка, родимая наша земля!” Устал до тошноты после трёхчасовой ходьбы; хорошо, удалось подкрепиться завалявшейся в кармане конфетой. А на ужин я всё же не опоздал!

Жил я в этот раз на 4-м этаже. Моим соседом по номеру был пенсионер, старше меня на 10 лет, Вячеслав Викторович, с драматической судьбой: потерял двух сыновей - один утонул, другой умер после ранения, полученного в бою в Афганистане. Несмотря на всё пережитое, оживлён, говорит заинтересованно и много на разные темы; имеет свои представления о событиях советской эпохи. 5 марта исполнилось 27 лет со дня смерти великой поэтессы Анны Ахматовой, о чём была передача Новосибирского радио. Узнав об этой “године”, сосед изрекает: “Паразиты! Довели Ахматову до самоубийства”. Я уточняю: “Ахматова умерла в больнице от сердечной недостаточности”. Вячеслав Викторович возражает: “Нет, она повесилась, я сам читал”. Я: “Это Цветаева повесилась в 41-м году в Елабуге, ты путаешь”. В.В. почти соглашается: “Может быть”. В этот же день исполнилось 40 лет со дня смерти кумира многих советских людей, лидера Страны и Партии И.В. Сталина. По радио выступал военный историк Д.А. Волкогон, цитировал характеристики, данные вождю Л.Д. Троцким: “Выдающаяся посредственность... недюжинный, но мрачный ум, громадная целеустремлённость, жажда власти и славы”.

“Викторович” познакомил меня со своим кругом друзей, мужчин и женщин, преимущественно моего поколения, или даже несколько моложе. Отмечали мы

вместе советские праздники: День Советской Армии и Международный Женский День. Понравился тост-пожелание, услышанный в день рождения одной из отдыхающих: “Желаю от солнца тепла, от друзей добра, от земли щедрости, от мужа верности!” И часто (даже очень часто) ходили на танцы. В моде были ритмы фокстрота на мелодии песен в исполнении популярных в те годы певиц Алёны Апиной и Марины Журавлёвой: “Катя-Катерина, эх, душа?/ До чего ж ты, Катя, хороша!” Или: “Это наш счастливый случай,/ Больше ты меня не мучай”. А вот ещё: “Эх, цыганочка, Яночка, Яночка!/ Продаёшь ты конфеты, бараночки”. Или вот такое страстное объяснение: “Лёха, Лёха, Лёха, мне без тебя так плохо!/ На сердце суматоха, я точно говорю”. И откровенное признание: “Ох, было, девки, было!/ Я обо всём забыла./ Но вы, девчонки, всё же не верьте никому!” Но больше всего мне нравилось кружиться под потрясающе вихревую музыку вальса гениального композитора И.О. Дунаевского из довоенного кинофильма “Моя любовь”. А если у партнёрши талия была такая же тонкая, как у лермонтовской героини Мэри, то я вообще ощущал себя летящим в космосе.

За время пребывания в санатории пролистал последнее издание “Наставления по метеорологическим наблюдениям на станциях и постах”, осилил оба тома американской писательницы М. Митчелл “Унесённые ветром”, затем их продолжение – роман А. Рипли “Скарлетт” по событиям гражданской войны в США в 60-х годах XIX века. Определил в своей супруге Тамаре черты главной героини романа – предприимчивость, умение выживать в сложных обстоятельствах. А у себя нашёл некоторые черты не самого удачливого персонажа – Эшли.

21 марта Б.Н. Ельцин обратился с воззванием “К гражданам России”; он хаял съезд российских депутатов за “антиконституционные” действия, объявил о предстоящем

в апреле референдуме о доверии к Президенту РФ, а заодно об увольнении глав администраций Новосибирской и Иркутской областей. Одновременно дал поручение Правительству ускорить экономические реформы, совмещая приватизацию и борьбу с инфляцией. В ответ Новосибирский облсовет также обвинил Ельцина в неконституционности: он не имел права увольнять В.П. Муху с должности без согласования с Новосибирским облсоветом. Горячие головы на съезде даже пытались поднять вопрос об импичменте Президенту, но поддержки эта идея не получила.

В 20-х числах марта и начале апреля несколько раз я выступал на городской и областной паводковой комиссиях и у водохозяйственников (ВОБВУ) с подготовленными синоптиками и гидрологами Новосибирского ГМЦ прогнозами погоды на весенне-летний сезон и развития половодья в бассейне Оби и Томи. Специалисты ВОБВУ говорили о массе хозяйственных проблем: неисправна одна или даже две турбины Новосибирской ГЭС, что может привести к холостым сбросам воды через плотину ГЭС, ливневая канализация в плохом состоянии и прочее. Вместе с тем, порадовали нас сообщением, что на авиационные обследования и работы в период половодья Западно-Сибирскому УГМС будут выделены необходимые денежные средства из бюджета области. (Ах, как не хватает внимания местной власти к проблемам Гидрометслужбы в современную эпоху!)

6 апреля нас, сотрудников Гидрометцентра, потрясло известие о кончине ветерана Гидрометслужбы, бывшего начальника Новосибирского Бюро Погоды Марии Григорьевны Петровой. (О ней я писал в первой части.) Ещё недавно, чуть более недели назад, небольшая группа коллег, друзей и ветеранов отмечала её 70-летний юбилей. Звучали тосты, поздравления от разных подразделений УГМС,

нашего Гидрометцентра, пожелания доброго здоровья. Юбиляр выступила с ответным словом. Мы, конечно, заметили, как она измучена нездоровьем, почти полной слепотой. Мария Григорьевна жаловалась: “Не могу читать, писать, остаётся только радио”. Она жадно впитывала политические новости, переживала из-за кризиса и развала “всего и вся”. С Г.П. Торубаровой я сходил на квартиру Петровых. Юрий Пантелеймонович, плача, рассказал, что Мария Григорьевна поехала с ним вчера в МНТК на операцию: надеялась избавиться от всех проблем со зрением. Но в клинике настолько переволновалась, что с ней случился инсульт, а утром 6 апреля она скончалась в горбольнице. В тот же день я согласовал с руководством Управления текст некролога и отвёз его в редакцию областной газеты “Советская Сибирь” для публикации. 8 апреля прошли похороны Марии Григорьевны на Заельцовском кладбище. Большую помощь в этом тяжёлом деле оказали Н.И. Кителев и четверо мужчин-связистов из НС АСПД, которым даже пришлось помогать могильщикам. Желаящие проводить М.Г. Петрову в последний путь, коллеги и ветераны Гидрометслужбы, едва уместились в трёх автобусах. Я выступил дважды: и на кладбище, и на прощальной трапезе. В глазах стояли слёзы, а в голове: “Она была новосибирской мамой и для меня, и для многих из нас”. Кто-то из ветеранов высказался так: “Если бы она не стала начальником Бюро Погоды, то была бы политическим деятелем типа Маргарет Тэтчер”. Другой ветеран заметил: “Поминая Марию Григорьевну, каждый из нас поминает себя в ней”.

Закончился печальный день прощания с М.Г. Петровой. А в полночь раздался тревожный звонок нашего домашнего телефона: дежурный синоптик сообщил, что на химическом комбинате Томск-7 (г. Северск) произошла авария: взорвался бак с ядерными отходами. На следующий

день поступило сообщение, что радиационный фон в Томске в пределах нормы, но в отдельных населённых пунктах достигает 200-600 мкР/час, и какое-то облачко движется в направлении Енисейска. Из Алма-Аты звонила Л.К. Некипелова: беспокоилась о сыне, который учился в Томском университете. Постарался её успокоить – всё же это не катастрофа чернобыльского типа. Тем не менее, руководители нашего УГМС и ЦНЗПС (В.И. Зиненко и В.В. Селегей) срочно выехали в Томск и организовали учащённые радиологические наблюдения в зоне аварии и прилегающих районах. Наш Гидрометцентр составил для руководящих органов детализированный прогноз погоды и гидрологических условий на юге Томской области на 10 суток. В общем, служба мониторинга загрязнения природной среды в этой ситуации не подкачала, и заведующий ЛКЗС Томского ЦГМС Тютюнников был даже поощрён нашим руководством.

А вот родная наша гидрометеорологическая наука продолжала деградировать. В середине апреля, после долгого перерыва, состоялось заседание Учёного Совета СибНИГМИ, на котором директор института П.Ю. Пушистов доложил печальные итоги рассмотренного на НТС Росгидромета состояния научных исследований: бюджет НИР не утверждён; есть только так называемый “план-прогноз”, по которому 22 темы на 1993 год прошли условно, а 3 темы под большим вопросом. Эта неопределённость отразилась на исполнительской дисциплине сотрудников института: некоторые авторы уклонились от утверждённой программы исследования или даже саботировали подготовку отчётности. Летом Москва запросила у нас информацию о состоянии выполнения тем НИР регионального заказа. Мы были вынуждены сообщить о неудовлетворительном состоянии науки: по пяти темам НИР вообще не было отчётной документации. П.Ю.

Пушистов был недоволен нашим ответом в Росгидромет, а С.М. Кононенко истерично возмущался: “Вы понимаете разницу между письмом-сообщением и доносом?!”

Несколько отвлекло от проблем коллектив СибНИГМИ чествование 60-летнего юбиляра – ведущего учёного института в области авиационной метеорологии В.Н. Барахтина. Торжественное заседание Учёного Совета 19 апреля вёл В.М. Топоров, с приветствиями выступили главный синоптик НЗАМЦ Р.И. Салтыкова, начальник РЦПОД В.М. Крысов, ведущие учёные института И.П. Прокопьева и А.Г. Чубенко. Анатолий Григорьевич не преминул съязвить; его подпись на институтском адресе звучала так: “Последний секретарь парторганизации СибНИГМИ”. Выступая от имени Новосибирского Гидрометцентра, я отметил, что наш юбиляр, Вианор Николаевич, не просто кабинетный учёный, работающий с картами, литературой и бумагами, а учёный-экспериментатор, который сам, и порой с риском для жизни, занимался исследованиями атмосферной турбулентности на самолётах вместе с пилотами и учёными Сибирского института гражданской авиации (СибНИА). Подчеркнул, что В.Н. Барахтин внёс большой вклад в укрепление обороноспособности нашей страны, участвуя в качестве эксперта в работе Семипалатинского ядерного полигона

Накануне мы с супругой были в гостях у Вианора Николаевича, где в честь юбилея его музыкальная семья (дочь Юля, внук Ваня, внучка Оля) представила музыкальную программу: Бетховен, Рахманинов, Прокофьев... Мы с Тамарой пели романсы.

А политика снова и снова вторгалась в нашу жизнь. 25 апреля мы участвовали в референдуме (о доверии Президенту); мнения в нашей семье разделились. Я голосовал за переизбрание и Президента, и Правительства, мои женщины (тёща и Тамара) высказались за доверие

обеим ветвям власти. Накануне состоялась встреча двух Президентов, Б. Клинтона и Б.Н. Ельцина, в Ванкувере; итог – США дают нам кредиты на развитие в России фермерства, частного бизнеса и конверсии. (“Уйдут деньги в песок”, - подумал я.)

Первомайская демонстрация в Москве, организованная левыми партиями (“Трудовая Россия”, КПРФ и др.), завершилась побоищем: демонстранты, используя трубы, цепи, заточки, попытались прорвать кордоны милиции и ОМОНа, а в ответ получили дубинки и водомёты. Пострадало несколько сот человек. В инциденте были замешаны и действующие депутаты Верховного Совета РФ, и бывшие члены ГКЧП. Противостояние властей ознаменовалось тем, что Президент и Парламент представили каждый свои проекты Конституции РФ. Прибывший в мае в Новосибирск вице-премьер С.М. Шахрай, конечно, ратовал за президентский проект. Председатель Новосибирского облсовета А.П. Сычёв в газете “Советская Сибирь” раскритиковал оба проекта и пришёл к выводу, что нужен компромиссный вариант. Такой вариант осенью был всё же разработан в ходе работы Конституционного Сопровождающего и направлен во все субъекты РФ. Вице-премьер Б.Г. Фёдоров в своей статье в “Известиях” “осчастливил” россиян сообщением, что инфляция в стране в 1993 году значительно ниже, чем в 1992: всего лишь 1100% против 2500% (!). В новосибирской областной газете говорилось, что спад производства в регионе составил 15-20%, правда, при росте товарооборота. Неожиданные отклики и аналогии происходящим событиям предлагали деятели искусства. “Кругом дороговизна, всё исчезло!” – восклицала императрица Екатерина II (в исполнении актрисы В. Мороз) в спектакле Новосибирского театра “Красный факел” “Великая Екатерина” по пьесе Б.Шоу. Этот возглас зрительный зал

воспринимал громким смехом и аплодисментами. Но пьеса в целом мне категорически не понравилась. Я воспринял её как оскорбительный пасквиль, карикатуру на действительно великих правителей России второй половины XVIII века, которые не были только откровенными пьяницами и развратниками, какими они вышли из-под пера английского драматурга-сатирика. Они сделали Российскую империю великой европейской и мировой державой, присоединив к России и Крым, и Малороссию, и Причерноморье.

Хоть я и говорил о том, что в борьбе за качественное зрение буду придерживаться тактики обороны, но эта “оборона” была достаточно активной. По рекомендации лечащего меня офтальмолога Е.В. Егоровой я в апреле и мае ездил на процедуры в МНТК, где мне проводили довольно болезненные уколы в висок, под конъюнктиву, а также электростимуляцию и фонофорез (в области глаза). Первые уколы я перенёс довольно тяжело, в глазах темнело, я терял сознание и просто брякался на лавку. От уколов возникали пугающие окружающих синяки под глазами. Жаль, но и после этих процедур острота зрения не изменилась (но и не ухудшилась!). Перенесённые переживания вылились в написание юморески “В процедурном кабинете”, которую я иногда зачитывал близким и коллегам.

В тяжёлых погодных условиях проходила посевная кампания на юге Западной Сибири. В первой и второй декадах мая арктические вторжения привели к обильным осадкам, возвратам холодов, установлению временного снежного покрова высотой до 10-25 см; среднедекадная температура оказалась ниже нормы на 1..4°. Сев яровых культур был задержан на 1-2 недели. Из-за погоды и тяжёлого экономического положения на селе (отсутствие гербицидов, необходимой техники и пр.) была допущена большая засорённость полей, массовое развитие вредителей

и болезней, что, конечно, отрицательно повлияло на урожай.

12 мая в 6 районах Новосибирской области и Алтайского края отмечались шквалистые усиления ветра силой 25 м/с и более, в Барабинске до 34 м/с. Пострадали опоры и линии электропередач, был повреждён локатор аэрологической станции Барабинск. Синоптики эти шквалы не сумели предупредить. В соответствии с принципом “разобраться и наказать!” был подготовлен жёсткий приказ по УГМС, предусматривающий административное наказание руководства и специалистов Новосибирского ГМЦ и Алтайского ЦГМС. Но здесь вовремя вмешалась комиссия учёных СибНИГМИ во главе с И.П. Прокопьевой, которая в своём заключении показала, что шквалы в данной синоптической ситуации имели низкую климатическую вероятность (один случай за 25 лет) и их сложно было предсказать. В результате ограничились лишением виновных денежных премий.

Ещё в апреле представитель околонуточной фирмы “Монэкс”, некто Розанов, опубликовал в “Сибирской газете” статью, в которой он предсказал летнюю засуху в Западной Сибири, а уже упомянутый ранее сотрудник Биологического института СО РАН И.А. Гаврилов возвестил, что засуха ожидается на всей планете Земля. Ну, не мог “всевышний” перенести такое мракобесие, да ещё от каких-то “неформалов”, и наслал на сибирские просторы обильные осадки, максимальная интенсивность которых пришлось на вторую половину мая. В связи с низкими температурами в горах Алтая продолжалось накопление снега, а затем с повышением температуры и продолжающимися дождями в верхней части бассейна Оби сформировалась мощная снежодождевая (вторая) волна половодья, которая ринулась на среднюю Обь и обусловила подтопления территорий около Новосибирска и Барнаула.

Наверное, не случайно в последние дни мая прошли учения служб ГО и ЧС, посвящённые водной стихии. Утром 27 мая, около пяти часов, меня разбудила телефонным звонком старший синоптик ГМЦ О.Н. Петякшина, которая в те годы была ещё руководителем оперативной группы по взаимодействию с ГО Новосибирской области. Она сообщила, что объявлен сбор на учения по отработке ситуации “Взрыв плотины Новосибирской ГЭС”. Вскоре пришёл служебный автобус. Когда я, примерно через час после оповещения, вошёл в кабинет руководства, там уже вокруг карты города суетились и Р.Я. Гесс, и А.Г. Каминский, и кто-то из гидропрогнозистов ГМЦ, пытаюсь определить зону подтопления городских районов и вероятную её площадь. А реальная волна половодья привела к переполнению Новосибирского водохранилища, уровень которого в начале июля достиг отметки 113,93 метра БС (при норме 113,5 м). Областная комиссия по ЧС, руководимая заместителем главы области Мамоном, приняла решение об увеличении сброса воды из водохранилища в нижний бьеф, вследствие чего уровень Оби в границах Новосибирска в эти же дни поднялся до 480 см. Было подтоплено около двух тысяч садово-огородных участков в пойме Оби: в черте города, в Новосибирском сельском и Колыванском районах области. Проводилось авиационное обследование Новосибирского водохранилища, в котором принимали участие В.И. Зиненко, начальник гидрографической партии П.П. Бороздюхин и гидролог ГМЦ О.В. Лавринович. Я был участником заседания комиссии Мамона. Глава комиссии был колоритен: плотный, багроволицый во время дискуссии, бритый наголо “под Котовского”. Он очень вовремя пришёл на помощь нашему УГМС в эти дни: энергосбыт грозил отключить Западно-Сибирскую службу от электроэнергии за неуплату долгов, но вмешательство

Мамона не позволило этому случиться. Ещё один подарок местной власти в то лето: мэрия Новосибирска передала нашей Гидрометслужбе в честь 100-летия основания города новый автоответчик для того, чтобы синоптики Новосибирского Гидрометцентра могли обеспечивать горожан информацией о прогнозах погоды. (Даже в те трудные годы сибирские правители проявляли внимание и поддержку родной Гидрометслужбе!) Возвращаясь к теме воды, добавлю, что весеннее-летнее половодье 1993 года наибольший ущерб нанесло экономике Алтайского края и Республики Алтай: были подтоплены десятки сёл, повреждены дамбы, опоры ЛЭП и связи, затоплены посевы и пастбища; ущерб был оценён в сумме около 6 млрд рублей.

А в то лето службы, причастные к спасению людей, проявляли повышенное внимание к деятелям, исповедующим идеи воздействия внешних космических факторов на земные процессы. В опубликованной в газете “Известия” статье один из идеологов “реформирования” науки К. Кедров восклицал: “Сегодня одурь материализма проходит!” А наша планета, по мнению автора, “окружена слоем ноосферы, состоящей из сгустков мыслей, живших на Земле людей”. Надо ли удивляться, что после такой ахиней был приглашён для доклада в штаб ГО Новосибирской области И.А. Гаврилов, который нёс слушателям откровенный бред о влиянии на земную природу Урана – “этой злой планеты”, каких-то магических силах и числах. В июне его измышления о влиянии космоса на погоду мы даже слушали на совместном заседании Учёного Совета СибНИГМИ и Технического Совета ЗСУГМС. Обличая безграмотность оратора, я в своём критическом выступлении привёл данные о весьма неоднозначной связи крупных мировых революций и исторических событий с активностью Солнца (здесь мне помог мой сын – историк

по образованию). А также обличил феноменальное невежество его прогноза о вероятности засушливости на всех континентах нашей планеты. Эмоциональную точку в дискуссии поставил ведущий сотрудник института Н.Н. Завалишин, предложивший пари Гаврилову: “Если ваши прогнозы окажутся точнее наших, то я отдам вам свою зарплату!” Впрочем, в области космических исследований были и разумные доклады. Сотрудник СО РАН Дмитриев, выступая на том же заседании в штабе ГО, говорил о взаимодействии космических и земных электромагнитных полей. По данным Дмитриева, при высокой солнечной активности происходит нарастание потока плазмы от Солнца, что вызывает увеличение нагрузки извне на техногенные сооружения Земли (электростанции, ЛЭП и др.), нарастает вероятность их аварий.

Летом и осенью 1993 года мы довольно часто рассматривали на заседаниях Технического Совета УГМС, при руководстве управления, вопросы деятельности гидрометеорологической наблюдательной сети. Как было сказано в предыдущей главе, по решению руководства Росгидромета сеть была разделена на основную и дополнительную. По методическим документам головных НИУ (ГГО, ГГИ, ВНИИСХМ) основная сеть предназначалась для изучения режима окружающей среды и гидрометобеспечения страны в целом или её крупных регионов. В основной сети должны были находиться так называемые реперные пункты с длиннорядными наблюдениями и полной программой наблюдений, которые нельзя было закрывать ни при каких условиях. Дополнительную сеть следовало размещать между пунктами основной сети, и она предназначалась для решения локальных задач и детальной оценки гидрометпроцессов внутри региона, а также для гидрометобеспечения конкретных потребителей или

местных органов управления. Написано красиво, но как отличить метеостанцию, ценную для всей гигантской страны, от станции, которая полезна только для конкретного региона? Чётких рекомендаций не было, да и быть, наверное, не могло, ибо гидрометданные любой станции – это отражение и глобальных, и локальных гидрометпроцессов. Поэтому при классификации сети принимались во внимание хозяйственно-экономические факторы (состояние служебного здания станции, наличие тесных связей с местными органами власти или потребителями, демографическое положение, уровень квалификации работников станции и пр.). В 1993 году из 130 пунктов метеорологических наблюдений, работающих по программе станций, 90 были отнесены к основной сети (29 – к реперной) и 40 – к дополнительной сети. Из 237 гидрологических постов к основной сети было отнесено 170 (90 ГП – к реперной) и 67 ГП – к дополнительной. Из 89 пунктов агрометнаблюдений в качестве основной сети числилось 65 пунктов (23 – реперных) и 24 пункта в дополнительной сети.

В июне и августе в нашем Управлении с целью проведения методической инспекции метеорологической и гидрологической сетей побывали группы ведущих методистов головных НИУ: ГГО во главе с В.И. Кондратюком и ГГИ – под началом А.И. Васехина. Вместе с ними на станции и посты выезжали и наши представители (Р.Я. Гесс и А.Г. Каминский); все вернулись как будто довольные итогами поездки. Акты инспекции были составлены в довольно корректных и даже благожелательных формулировках. Отмечалось, что посещённые станции и посты, в основном, выполняют программу наблюдений с хорошим и отличным качеством (около 98-98,5% постов). Положительно оценили инспектора принятые руководством УГМС и ГМЦ

решения: в условиях сокращения финансирования и выезда инспекторов на сеть расширить практику заочных контрольных работ по производству наблюдений и информационной работе. Представители ГГИ приятно удивились стабильности в работе нашей гидрологической сети и тому, как бережно сохранялись имеющиеся ресурсы - от запасных частей на местах до специалистов-прибористов в областных ЦГМС и ГМО.

Руководство УГМС и Новосибирского Гидрометцентра оценивало состояние нашей наблюдательной сети более жёстко и критически. Хотя среднегодовые оценки качества гидрометеорологических наблюдений располагали к благодушному настроению, но реальные факты работы отдельных станций, вскрываемые во время инспекций или при более глубоком анализе данных, вызывали обоснованную тревогу. Запомнились слушания при руководстве Управления результатов методических инспекций станций Томской области (Пудино, Парабель, Катыльга), Алтайского края и Республики Алтай (Ключи, Кулунда, Турочак, Яйлю), проведённых инспекторами и специалистами отдела метеорологии нашего Гидрометцентра в августе – начале сентября. Напомню, что Западно-Сибирское УГМС было чуть ли не единственным УГМС Росгидромета на азиатской территории России, где осуществлялось централизованное (из одного центра – Новосибирска) методическое руководство метеорологической сетью на всей территории Управления. В большинстве других УГМС инспектора-методисты работали не только в головных гидрометцентрах, но и в областных ЦГМС. У нас была хоть и небольшая, но дружная группа инспекторов: вошедший недавно в строй молодой специалист Ю.И. Муромцев, ветеран войны Я.А. Гусев, который трудился всё ещё с боевой активностью, опытный метеоролог В.В. Ворожцов,

возглавивший коллектив после ухода на пенсию Ю.Н. Изнаирского. Обсуждение итогов инспекции шло трудно: большинство проверенных станций, особенно Томской области, работали слабо из-за частой смены штата, низкого уровня квалификации начальников станций. Пытаясь объяснить причины длительного выхода из строя метеорологических приборов, Ворожцов говорил долго и велеречиво (у него была склонность к пространным “размышлизмам”). Более позитивным было сообщение о хорошем качестве актинометрических наблюдений на АЭ Александровское и М-П Кузедеево, с которым выступила куратор этого вида наблюдений Л.Н. Шишкина. Ну, и совсем оптимистично прозвучало сообщение Я.А. Гусева о завершении строительства служебного дома метеостанции Тегульдет Томской области и переносе метеорологической площадки. (Даже в эти тяжёлые годы были “точки роста” в нашей Гидрометслужбе!) Опять же вспоминаю, с какой живостью реагировал на доклады инспекторов заместитель начальника УГМС Р.Я. Гесс, поражаюсь глубокому его знанию методики наблюдений и сильной организационной хватке!

Вспоминается эпизод: на одном из летних заседаний Техсовета В.И. Зиненко критиковал методистов нашего Гидрометцентра за некоторое снижение качества информационной работы сети. Он не хотел признавать связи между эффективностью методической работы и состоянием материально-финансового обеспечения сети. В этой ситуации пришёл на помощь начальник Томского ЦГМС А.И. Кривошاپко, который привёл несколько ярких и эмоциональных примеров из жизни томского центра.

Да, негатива в работе сети было в то время ой как много. В осеннем докладе начальника ОГСН Н.Г. Матюшечкина о готовности наблюдательной сети УГМС к зиме прозвучали тревожные сигналы: не хватает денег на

закупку топлива и продуктов, 20% станций не имеют флюгеров для наблюдений за режимом ветра, ещё 10% станций не готовы к гололёдно-изморозевым наблюдениям...

В решении летней коллегии Росгидромета наше Управление похвалили за чёткое и эффективное гидрометеорологическое обеспечение потребителей в период паводка 1993 года: действительно, предупреждения о резких подъёмах уровня воды на реках бассейна Оби были составлены гидрологами Новосибирского ГМЦ и областных ЦГМС с достаточной (до 10 суток) заблаговременностью, что позволило органам власти своевременно провести эвакуацию людей и материальных ценностей и тем самым снизить ущерб. Однако методистов-гидрологов, руководимых В.М. Дубиковским, обоснованно тревожило, что более трети гидрологических постов не выполняют годового плана измерения расходов воды, а это, по существу, означает признание факта завышения оценок работы гидрологической сети по программе наблюдений. В годовом обзоре гидрологов отмечалось тяжёлое положение с приборами и оборудованием (вертушки, лебёдки и пр.); на 11 постах гидрометрические установки были разбиты или разграблены; серьёзной проблемой стало сохранение и охрана постовых устройств.

А в решении совещания Росгидромета, проведённого в августе в ИПК (Кучино), была дана весьма критическая оценка состояния агрометеорологических наблюдений, проводимых на наблюдательной сети; были даны соответствующие поручения к головному НИУ (ВНИИСХМ) и УГМС. В Западно-Сибирском УГМС агрометеорологами Новосибирского ГМЦ под руководством А.А. Тюменцевой, а также специалистами областных ЦГМС, было за год проинспектировано 30 станций (около трети всех пунктов агрометнаблюдений),

что, в целом, неплохо, хотя может быть и недостаточно. Но зато в I квартале года удалось провести в Новосибирске курсы повышения квалификации начальников станций и техников-агрометеорологов по этому виду наблюдений. На этих курсах помимо разъяснения тонкостей агрометнаблюдений и передачи информации обсуждались вопросы развития контактов наших станций с новыми экономическими структурами на селе (фермерами), приводились примеры договорных отношений некоторых станций УГМС (Огурцово, Рубцовск). Рекомендовалось начальникам станций вести популяризацию агрометеорологии в сёлах.

Конечно, были проблемы с организацией и проведением наблюдений из-за плохого контроля начальников станций, неукomплектованности должностей техников-агрометеорологов, а также из-за большой удалённости полей и отсутствия транспорта. Однако, Управление даже в то время имело возможность приобретать по несколько велосипедов в год. А образцово работающая агрометстанция Славгород (начальник – П.Ф. Севостьянов), работая по кустовому принципу, на своём автотранспорте выполняла агрометнаблюдения и в своём районе, и в трёх соседних. В 1993 году наземные маршрутные обследования сельхозкультур по УГМС были выполнены на площади около 460 тыс. га (меньше, правда, чем в прошлые годы, но всё же...).

Резко ухудшилось качество работы сети аэрологических наблюдений не только в нашем Управлении, но и в целом в системе Росгидромета. Понятно, что радиозондирование атмосферы – это самый дорогостоящий вид наблюдений. По официальным данным, прямые затраты на производство одного аэрологического наблюдения в 1993 году составили в среднем 38 тысяч рублей, а работа одной аэрологической станции за месяц

обходилась в 288 млн. рублей. Причём, цены на оболочки №150 в течение двух лет (1991-1993 годы) возросли с 19 до 10110 рублей, а на радиозонды МРЗ-3а в 5 раз (в конце 1993 года зонд стоил 23 тыс. руб.).

После закрытия АЭ Кош-Агач в Западно-Сибирском УГМС температурно-ветровое зондирование проводило 5 станций (Новосибирск, Барабинск, Барнаул, Александровское, Колпашево); на 4-х АЭ современными системами АВК, а в Барнауле - с помощью радиотеодолита “Малахит”. Значительное удорожание расходных аэрологических материалов уже в 1992 году привело к сокращению частоты зондирования до двух раз в сутки, а с 1 мая 1993 года мы были вынуждены ввести одноразовое зондирование: часть станций проводила измерения в 00 часов среднего гринвичского времени (СГВ), другая часть – в 12 часов СГВ. Особенную озабоченность вызывало практическое прекращение зондирования в регионах, смежных Сибири (Казахстан и Средняя Азия), вследствие чего на картах барической топографии в этих районах появились “белые пятна”. А это делало невозможным анализ и определение температурно-влажностных свойств воздушных масс, поступающих оттуда на территорию Сибири, что вызывало многие ошибки в прогнозах погоды.

В начале сентября 1993 года наши коллеги из Уральского УГМС тоже решили перейти на одноразовое зондирование, но только в 00 часов СГВ. Мы не согласились с таким решением и предложили Уралу, по нашему примеру, разделить сеть на две части: одной разрешить работу в 00 СГВ, другой – в 12 часов СГВ. Это было более приемлемо для освещения карт БТ и для обеспечения информацией численно-гидродинамических моделей. Аэрологи Урала так и сделали.

Лишь с 1 ноября 1993 года было восстановлено двухразовое зондирование атмосферы в ЗСУГМС (кроме

Барнаула); было оплачено 240 оболочек, поступивших из Казанского завода РТИ; причём, для этого пришлось использовать часть фонда заработной платы сотрудников УГМС. В итоге, годовой план радиозондирования по УГМС был выполнен лишь на 73,5%. Проблеме аэрологического зондирования было в октябре этого года посвящено специальное заседание коллегии Росгидромета, и даже намечены какие-то меры, но они не могли кардинально улучшить сложившуюся ситуацию.

Из событий, связанных с деятельностью наблюдательной сети, запомнилось региональное (Западно-Сибирское, Омское и Красноярское УГМС) совещание по проблеме автоматизации обработки данных гидрологических наблюдений, проведённое в Новосибирске на площадках нашего Вычислительного Центра 8-10 сентября 1993 года (по инициативе начальника РВЦ И.В. Колотовкина). Выступая на семинаре, наши гидрологи (А.Г. Каминский и В.М. Дубиковский) справедливо критиковали представителей головных НИУ Службы (ГГИ и ВНИИГМИ-МЦД) за то, что в течение многих лет на гидрологических станциях обработка данных наблюдений по-прежнему проводится с использованием, в основном, ручного труда; хотя гидрологические данные заносятся на технические носители, но гидрологические ежегодники (ЕДС) всё ещё рассчитываются и составляются вручную. В этот раз ведущие разработчики АРМ гидролога В.А. Семёнов и Ф.Ф. Иванов, сотрудники ВНИИГМИ-МЦД, продемонстрировали на ПЭВМ возможности автоматизированных расчётов расходов воды на реках, контроля гидрологических данных, а также построения графиков. Чувствовался явный прогресс по сравнению с достигнутым в прошлом году уровнем. Порадовали слушателей высокая культура и чёткость изложения докладов. А потому в решении совещания, над которым

“колдовали” И.В. Колотовкин, Р.Я. Гесс и А.Г. Каминский, было рекомендовано ускорить доработку программ первичной обработки гидрологических данных и получения таблиц ЕДС на ПЭВМ.

Министерство финансов саботировало выполнение трёхстороннего отраслевого тарифного соглашения между Росгидрометом, ФПАР и Правительством РФ: финансирование Службы производилось несвоевременно, индексация заработной платы задерживалась. В конце июля нам выплатили заработную плату по майским ведомостям (и то с большим трудом). Е.В. Ермоленко, продолжавшая представлять наше Управление в Стачкоме Гидрометслужбы, на собрании коллектива УГМС в конце июня рассказала о попытках переговоров с Правительством, на которые их представители даже не явились. В.И. Зиненко, вернувшийся в июле после заседания Коллегии Росгидромета, рассказал о возмутительном предложении Правительства – произвести расчет с Гидрометслужбой лишь после нового 20-процентного сокращения штатов в органах Гидромета (?!). Реакция гидрометеорологов была предсказуемой: профсоюзная конференция коллектива Западно-Сибирского УГМС 22 июля приняла решение о забастовке.

В решении конференции отмечалось, что расходы Запсибгидромета в I полугодии 1993 года составили 1 млрд 124 млн рублей, а средств из бюджета получено всего лишь 410 млн рублей. Только по заработной плате задолженность составляет 226,5 млн рублей. Кредиторская задолженность Управления по основным платежам достигает 363 млн рублей. И далее: “Конференция выражает протест Правительству России, ... координатору российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений В.Ф. Шумейко за уклонение от участия в переговорах по разрешению спора. Поручает

Совету ФПАР обратиться в суд по привлечению к ответственности координатора РТК В.Ф. Шумейко и Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина за невыполнение отраслевого соглашения с Гидрометслужбой”. Завершалось решение конференции так: “В Запсибгидромете объявляется предзабастовочное состояние. Дату забастовки определяет Совет ФПАР или другой орган, возглавивший забастовку”. Позднее, в августе того же года, на очередной профконференции УГМС было решено передать Стачкому Росгидромета право на объявление всеобщей протестной акции – забастовки в органах Гидрометслужбы.

В сентябре в “Известиях” появилась статья с критикой в адрес ФНПР (Федерация независимых профсоюзов) и её действий по организации массовых стачек в стране; утверждалось, что Федерация ставит своей целью “свалить” Правительство. И всё-таки, учитывая волну протестов, Б.Н. Ельцин издал указ о временном отстранении В.Ф. Шумейко от занимаемой должности, тем более, за месяц до этих событий был опубликован доклад Прокуратуры РФ о коррупции в исполнительных органах власти, где упоминался Шумейко. При этом, в том же сентябре, вопреки мнению парламента, другим указом Борис Николаевич вернул в правительство в качестве вице-премьера Е.Т. Гайдара.

Политические катаклизмы, как это нередко бывало, сопровождались природными аномалиями. Как и в 1992 году, кампания по уборке урожая сельхозкультур на юге Западной Сибири проходила в тяжелейших погодных и агрометеорологических условиях, особенно в сентябре и первой декаде октября: частые осадки в виде дождя и снега (до двух и более норм) на фоне низких температур (на 1...4° ниже нормы), с формированием временного снежного покрова. Эта неблагоприятная погода была предсказана в

месячном (уточнённом), декадных, краткосрочных прогнозах погоды. А потому уборка урожая производилась только методом прямого комбайнирования, причём, в сухие периоды – круглые сутки. Особенно удачно был предсказан благоприятный для уборки сухой период во второй декаде октября, который позволил вести сельхозработы в максимальном темпе. Тем не менее, из-за кризисного состояния сельского хозяйства были допущены большие потери зерна, а в Новосибирской области и Алтайском крае значительные площади (около 132 тыс. га) были просто списаны. (Правда, ущерб был меньше, чем в 1992 году, но утешало это мало.) По условиям уборки были составлены специализированные справки, которые были представлены Правительству РФ для получения дотаций пострадавшему сельскому хозяйству Сибири.

Завершалась уборочная страда и в нашем дачно-огородном хозяйстве. В этом году сажали картошку не только на дачном участке (одну сотку), но и вместе с сотрудниками УГМС в районе посёлка Мошково (три сотки). Накопали всего 20 ведер, как и в прошлом году. Перевезли мы овощи и всю живность с дачи в овощехранилище и на лоджию, где птицы уверенно освоили жизненное пространство: петух кукарекал в 5 часов утра, куры несли яйца. В холодную погоду мы ставили у дверей лоджии калорифер и обогревали помещение, а для освещения лоджии включали лампу. Запах от живности, конечно, был, но, оказывается, ко всему можно привыкнуть.

23 октября, под вечер, я вывез последний рюкзак с овощами с дачи на велосипеде. Не совсем удачно рассчитал время поездки: вместо часа ехал полтора. После 17 часов быстро сгустились сумерки. К своему дому на Северо-Чемском жилмассиве я подъезжал уже в кромешной темноте; освещали дорогу только попутные машины, а встречные ослепляли своими фарами. Но как вовремя я

покончил с этим делом! В последующие дни последовало арктическое вторжение, похолодало до минус 8...10°C, установился снежный покров.

Огорчил ноябрь: его мы ожидали с температурным фоном выше нормы, а среднемесячная температура на юго-востоке Западной Сибири была ниже нормы на 5...10°C (!). И вообще, 1993 год был не самый удачный по качеству долгосрочных прогнозов: успешность прогнозов месячных аномалий температуры в среднем за год оказалась ниже 60% ($\rho=0,19$), аномалий месячных сумм осадков – чуть более 60% (63% по Западной Сибири и 69% по ЗСУГМС).

В эту хмурую, ненастную осень противостояние различных ветвей власти в России достигло своей кульминации. Утром 22 сентября по радио прозвучал указ Президента РФ (№1400) о лишении Парламента (Верховного Совета страны) всех полномочий и проведении досрочных выборов в ближайшие 2-3 месяца. В 1994 году предполагалось переизбрание Президента. Верховный Совет, руководимый Р.И. Хасбулатовым, не остался в долгу и следующей ночью принял решение об отстранении Б.Н. Ельцина от занимаемой должности и назначении А.В. Руцкого исполняющим обязанности Президента страны; одновременно министром обороны и внутренних дел назначались, соответственно, В.А. Ачалов и В.П. Баранников вместо увольняемых П.С. Грачёва и Н.М. Голушко. Конституционный суд признал указ Ельцина неконституционным. Так называемый Малый Совет Новосибирской области также не признал указ Ельцина и объявил о поддержке Парламента и А.В. Руцкого. Кроме Новосибирской области ещё три региона (Брянская и Амурская области, Башкортостан) были солидарны с Парламентом. Однако остальные регионы, силовые структуры, банки были за Ельцина. Мощную информационную поддержку и пропаганду политики

действующего Президента РФ вели центральные (московские)СМИ (радио, телевидение, пресса). Газета “Известия” с иронией описывала строительство баррикад и подготовку Белого Дома к осаде. Распространялись слухи о возможной эмиграции Верховного Совета в провинцию, о направлении в регионы специальных эмиссаров с чрезвычайными полномочиями для “укрощения непокорных”. Юристы и политологи жонглировали понятиями и терминами: “Действия Ельцина незаконны, но легитимны...” Или: “Действия Парламента законны, но не легитимны...” (!) А вот ещё: “Право выше закона” (!). (Подумал, где были эти философы два года назад, во время путча ГКЧП?)

В конце сентября поступила телеграмма руководства Росгидромета с указанием организовать дежурства руководящего состава УГМС и ЦГМС на местах в ночные часы в связи с чрезвычайной (политической и криминогенной) ситуацией в стране. 3 октября ситуация в Москве резко обострилась. Центральное телевидение объявило о прекращении работы в связи с вооружённым нападением. Всю ночь с 3-го на 4 октября работало радио, которое сообщило, что А.В. Руцкой и Р.И. Хасбулатов призвали своих сторонников штурмовать телестудию “Останкино” и здание Моссовета. Сообщалось о вооружённых стычках в разных районах столицы: Крымский мост, Смоленская площадь, Останкино... Десятки, сотни жертв. В Москве объявили чрезвычайное положение, были введены войска, тяжёлая военная техника, БТРы. 4 октября телевидение транслировало прямой репортаж агентства CNN о боях в Москве. Было видно, как танки били прямой наводкой по окнам Белого Дома, здание Парламента горело. В конце дня с белым флагом вышли защитники Белого Дома, сдались в плен лидеры оппозиции: А.М. Макашов, А.В. Руцкой, Р.И. Хасбулатов и другие.

(Итак, очередная “октябрьская революция” завершилась снова победой Бориса Николаевича!) В ночь на 6 октября была моя очередь дежурить в здании Управления; к счастью, обошлось без происшествий; а телеэкран показывал выступление Ельцина. Через несколько дней последовали указы торжествующего Президента РФ об отставке глав Амурской и Новосибирской (В.П. Мухи) областей, а также о реформировании местных органов власти и земельной реформе. Этими документами ликвидировалась Советская власть, провозглашалось право на частную собственность на землю. “Известия” подытожили: “Россия может обойтись без Советов”. Вскоре началась предвыборная борьба за место в новых органах законодательной и исполнительной власти. В прессе появились грандиозные списки партий, блоков, новых и уже известных политических лидеров (КПРФ, НДР, ЛДПР, блок “Яблоко” и т.д.). Мелькали заявления Е.Т. Гайдара, С.М. Шахрая, Г.А. Явлинского, Н.И. Травкина, Г.А. Зюганова, В.Ф. Жириновского...

Тяжело, муторно было на душе от всего увиденного и услышанного, в голову лезли мрачные мысли. Хотелось отвлечься, и тут подвернулись билеты на концерт солистов Новосибирского театра оперы и балета. И вот гаснет громадная люстра грандиозного зрительного зала “сибирского Колизея”, в котором мы с Тamarой часто бывали в течение последних 30 лет; и всегда с волнующим ожиданием встречи с высоким искусством. Зал медленно погружается в полумрак. И вдруг сцена озаряется снопами ликующего света и торжествующими звуками фанфар, исполняющими полонез из оперы П.И. Чайковского “Евгений Онегин”. (Я ахаю от восторга.) И вот уже среди колонн роскошного дворца горделиво в танце выступают пары светских “львов” и красавиц. Сразу чувствуется атмосфера праздника. А вот на сцену выходят молодые

певцы: стройная и обаятельная Т. Ворожцова проникновенно исполняет лиричную и виртуозную арию Виолетты из вердиевской “Травиаты”, мощно и темпераментно звучит дуэт драматического тенора В. Горшкова (Радамес) и меццо-сопрано О. Обуховой (Амнерис) из его же “Аиды”. Новый певец, драматический баритон, А. Лебедев с какой-то “итальянско-рычащей” манерой пения дарит зрителям куплеты тореадора Эскамильо из оперы Бизе “Кармен”. Хороши ветераны: В.Г. Егудин демонстрирует блестящий каскад верхних нот (“си”) в страстной арии Калафа из “Турандот” (опера Пуччини). Звучит драматическая сцена из “Хованщины” Мусоргского в исполнении ансамбля певцов (С. Вах, В. Прудник, Костров). В сцене из балета “Конёк-горбунок” юная танцовщица из кордебалета грациозно шлёпнулась изящной попочкой на пол, но тут же, стремительно вспорхнув, продолжила танец. Зал воспринял этот эпизод добрым смехом и аплодисментами. (Нет, несмотря на..., жизнь прекрасна и продолжается!)

А через несколько дней в Новосибирске произошло “явление”, нет, не Христа, а нового главы Росгидромета А.И. Бедрицкого на заседании НКС Урало-Сибирского региона и на встрече с коллективом Запсибгидромета. Высокий, стройный, элегантный, говорил спокойно (чересчур спокойно), мне даже показалось – несколько тускло и монотонно, о довольно сложном, даже бедственном положении организаций Росгидромета. Я как-то не почувствовал в нём активного борца за возрождение и развитие Службы. В ответ на вопросы учёных о перспективах гидрометеорологической науки Александр Иванович сообщил, что руководство Комитета вошло с предложением в Миннауки о преобразовании всех НИУ Гидрометслужбы в систему Научных центров. Чуть ли не единственным рычагом для выхода из финансового кризиса

Службы А.И. Бедрицкий считал развитие специализированного гидрометобеспечения потребителей на договорной основе. В этом процессе, как полагал глава федеральной Службы, должны принимать участие и специалисты оперативно-производственных организаций (ОПО) УГМС и учёные НИУ.

Справедливости ради следует отметить, что развитию СГМО мы уделяли тогда большое внимание. В годовом обзоре, представленном сотрудниками отдела ГОНХ под руководством Т.Э. Дубиковской, сообщалось, что в 1993 году всеми ОПО Управления было заключено 234 договора на сумму 112,2 млн рублей, что примерно в 20 раз больше, чем в 1992 году (5,6 млн руб.). В основном рост поступающих от СГМО средств был обусловлен ростом цен на услуги. Но и это не всё: главное – 88% всех поступивших денежных сумм пришлось на договоры по метеообеспечению гражданской авиации. Внедрён был следующий принцип: за метеообеспечение регулярных (рейсовых) полётов авиапредприятия обеспечивают прогностические АМСГ необходимыми производственными условиями (служебные помещения, электроэнергия, отопление, связь), а также рядом социальных услуг (жильё, места в детсадах, доплата за питание, бесплатный пролёт на самолётах своей авиакомпании, иногда 13-я зарплата). Метеообеспечение вахтовых, заказных перевозок, рейсов других авиакомпаний осуществлялось на платной основе при взимании платы за взлёт и посадку самолёта.

Если не учитывать авиадоговоры, то наибольшим весом отличались суммы договоров с предприятиями ТЭК (от 20% у Новосибирского ГМЦ до 49% у Томского ЦГСМ). Скромнее был объём поступивших средств от коммунального и лесного хозяйства (14%), всех видов транспорта (7%), сельского хозяйства (5%). Очень слабо

реализовывалась режимно-справочная и наблюденная гидрометинформация. Как же распределялись полученные от договоров средства? Согласно утверждённой (распоряжением от 24.02.1993) схеме распределения договорных средств, основные исполнители договоров и содействующие службы, включая сеть, получили менее 49% от полученных договорных средств. Остальное ушло в фонд производственного и социального развития и на погашение обязательных налогов. Вряд ли такое распределение средств можно было считать справедливым. Но денег для нормального устойчивого функционирования Службы действительно катастрофически не хватало, о чём будет сказано ниже.

А пока с участием А.И. Бедрицкого, который в мае этого года стал представителем России в органах ВМО, завершилась 20 октября сессия НКС. С докладами выступили председатели НТС: Г.М. Виноградова (“Долгосрочные прогнозы”), Т.С. Селегей (“Мониторинг загрязнения окружающей среды”), А.А. Леженин (“Климатические исследования”). Отмечу, что докладчикам удалось довольно удачно увязать региональную тематику с общероссийской и даже мировой проблематикой, показать перспективы развития исследований (в случае достаточного финансирования науки). К сожалению, А.И. Бедрицкий не мог дать чётких и однозначных гарантий этим пожеланиям. Более того, во время вечернего так называемого “чаепития”, подогретый невнятными репликами Александра Ивановича, директор СибНИГМИ П.Ю. Пушистов, поддержанный коллегами-учёными, стал откровенно призывать представителей сибирских УГМС к забастовке. (Кровавые политические события в Москве конца сентября – начала октября отложили примерно на месяц развитие забастовочной волны в системе Росгидромета.)

А экономическая ситуация в Гидрометслужбе продолжала ухудшаться. В 20-х числах октября из-за дефицита средств стали на местах отключать наши метеостанции от связи и электроэнергии, возникла угроза длительной невыплаты зарплаты сотрудникам УГМС. Руководство Управления дало указание прекратить подачу прогнозов для СМИ, а также главам тех районов, где наши станции оказываются без света и связи. Главу нашего профсоюза Е.В. Ермоленко в начале ноября срочно вызвали в Москву для участия в работе “трёхсторонней комиссии” и переговорах с Правительством по вопросам финансирования Службы. В.И. Зиненко поручил мне написать письмо главам сибирских регионов и СМИ о нашем бедственном положении. Подготовленное письмо имело подзаголовок: “Открытое письмо гидрометеорологов Сибири” и было подписано В.И. Зиненко, Е.В. Ермоленко и мной. В областной газете “Советская Сибирь” письмо получило заголовок “Служба прогнозов на грани распада” и было опубликовано 11 ноября. В письме Правительство РФ обвинялось в преступном недофинансировании Гидрометслужбы, из-за чего денег не хватало не только на выплату заработной платы, согласно Тарифному соглашению, но и на выполнение необходимых наблюдений и передачу информации о стихийных гидрометеявлениях, о химических и радиоактивных авариях. (Как легко были забыты Чернобыль и Томск-7!) Отмечалось, что “экономическое положение нашего Управления мало чем отличалось от состояния подразделений Росгидромета в других регионах России”. В завершении содержалась “убедительная просьба к главам администраций сибирских регионов, ко всем состоятельным людям – современным Морозовым, Мамонтовым, Рябушинским выделить нам беспроцентные

кредиты или безвозмездные пожертвования в целях обеспечения выживаемости Гидрометслужбы Сибири!”

А через несколько дней в “Известиях” появилась статья начальника УГМО Росгидромета В.А. Тренина “Гидрометслужба: быть или не быть?” В своей статье Виктор Александрович привёл обобщённые данные о катастрофическом недофинансировании Службы всей страны. “Финансисты Минфина заложили в свои расчёты всего лишь двукратное удорожание аппаратуры, несмотря на то, что стоимость многих гидрометприборов подскочила в 8-10 раз!” Далее В.А. Тренин нарисовал апокалипсическую картину жизни страны с исчезновением Гидрометслужбы: замрут на земле самолёты, ибо без “метео” ни один самолёт просто не взлетит; с огромными трудностями столкнётся речное и морское судоходство, гидроэнергетика, невозможным станет прогноз половодья и масштаба подтоплений, а также других стихийных природных явлений. “Без “метео” сразу забуксует большое хозяйство России,” – делает вывод Виктор Александрович.

Протестное движение охватило организации Гидрометслужбы в ряде регионов. В первой декаде ноября коллектив связистов нашего Управления (НС АСПД), руководимый Н.В. Вирхобским, объявил предзабастовочное состояние. Вскоре несколько Управлений (Тикси, Уральское, Якутское, Приморское) начали трёхдневную забастовку. Под давлением стачечной волны, публикаций в СМИ Правительство перешло к тактике частичных уступок: во второй половине ноября поступили деньги из Москвы по статье “зарплата” за сентябрь (из расчёта минимума I разряда в сумме 8 тыс. рублей), а в конце месяца и за октябрь. Руководство УГМС было уже согласно примириться с правительственными действиями, так как некое улучшение финансовой ситуации всё же произошло. Однако, после страстной и

эмоциональной речи Е.В. Ермоленко на профконференции коллектива УГМС, в которой она заявила, что “Гидрометслужбе нужны не разовые подачи Минфина, а нормальное финансирование и регулярная зарплата”, зал единодушно и даже тайным голосованием высказался за возможность забастовки, выказывая недоверие к Правительству.

Несмотря на сумбурное и тревожное время, в третьей декаде ноября в Москве, в конференц-зале Гидрометцентра РФ, состоялось довольно масштабное совещание по проблеме долгосрочного прогноза погоды. Из Новосибирска, кроме меня, в совещании участвовала заведующая отделом СибНИГМИ Г.М. Виноградова. На долгосрочном форуме были представлены и петербургская, и московская школы долгосрочного прогнозирования. Директор ГГО В.П. Мелешко, который мне показался довольно моложавым и обаятельным эрудитом, сделал интересный доклад о гидродинамическом направлении прогноза на базе ансамбля прогнозов, основанных на независимых моделях, а также о численных экспериментах в прогнозах с большой заблаговременностью с учётом эффектов Эль-Ниньо и Ла-Ниньо в экваториальных широтах океана. Его коллега Б.И. Сазонов говорил о динамике разных циклов сезонных и годовых сумм осадков и возможностях сверхдолгосрочного прогноза погоды. Заведующий отделом Гидрометцентра РФ Р.М. Вильфанд показал возможный эффект комплексации нескольких прогнозов погоды разных авторов при составлении сезонного прогноза: при этом, результирующий прогноз оказывается точнее каждого отдельного прогноза. В.П. Садоков рассказал о разработке в ГМЦ РФ АРМ долгосрочника, которое должно включать в себя подбор аналогов к прогнозируемому месяцу и формирование бюллетеня с долгосрочным прогнозом. Представители

УГМС разных регионов (Мурманск, Самара, Иркутск и др.) выступали с пожеланиями улучшить качество долгосрочного прогноза, но вместе с тем с тревогой констатировали уменьшение числа потребителей этого вида прогноза. Скандальную ноту в проведение совещания внёс один из ведущих научных сотрудников ГМЦ РФ Д.М. Сонечкин, который, что называется “вдрызг” раскритиковал и статистическое, и гидродинамическое направления исследований, и лишь свой метод (“стохастический”) назвал перспективным. Тут же выступила Г.К. Веселова, которая дала участникам совещания справку, что предложенный предыдущим оратором метод не выдержал оперативных испытаний!

Значительное место в работе совещания заняло обсуждение проблемы климата. Запомнилось выступление ведущего сотрудника недавно организованного Института глобального климата и экологии (ИГКЭ) Г.В. Грузы о тенденциях глобального потепления климата в связи с парниковым эффектом и ростом концентрации в атмосфере углекислого газа, а также о программе изучения колебаний климата. Один из ведущих климатологов ГГО Н.В. Кобышева ратовала за профессиональное и специализированное обеспечение потребителей режимными данными. Сенсационным было сообщение сотрудника УГМО Н.П. Кулакова о том, что России по регламенту ВМО в ближайшее время следует перейти на 30-летние нормы температуры и осадков за 1961-1990 годы. А ведь мы только что, в начале года, перешли на использование “норм -1980 г.”, рассчитанных за период с момента начала инструментальных метеонаблюдений до 1980 года! Эксперты ВМО обосновали использование норм за последний 30-летний период необходимостью учесть фактор глобального потепления климата. А если

положительный тренд температуры сменится отрицательным, как это не раз бывало в истории Земли?!

В заключительный день Совещания (25 ноября) корифей долгосрочной прогностики Е.П. Борисенков, один из “могикан” в вопросах учёта внеземных факторов, влияющих на атмосферную циркуляцию, выступил с поистине философским и критическим анализом собственных исследований в области применения космических (солнечно-атмосферных, гравитационных и иных) сил при составлении долгосрочных прогнозов и о своей мечте создать единую космогеофизическую модель прогноза. Моё выступление состояло из двух частей. В первой я привёл сведения об успешности оперативных долгосрочных прогнозов погоды по Западной Сибири, составляемых Новосибирским Гидрометцентром; обратил внимание слушателей, что в условиях современных тенденций климата более высокую успешность имеют прогнозы погоды, в которых среднемесячная температура даётся в классе “около и выше нормы”, вместе с тем, прогнозы с ориентацией на холод чаще имеют низкую успешность. Оперативная практика также показала, что максимальная успешность месячного прогноза приходится на прогнозы с “нулевой” заблаговременностью, то есть, когда аналог на прогнозируемый месяц находится с учётом атмосферных процессов предшествующего месяца и ожидаемых процессов (по ЕЦССП) начавшегося месяца. Во второй части своей речи я призвал ведущих учёных Росгидромета усилить популяризацию научных методов прогноза погоды, принять участие в борьбе с околonaучной спекуляцией, шаманизмом, религиозным дурманом и бредом, которые душной волной накрывают сферу гидрометеорологического прогнозирования и, в особенности, долгосрочного прогноза погоды. В качестве примера привёл высказывание в “Сибирской газете” И.А.

Гаврилова (упомянутого мною ранее) о том, что прогноз он составляет на основе синтеза “космических факторов и русского алфавита от А до Я”. Напомнил я также о публикации в одном из номеров газеты “Комсомольская правда” (1992 год) о совещании “в Минсельхозе России специалистов в области управления погодой и нетрадиционных воздействий на зерно и крупный рогатый скот, а также представителей подпольной (!) науки, которая только сейчас приходит на службу человеку”. Сослался на высказывание известного российского учёного, члена-корреспондента РАН М. Волькенштейна в “Литературной газете”: “Для лжеучёных характерны... неограниченная самореклама в общей и научно-популярной печати, спекуляция на практической пользе и политическая демагогия”. Касаясь деятельности некомпетентных личностей, которые порой попросту дискредитируют саму идею долгосрочного прогноза, В.П. Мелешко назвал их подходы “окультистскими методами прогноза”. Впрочем, в конференц-зале оказались несколько сторонников этих “неформалов”, которые атаковали меня вопросами и утверждениями об их поддержке со стороны Минсельхоза и других потребителей. В результате было принято решение создать авторский коллектив (В.П. Мелешко, Р.М. Вильфанд, Р.А. Ягудин) в целях популяризации “многострадальной” науки долгосрочного прогнозирования.

Уже в Новосибирске я написал статью “Долгосрочные прогнозы и дурман невежества” и отправил её в Москву и Санкт-Петербург. Насколько мне известно, материалы этой статьи были использованы моими коллегами в выступлениях и публикациях в центральных СМИ по данной проблеме.

Вечером 25 ноября, после окончания совещания, мне удалось снять накопившийся стресс в Московском театре

оперетты на спектакле “Джулия Ламберт”. Звездой пьесы была неувядаемая Татьяна Шмыга, которая всё ещё была обаятельна и в прекрасной вокальной форме. Да и спектакль был создан для неё и под неё: остроумный, лёгкий, изящный. Утром следующего дня прошёл мимо изрядно подгоревшего во время октябрьских баталий Белого Дома российского парламента; он оказался огороженным высокой бетонной стеной. А музей В.И. Ленина был закрыт, но возле него вертелись какие-то тёмные личности: продавали антисемитские издания А.П. Баркашова и К°.

На обратном пути заехал в Казань, где узнал о смерти великого татарского композитора Рустема Яхина, Народного артиста СССР, создателя жанра татарского романса и фортепианного концерта. Парламент Татарстана в качестве гимна Республики утвердил написанную Яхиным песню “Туган илем” (“Родина моя”). Отец подарил мне подборку местных газет с посвящёнными композитору некрологами.

Неприятный сюрприз ожидал меня в Новосибирске: руководство Управления приняло решение перевести отдел гидрометобеспечения (ОГОНХ) под руководством Т.Э. Дубиковской в структуру аппарата Управления (АУП). Я пытался возражать, говоря о целесообразности кооперации организационной и методической работы в области развития СГМО; удалось отстоять только группу испытания новых методов прогнозов. Правда, эту потерю руководство компенсировало передачей 50% фонда заработной платы ОГОНХ в ФЗП нашего Гидрометцентра, что позволило ряду ведущих специалистов ГМЦ поднять уровень зарплаты.

Постепенно угасало в коллективах Гидрометслужбы протестное настроение. В декабре стало известно о повышении минимальной зарплаты I разряда до 16 тыс. рублей. На одной из планёрок В.Г. Рубекин зачитал

телеграмму руководства Росгидромета о выделении Правительством денежных сумм на выплату зарплаты за ноябрь и ненужности забастовочных действий.

В середине декабря В.И. Зиненко в составе делегации Росгидромета находился в Китае, а возвратившись, с удивлением рассказывал, что в Поднебесной идёт подъём экономики, который ощущается и на состоянии китайских гидрометеостанций, которые оснащаются персональными ЭВМ. Поведал Василий Иванович и о том, что Росгидромет закупил в Китае опытную партию оболочек для зондирования атмосферы, которая уже испытывается на некоторых наших аэрологических станциях.

12 декабря в России прошли выборы в новый орган законодательной власти – Государственную Думу. Встал вопрос, за кого голосовать? Партия власти (НДР) у меня симпатии и доверия не вызывала, коммунисты уже правили и прос...али страну. Партия ЛДПР и её лидер В.Ф. Жириновский вызывали у меня чувство неприязни: Владимир Вольфович импульсивен, непредсказуем, неадекватен (с его странными лозунгами: “Плевков на Запад, бросок на юг!”). Устраивает драки с мордобоем во время теледебатов с другими кандидатами в депутаты Госдумы. В результате принял решение голосовать за новых лидеров, выдвигающих свежие, как мне казалось, экономические и социальные идеи - за партию “Яблоко” (блок Г. Явлинского). Одновременно поддержал кандидатуру И.И. Индинка на должность губернатора Новосибирской области и проект новой конституции РФ. Каково же было моё удивление (думаю, не только моё), когда на следующий день СМИ сообщили о сенсационном успехе ЛДПР, которая по сравнению с другими партиями набрала максимальное количество голосов избирателей. Комментируя итоги выборов, политический обозреватель О.Р. Лацис не без

сожаления заметил, что в поражении виноваты сами демократы (их чванство и зазнайство). Интересной была реакция зарубежья на победу партии В.Ф. Жириновского: некоторые страны Восточной Европы запросились в НАТО, а Украина заявила права на ядерное оружие. (Вот, когда это впервые произошло, а не в 2022 году!)

Выступая через несколько дней в телеинтервью по итогам выборов, Б.Н. Ельцин попытался успокоить россиян: главное – принята Конституция РФ, а в Думе общее число депутатов демократических партий (124) вдвое превышает количество депутатов от ЛДПР (60). Тем не менее, Борис Николаевич заявил о целесообразности и возможности взаимодействия с представителями всех партий, участвующих в работе Думы, в том числе и с ЛДПР.

Заканчивался 93-й год; всё же было одно отрадное событие в жизни нашей семьи: нашему сыну Артуру удалось (наконец-то!) получить голубой диплом об окончании Новосибирского педагогического института в качестве историка и методиста. Казалось, перед ним открывается широкая перспектива “сеять разумное, доброе, вечное”. Некоторое время он тщательно наряжался по утрам, собираясь на уроки в один из лицеев Новосибирска. Однако, отсутствие целеустремлённости, увлечение религиозным бредом, непродуманными и необоснованными идеями, превратили его последующую жизнь в какой-то причудливый каскад падений и восхождений. (До сих пор убеждён, что Артура можно отнести к той группе людей, которые не нашли своего места в общественной и социальной жизни России.)

За пару дней до Нового года В.И. Зиненко опять предложил конкурс стенных газет подразделений Управления с призовым фондом в 50 тыс. рублей за I место. Творческие личности нашего Гидрометцентра загорелись идеей участия в конкурсе. Почти все отделы подали заметки

в газету, а сотрудник отдела гидропрогнозов Л. Николаенко увлечённо и с фантазией украшала газету своими рисунками. Я написал новогоднее поздравление с элементами юмора, иронии и лёгкого брюзжания по поводу достигнутых результатов в борьбе за реализацию тарифного соглашения. В итоге газете ГМЦ присудили первое место. Ура!

30 декабря состоялся новогодний концерт самодеятельности нашего Управления. Музыкальную программу (произведения русской и зарубежной классики для фортепиано) исполнили Юлия Барахтина, окончившая Новосибирскую консерваторию, и её ученики. Выступил бессменный В.Г. Липчанский, автор и исполнитель собственных песен. Мы с Тamarой, под аккомпанемент Юлии, исполнили романсы “Зимний вечер” (“Буря мглою небо кроет”), “Не уходи”, дуэт Эдвина и Стаси из оперетты И. Кальмана “Сильва”. Мы даже осмелились провальсировать на сцене, напевая: “Прочь тоску, прочь печаль/Ты смотри смело вдаль”. Временами Тома забывала слова, но мы как-то выкручивались из этой ситуации. В общем, публика приняла нас хорошо; от профсоюза вручили подарок – кулёк конфет, а мои коллеги во главе с Л.Н. Староватой вместе с ветеранами угостили нас шампанским.

И снова 31 декабря наш знаменитый сатирик М. Задорнов поздравлял в новогодней телепрограмме с наступающим 1994 годом. Иронизировал о политике демократов, говорящих “о спаде темпов нарастания второй производной по инфляции”, о твёрдой позиции вождя ЛДПР В.Ф. Жириновского, обещающего “каждой бабе по мужику и ребёнку”. А экономические остроты сатирика можно проиллюстрировать такими оценками: буханка хлеба в январе стоила 40 рублей, а в декабре – 300; проезд на транспорте подорожал с 5 рублей до 40 (в автобусе) и до

50 (в метро); стоимость 1 квт\часа электроэнергии подскочила в 17 раз (с 24 копеек до 4 рублей). Заработная плата росла скромнее: если за январь я получил на руки 21 тыс. рублей, то в декабре мне выдали зарплату за ноябрь и годовую премию в сумме около 177 тыс. рублей (рост примерно в 8 раз).

Борьба за выживание продолжалась...

Фотографии к Главе 14

О.Ф. Чагин

А.К. Маркова

А.И. Кривошапко

Т.Н. Мангазеева

Е.В. Егорова

О.Н. Петякшина

П.П. Бороздюхин

О.В. Лавринович

Н.Н. Завалишин

Ю.И. Муромцев

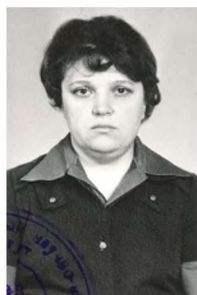
В.В. Ворожцов

Л.Н. Шишкина

А.И. Бедрицкий

Т.С. Селегей

А.А. Леженин

В.П. Мелешко

Л.Л. Николаенко

Глава 15. Саботаж Правительства РФ. Помощь региона. Стихии 1994-95 годов. Снова неформалы. Смена руководства СибНИГМИ. Московское совещание по стихиям. Чеченская война. Наши потери и новые кадры. Татарская музыка и я.

Да, действительно, борьба за выживание в последующие годы продолжалась. Но силы были неравны: Правительство упорно не выполняло и явно не собиралось выполнять отраслевое тарифное соглашение, заключённое ранее между Росгидрометом, ФПАР и Министерством труда. По данным Росгидромета в период с 1994 по 2000 годы ассигнования из федерального бюджета обеспечивали лишь от 28 до 41% потребностей Гидрометслужбы. По России было закрыто или законсервировано около 30% гидрометстанций, 30 аэрологических станций (из 130). В связи с дефицитом финансирования наше Западно-Сибирское УГМС задолжало предприятиям Минсвязи за передачу гидрометинформации станций и постов более 1,3 млрд рублей (на конец 1995 года). Около 30 районных узлов связи (РУС) отказались принимать от станций и передавать в ГМЦ и ЦГМС данные о погоде, а остальные РУС пригрозили это сделать в ближайшие дни. Прогностические службы УГМС перестали получать информацию с 30% гидрологических постов, а это уже создавало угрозу для составления качественных гидрологических прогнозов и штормовых предупреждений.

Сокращение расходов на связь повлекло и сокращение сроков гидрометнаблюдений, уменьшение данных на синоптических картах и барической топографии; местами прекратилась подача штормовых оповещений с ГМС, особенно в ночное время. 70-80% технических средств на станциях и постах уже требовали замены, происходил стихийный переход от инструментальных

наблюдений к визуальным и ручным наблюдениям XIX–начала XX веков. Выступая на одном из заседаний начальников штабов по делам ГО и ЧС Сибирского региона, Василий Иванович Зиненко имел все основания сказать: “Экономя на Гидрометслужбе, государство тем не менее тратит на ликвидацию ущерба от стихийных явлений миллиарды и где-то их вдруг находит!”

В феврале 1994 года из Москвы пришли цифры финансирования нашего УГМС на текущий год, предусматривающие 30%-ное сокращение фондов заработной платы (ФЗП). Руководство Управления дало разнарядку на сокращение штатов и ФЗП по подразделениям; предлагалось сократить вакансии, пенсионеров, малочисленные отделы перевести в группы. Это означало, что начальник отдела, получавший зарплату по 15 разряду, должен был согласиться стать ведущим специалистом с 12 разрядом. После часовой ругани, то бишь дискуссии, с начальником ПЭО Л.В. Мишиной договорились о сокращении в Гидрометцентре 6 единиц (вакансии и пенсионеры) – всё же при неполном выполнении разнарядки.

Во второй половине марта В.И. Зиненко вернулся из Москвы после заседания коллегии Росгидромета с участием вице-премьера Правительства А.Х. Заверюхи и сообщил, что Гидрометслужба будет обеспечена финансированием по ФЗП только на 60%, но он рассчитывает, что с учётом сокращения штатов Управление в смету войдёт. Небольшой “лучик света” сверкнул накануне на заседании паводковой комиссии Новосибирской области: после доклада заместителя начальника УГМС В.Г. Рубекина о предстоящем сценарии весеннего половодья и трудном экономическом положении Управления глава комиссии Ф.А. Чуев уверенно заявил: “Погибнуть Гидрометслужбе не дадим!”

И всё же после ругани и перенесённого стресса настроение было дрянное, тонус пониженный, говорить ни с кем не хотелось. Дома пытался напиться, не удалось. Слушал потрясающие записи арий и романсов в исполнении блистательных певиц Советского Союза Виктории Ивановой и Ольги Басистюк (“Вам не понять моей печали”, “Здесь хорошо” и др.). Слушал и обливался слезами. И опять духовную помощь оказала оперетта. В связи с 35-летием Новосибирского театра там состоялся концерт под названием “Частица чërта в нас”. Моя любимая певица Вера Алфёрова (Лавриненко) проникновенно исполнила лирическую арию Виолетты из оперетты И. Кальмана “Фиалка Монмартра”, элегантная Ирина Шитикова бурную, темпераментную, “Карамболину” из той же оперетты. Блистательно конферировал и пел настоящий “перпетуум мобиле оперетты” народный артист РФ А. Выскрибенцев. Оригинально поздравил театр с юбилеем ведущий актёр театра “Старый дом” Ю. Усачёв: “Вы старше Филиппа Киркорова, но существенно моложе А.Б. Пугачёвой!” (Накануне Россия узнала о бракосочетании знаменитых певцов – 26-летнего Филиппа и 44-летней Аллы Борисовны.)

А жизнь не позволяла расслабиться и ставила новые проблемы. В феврале 1994 года Москва утвердила новое “Положение” Росгидромета по СГЯ, отменяющее аналогичное положение почти 10-летней давности. С внедрением этого “Положения” Гидрометцентр, отдел ГМО и оперативно-прогностические организации (ОПО) УГМС подготовили и внедрили пакет нормативных документов, уточняющих порядок действий специалистов прогностической и наблюдательной сети в периоды СГЯ, критерии стихийных явлений, порядок доведения штормовой информации до органов власти, комиссий по ГО и ЧС, хозяйственных структур и населения. Порядки и

критерии, как и 10 лет назад, были согласованы с заинтересованными потребителями.

В том же году была проведена масштабная работа по разработке руководящего (местного) документа (РД) по контролю гидрометеорологической информации станций и постов, где был установлен порядок взаимодействия специалистов Гидрометцентра, связистов (НСАСПД), вычислительного центра при проведении контроля метеорологической, гидрологической, агрометеорологической информации наблюдательной сети. Данный РД был долгое время настольной книгой соответствующих подразделений УГМС.

Весной 1994 года один из видных чиновников областной администрации Ф.А. Чуев, о котором я упоминал выше, всё же выполнил своё обещание. На очередном заседании паводковой комиссии под председательством Мамона в середине апреля было заявлено, что Западно-Сибирскому УГМС из бюджета Новосибирской области выделяется 10 млн рублей, которые были использованы для открытия временных гидрологических постов на реке Карасук и для улучшения связи с радирующими постами.

Особенностью развития весенне-летнего половодья этого года было повышение температуры во второй половине мая, интенсивные ливневые дожди (до 1,5 месячных норм) в южных районах бассейна Оби, формирование снежно-дождевого паводка высотой до 2-5 метров. Эта волна вызвала резкое повышение уровней воды и подтопление населённых пунктов на реках Бия, Чарыш, Катунь, Обь. При этом наиболее значительный ущерб паводок принёс району Барнаула, где высокая вода удерживалась более двух недель (до начала июня); в пригородах краевого центра было подтоплено более 200 домов, 300 участков. К чести гидропрогнозистов Гидрометцентра и их коллег из Алтайского ЦГМС разгул

водной стихии был предсказан с достаточной заблаговременностью (2-9 суток).

Весной 1994 года бурлила не только природа, но и вся страна: бастовали шахтёры, труженики промышленных предприятий, преподаватели высших учебных заведений. Шли демонстрации под лозунгами—“Министрам – зарплату профессора!” В Государственной Думе кипели страсти. Премьер Правительства РФ В.С. Черномырдин кричал, стоя на трибуне: “Россия не гоночный автомобиль: посидел, порулил, а потом всю страну трясёт. Я не из тех, кто из завлабов попадает в министры и метит в Президенты!” (Явный намёк на лидера “дерьмократов” Е.Т. Гайдара.) А в марте-апреле этого года глава Новосибирской области И.И. Индинок, выступая на совещании глав районов региона и на научно-практической конференции, довольно уныло говорил о дисбалансе бюджета, тяжёлом экономическом положении, низкой покупательной способности населения. Говорилось, что в России соотношение зарплат 10% самых высокооплачиваемых граждан к 10% самых низкооплачиваемых составляет 27:1, а в США – 14:1.

В условиях дефицита федерального бюджета в Гидрометслужбе вновь обращалось внимание на развитие СГМО – специализированного гидрометобеспечения потребителей. Летом 1994 года, заслушивая результаты методических инспекций агрометеорологических наблюдений на гидрометстанциях, мы обращали внимание на то, что методисты Гидрометцентра и ЦГМС много усилий тратят на выполнение государственной программы агрометнаблюдений, но получаемые данные не используются для получения специализированных видов информации, которые могли бы заинтересовать селян. А потому ГМЦ совместно со специалистами ОГОНХ Управления подготовил методические указания для наблюдательной сети о порядке СГМО для потребителей. В

них обращалось внимание на поиск нестандартных методов интерпретации фактических и прогностических агрометданных и на развитие услуг для фермерских хозяйств. К сожалению, как показал анализ, в 1994 году многие сельхозструктуры (около 20%) отказались от услуг Гидрометслужбы, хотя объём денежных поступлений от договоров с органами АПК вырос с 1 млн до 7 млн рублей. Доля поступивших средств от АПК по сравнению со всеми договорными суммами колебалась от 33-43% (ГМЦ, Кемеровский ЦГМС) до 5-19% (Алтайский, Томский ЦГМС).

Как и 1993 год, текущий 1994-й был не самым удачным по качеству гидрометобеспечения потребителей; оправдываемость почти всех видов гидрометпрогнозов была ниже, чем в предыдущем году. Особенно низкой была успешность агрометеорологических прогнозов урожайности яровых зерновых (57-62%) по Томской области и Алтайскому краю. В первом случае это было связано с ухудшением культуры земледелия: не выполнены агротехнические мероприятия предпосевной обработки почвы и ухода за посевами, что спровоцировало большую засорённость полей. Во втором случае, причиной неудачного прогноза стала сильная засуха, которая отмечалась в июне – первой декаде июля в Кулунде, Барабе, то есть захватила не только Алтай, но и часть Новосибирской области. В среднем температура была выше нормы на 3...5°C, дневной максимум превышал 30°C, отмечался дефицит осадков (40-70% нормы) в сочетании с суховейными явлениями. По Алтаю зерновые были списаны на площади 328 тысяч га, по Новосибирской области – 122 тысячи га. Потери урожая на Алтае были вызваны также затяжными дождями в период уборки, которая здесь продолжалась до начала ноября.

Отмечу, что повышенный фон температуры и дефицит осадков были предсказаны месячными и среднесрочными прогнозами, а успешность прогноза урожайности по Новосибирской области (Гидрометцентр) и Кемеровской области (ЦГМС) составила 91-98%.

Кроме крупномасштабной засухи в ряде районов Новосибирской области отмечались локальные стихийные явления: град, сильные ливни, шквалы. 5 июля в районе села Кочки и 27 июля около села Чаны наблюдались смерчи, сопровождавшиеся градом в течение 7-10 минут. Суммарный ущерб был оценён в 278 млн рублей: разрушены производственные и жилые здания, опоры и линии электропередач, связи, вырваны с корнем деревья. Специалистами ГМЦ для департамента сельского хозяйства были подготовлены справки, которые были использованы для решения вопроса об освобождении области от платежей в федеральный бюджет. Довольно своеобразной была подача информации о смерче в районе села Чаны. Утром 28 июля мне на служебный телефон позвонила начальник М-П Чаны В.Н. Королёва; сообщив о вчерашнем смерче, она сказала, что местный РУС у неё не принимает телеграммы из-за долгов УГМС по связи. А в начале августа от Королёвой поступило колоритное и подробное описание стихийного явления с актом обследования и оценкой ущерба. Учитывая такую профессиональную качественную работу станции, мы с Р.Я. Гессом решили начальника станции поощрить в приказе по УГМС.

Не меньше катаклизмов погоды “взорвало” коллектив Управления трагическое событие -: самоубийство ветерана ЗСУГМС и войны, бывшего главного бухгалтера Анны Михайловны Горбайчук. В последние 10-15 лет она была на заслуженном отдыхе, получала пенсию, но часто бывала на торжественных собраниях ветеранов Управления, интересовалась

проблемами Службы и страны; правда, в марте – апреле 1994 года она появлялась реже, говорили, что она страдает от ракового заболевания. Похоже, ей не хватало обезболивающих средств. 4 мая она отослала мужа на рынок, а сама выбросилась из окна квартиры на седьмом этаже...

Тяжёлая экономическая ситуация в стране и далеко не однозначное отношение в Правительстве к Росгидромету обострили конкуренцию на рынке гидрометуслуг. Отдельные фирмы (“Эфемериды”, “Политон”...), частные лица активизировали попытки навязать органам власти, хозяйствующим организациям свои долгосрочные прогнозы, рекламируя, без всяких доказательств, их якобы высокое качество. В ряде случаев им даже удавалось добиваться доверия высокопоставленных лиц и руководителей.

В 20-х числах октября 1994 года состоялось довольно бурное совместное заседание Учёного Совета СибНИГМИ и технического совета ЗСУГМС по итогам проверки успешности долгосрочных прогнозов И.А. Гаврилова, о котором я уже упоминал в предыдущей главе. Результаты испытаний говорили о явном преимуществе прогнозов Новосибирского Гидрометцентра по сравнению с прогнозами Гаврилова, который, комментируя результаты, говорил откровенно путано и шизофренично о своём даре провидца, о вероятном конце света в 2005 году (!) в связи с “пересечением линии жизни и космоса”. Я выступил с разгромной речью, завершив призывом, прозвучавшем ранее на Московском совещании 1993 года, бороться с мракобесием. В.М. Топоров, заместитель директора института, воскликнул: “Браво!” Заведующий отделом Г.М. Виноградова не стала искать аргументов и назвала выступление Гаврилова “бредом сивой кобылы”. Совещание рекомендовало руководству УГМС и института

проводить научную экспертизу всех “неформальных” методов прогнозов. Настойчиво прорывались в Гидрометслужбу и, особенно, к информации другая группа неформалов: В.А. Понько и А.И. Параскун. Последний даже был принят на должность заместителя начальника ЦМС, но в конце года был уволен за развал работы.

На проведённом в конце октября 1994 года заседании Научно-Координационного Совета Урало-Сибирского региона с участием представителей Омского, Красноярского, Иркутского УГМС П.Ю. Пушистов произнёс темпераментный монолог о своём желании уйти в отставку с должности директора СибНИГМИ. Одновременно прошли “смотрины” двух кандидатов в директора – заместителя Пушистова В.М. Топорова и учёного-гидродинамика А.А. Фоменко. Несмотря на явную симпатию Петра Юрьевича к Фоменко, члены НКС и эксперты высказались в пользу Топорова, который показался основательнее и компетентнее в организационных вопросах деятельности института. В первой половине ноября Владимир Михайлович побывал в Москве и вернулся оттуда утверждённым на Коллегии Росгидромета директором СибНИГМИ. С чем мы его поздравили без особой, впрочем, зависти.

Осенью 94-го года и зимой 1994-1995 годов, пользуясь атмосферой наступившей “смуты” в организации гидрометеорологической науки, “наши партнёры” попытались через органы власти создать параллельные Гидрометслужбе структуры, которым вменялось в обязанность разработать методы долгосрочных гидрометеорологических прогнозов. Особую активность в этом плане стал проявлять созданный в октябре 1994 года при администрации Новосибирской области департамент науки, руководители которого голословно заявили, что составленные Новосибирским Гидрометцентром

агрометеорологические прогнозы недостаточно высокого качества, а потому департамент собирается привлечь к разработке соответствующих прогнозов структуры СО АН, в частности, Институт математики. В ноябре-декабре того же года состоялась серия встреч и семинаров в департаменте науки, Институте математики, где учёные СО АН и СибНИГМИ (Загоруйко, Л.Н. Романов, Г.М. Виноградова, М.И. Черникова) обменялись информацией о математических моделях, используемых или возможных к применению при составлении агрометпрогнозов. Сотрудник СибНИГМИ Т.В. Старостина зачитала справку об успешности оперативных агрометпрогнозов и соответствующих математических методов, разработанных в институте. С участием руководства ЗСУГМС и СибНИГМИ (В.И. Зиненко и В.М. Топоров) договорились о возможной форме сотрудничества всех заинтересованных структур: УГМС – заказчик, департамент науки – спонсор, разработчики методов (исполнители) – научные сотрудники СОАН и СибНИГМИ. По нашему предложению испытание и внедрение методов должно было проходить в ЗСУГМС – Гидрометцентре. Наши предложения, включая смету расходов по выбору исходной агрометинформации, мы передали в департамент науки. Принимая пакет документов у входа в Институт математики, глава департамента Михайлов не без раздражения заметил: “Ваши аппетиты понятны”. Позднее тот же Михайлов предложил В.И. Зиненко заключить отдельный договор на подготовку информации. Я обратил внимание Василия Ивановича, что такой договор без предварительного согласования полной программы НИР (с участием СО АН и СибНИГМИ) и оперативных испытаний в ЗСУГМС не имеет смысла. Вопрос повис в воздухе и не получил решения.

В начале января 1995 года в Управлении сельского хозяйства Новосибирской области (во главе с Ф.А. Чуевым)

состоялось довольно бурное и скандальное заседание, инициированное “неформалами” (Гришин, Конев, В.А. Понько), которые ратовали за создание то ли центра, то ли ассоциации “Агроэкопрогноз”. По мысли идеологов, такой центр мог бы развить целый комплекс услуг: от долгосрочных прогнозов погоды и урожайности сельхозкультур до сбыта продукции. Естественно, базой для составления этих прогнозов должна быть информация Западно-Сибирского УГМС, причём предоставляемая безвозмездно. Аргументы об удачных прогнозах “экоактивистов”, как обычно, были бездоказательны, как и идеи о рекомендуемых ими системах земледелия. Когда неформалы вздумали критиковать “партократов” 80-х годов, которые отвергали их “прогрессивные идеи” и в семеноводстве, и в земледелии, Ф.А. Чуев гневно заметил: “А где были вы и президент СО ВАСХНИЛ Гончаров?!”

Вопрос об идеях неформалов достиг департамента науки и вице-губернатора области В.Н. Киселёва. После подготовленного нами негативного ответа на их программу В.И. Зиненко во второй половине января вернулся после визита к Киселёву сияющий; атаки на Гидрометслужбу Сибири и нашу информацию были отбиты. “Околонаучное бандформирование” (по моему определению) потерпело очередное поражение, хотя бои продолжались ещё долго.

В этом же месяце довольно мощную атаку на информационные ресурсы УГМС предприняли структуры администрации Новосибирской области, занимающиеся экологическими проблемами. Представитель департамента экологии А.Б. Амбиндер даже намекал (впрочем, довольно туманно) на возможность оплаты работы по подготовке технического задания и информационных данных для составления электронно-цифрового экологического атласа Новосибирской области. И мы такую работу начали и даже передали проект технического задания по созданию одного

из блоков атласа. Однако, Амбиндер сообщил, что у администрации нет средств на оплату работы, и она, естественно, прекратилась. Но когда мы отказались предоставить без предварительной оплаты первичные гидрометданные наблюдательной сети для другой экологической программы “Аэрозоли Сибири”, разразилась административная гроза. Заместитель главы области А.И. Петрик, игнорируя наше право на возмещение затрат за гидрометуслуги, стал угрожать нам штрафными санкциями. Помнится, что какая-то утечка данных наблюдательной сети в адрес господ Амбиндера и Петрика произошла, но виновными такой утечки были не структуры УГМС, а некоторые сотрудники СибНИГМИ, которые создавали свои персональные банки данных и, очевидно, поделились ими с заказчиками (за определённое вознаграждение).

Сейчас, спустя десятилетия, кажется странным, что в ту эпоху финансового коллапса и смуты мы увлекались абсолютно фантастическими, по существу, “маниловскими” идеями организации системы высшего метеорологического образования в Новосибирске. Эту идею активно поддержал П.Ю. Пушистов, который в то время работал в ректорате Новосибирского Государственного Университета. А потому мы всерьёз обсуждали и с В.И. Зиненко, и с В.М. Топоровым, с участием Пушистова, возможность создания гидрометеорологического факультета в НГУ. Правда, специалистов метеорологов и гидрологов высшей квалификации выпускали сибирские вузы – Томский и Иркутский университеты. Но казалось логичным, чтобы в Новосибирске, центре Западно-Сибирского УГМС и сибирской науки – гидрометеорологии будет свой образовательный кластер, где студенты и дипломники НГУ не только будут учиться, но и участвовать в научно-исследовательской работе в области метеорологии и

климатологии. Проект письма-обращения в адрес ректората НГУ было поручено составить нам с Топоровым; он был одобрен Пушистовым. Но этим всё и ограничилось...

Но приходилось заниматься и вполне земными, реальными проблемами. Весной 1994 года Правительством РФ была утверждена федеральная Целевая программа по развитию системы гидрометеобеспечения в России на период до 2000 года. Учитывая общегосударственный характер, некоммерческий вид деятельности Росгидромета, основным источником финансирования определялся федеральный бюджет. Вместе с тем, с учётом федеративного устройства России и деления наблюдательной сети на основную и дополнительную, Москва предлагала заключать соответствующие Соглашения с регионами, субъектами РФ, на финансирование дополнительной сети из местного бюджета. Основная сеть признавалась объектом финансирования бюджета России. Решение вопроса о финансировании из бюджета региона являлось прерогативой органов законодательной власти субъектов РФ.

Руководством УГМС мне было поручено подготовить обращение на эту тему в Думу Томской области. Письмо начиналось с показа кульминации развития сети Западно-Сибирского УГМС в 1987 году: 185 станций, 440 постов, 18 прогностических подразделений. Такая сеть позволяла обеспечивать органы власти и народно-хозяйственные организации детализированной фактической и прогностической гидрометеорологической информацией. Далее говорилось об ускоренной, особенно последние три года, количественной и качественной деградации этой сети (минимум на 1/3); на конец 1994 года в составе УГМС осталось 147 станций, 286 постов, 17 прогностических подразделений. Указывалось в письме на

угрозу паралича системы сбора и распространения гидрометинформации в связи с резким удорожанием услуг связи; подчёркивалось, что плотность гидрометсети в Томской области является минимальной по всей Западной Сибири: здесь одна станция сети приходится на 11,3 тыс. км², при норме ВМО 4 тыс. км².

Предлагалось в проекте соглашения на 1995 год с администрацией Томской области предусмотреть финансирование наблюдательной сети (дополнительной – 19 станций и 19 постов) около 1,3 млн рублей в год.

Письмо завершалось страстным призывом: “Обеспеченная достаточным объёмом финансирования Гидрометслужба сторицей оплатит вам, всем потребителям гидрометинформации, значительной экономией средств во всех отраслях экономики, сохранёнными жизнями людей!” Насколько мне известно, определённое финансирование наблюдательной сети Томской области из бюджета региона было всё же произведено, хотя и неполностью в заявленном нами объёме.

А в конце ноября 1994 года в Москве состоялось совещание начальников Гидрометцентров и ведущих специалистов Росгидромета, посвящённое проблеме прогноза и предупреждения стихийных гидрометявлений (СГЯ). Незадолго до совещания, в 20-х числах сентября, на Балтике произошла крупнейшая за последние годы морская катастрофа: во время сильнейшего шторма под напором воды на громадном пароме “Эстония” сорвало все переборки, перегруженный паром опрокинулся и в считанные минуты затонул. Погибло около 700 человек. Поразительно, но развитие цивилизации и технический прогресс не гарантируют безопасность от разгула стихии!

Готовясь к докладу на совещании, я провёл анализ оправдываемости штормовых предупреждений о СГЯ за последние 9 лет, начиная с 1986 года. Оказалось, что

успешность штормпредупреждений имеет заметную тенденцию к росту, по-видимому, за счёт использования численных моделей прогнозов атмосферных процессов, разработанных ведущими мировыми центрами ВМО, а также за счёт применения физико-синоптико-статистических методов прогноза, разработчиками которых были учёные нашего СибНИГМИ. В эти годы, кстати, по итогам оперативных производственных испытаний внедрили два метода прогноза - заморозков и ветра, в том числе сильного, на 1-3 суток (авторы И.Г. Храмцова, М.Я. Здерева, И.П. Прокопьева, Г.А. Шустер). Подчеркну, что эти методы были внедрены в оперативную практику прогностических органов ЗСУГМС в качестве основных. Вместе с тем, в докладе я упоминал о проблемах, связанных с дефицитом финансирования наблюдательной сети, услуг связи, которые влияют на сбор наблюдённой информации о штормах, на полноту, качество данных о фактической погоде и аэрологических данных на синоптических картах и барической топографии. Эти проблемы, по нашему мнению, руководство Росгидромета должно было решать более энергично. Проект доклада я прочёл перед ведущими прогнозистами Новосибирского Гидрометцентра и руководителями нескольких прогностических органов УГМС. Слушатели доклад, в основном, одобрили: рекомендовали сохранить или даже усилить критическую его часть. Начальник Новосибирского Авиаметцентра А.И. Токарев так и сказал: “Ругань в адрес Комитета надо оставить!”

Итак, я снова в гостинице ИПК Росгидромета (Кучино – ст. Железнодорожная). В этот раз мы живём в одном номере с В.И. Колкутиным; сейчас он начальник Нижегородского Гидрометцентра (в связи с возвращением г. Горькому его исторического имени – Нижний Новгород). Пьём чай с небольшой дозой спиртного, при этом Виктор

Иванович выдаёт “армейские маразматиками”: “Здесь вам не тут!” или “Перестаньте материться, а то этими же руками хлеб брать!”. Зашли в гости Я.М. Гольник, Н.А. Самолётова, позднее появился Б.В. Кубай, который теперь стал заместителем начальника Приморского УГМС. Наслаждаемся общением, говорим “за жизнь”.

Совещание открылось 29 ноября выступлением главы Росгидромета А.И. Бедрицкого, который говорил об актуальности проблемы предсказания СГЯ, некоторых перспективах развития численно-гидродинамических методов прогноза, основанных на использовании импортной ЭВМ Сау, установленной в РВЦ Росгидромета. (Правда, как потом выяснилось из разговоров в кулуарах Совещания, её быстроедействие на несколько порядков (до 1000 раз) уступало потенциалу ведущих международных центров ВМО.) Продолжил работу совещания обзорный доклад начальника УГМО В.А. Тренина, который внёс тревожную ноту в оценку качества действий Службы: ввиду изреживания и ослабления работы наблюдательной сети растёт число непредсказанных СГЯ. Вместе с тем, Виктор Александрович привёл примеры удачных прогнозов: весенний паводок на реках России, в том числе в Сибири, 1994 года, Новороссийская бора и пр. Далее последовали региональные доклады. Запомнились содержательные сообщения Б.В. Кубая о предсказании тайфунов и наводнений на Дальнем Востоке и Я.М. Гольника о комплексе редких гидрологических СГЯ в бассейне Северной Двины (низкая водность, ранний ледоход, нагон солёной воды). Поразил воображение слушателей рассказ Н.А. Самолётовой о работе наблюдательной сети и состоянии гидрометобеспечения на Северном Кавказе в условиях военного положения и разгула бандитизма. Удивляло, как в обстановке постоянного страха станции и посты, в районах, близких к мятежной Чечне, выполняют

программу наблюдений (особенно в ночное время), проводят маршрутные наблюдения. В.И. Колкутин рассказал об успешном прогнозе весеннего половодья 1994 года в бассейнах Волги и Оки и обеспечении требуемой информацией водохозяйственных организаций. Выступил и я с докладом о предсказанных СГЯ в Западной Сибири; заданные вопросы свидетельствовали о понимании проблем сибирских прогнозистов. Ведущий климатолог России Н.В. Кобышева поведала о подготовке климатического атласа СГЯ по территории России, который должен дать ответ на вопросы о вероятности различных метеорологических СГЯ и степени риска при их возникновении. Представители ЦАО и НПО “Планета” (А.А. Черников и Солонин) рассказали о разработке автоматизированных технологий (“Аксопри” и “Метеоячейка”), позволяющих поставлять на АРМ синоптика данные МРЛ с прогнозом движения очагов радиоэха, спутниковые данные с картированием облачных систем. Представитель ГГИ Копалиани призывал обращать внимание на учёт русловых процессов и деформаций российских рек, приводил примеры экономического и социального ущерба для некоторых городов Европейской части России от этих процессов.

Бурно обсуждали проект решения совещания, особенно его критическую часть; долго спорили, кричали. Всё же решили доработать после встречи с руководством Росгидромета. Двухчасовая встреча прошла с участием А.И. Бедрицкого и начальника финансово-экономического управления (ФЭУ) А.С. Якубова. Поведение Александра Ивановича на этой встрече было более эмоциональным и энергичным. Здесь и сейчас он мне понравился больше, чем в прошедшем году. Чувствовалось ясное понимание проблем Службы, да и страны в целом. И хотя радостного в своём выступлении он сообщил мало, какие-то островки надежды появились. Он сообщил, что идут напряжённые

переговоры о восстановлении аэрологической сети в странах СНГ, что “выбивание” средств для нужд Гидрометслужбы идёт довольно сложно, через думские фракции и вице-премьера А.Х. Заверюху, напомнил о недавнем финансовом крахе, “чёрном вторнике”, который пришёлся на 11 октября, когда в результате непродуманных действий Центробанка и министерства финансов рубль обрушился, а цена доллара подскочила на 30% (почти до 4 тысяч рублей). (“Известия”, кстати, перефразировали куплеты известного певца Олега Газманова: “Ой, вы цены, мои скакуны!” А наш сатирик М. Задорнов в своём телевыступлении предлагал введение местных валют: в Воронеже – вор, в Татарстане – тар, в Калмыкии - ...) Проект решения совещания был доработан с учётом “экономических реалий”.

На вечернем чаепитии в гостинице произошёл стихийный обмен опытом договорной деятельности с потребителями гидрометинформации. Б.В. Кубай демонстрировал полный отказ от утверждённых “сверху” преysкурантов цен, использование “договорных цен”, бетонную стойкость против административного давления (откуда бы оно не шло). Он агитировал за безусловное финансовое поощрение исполнителей договоров, не обращая внимания на недовольство прочих служб, которые содействуют исполнению договоров, но не являются их исполнителями.

После возвращения в Новосибирск я доложил на планёрке руководящего состава УГМС об итогах совещания. Р.Я. Гесс настолько заинтересовался опытом гидрометобеспечения структур власти и экономики на Дальнем Востоке, что заявил о желании съездить “в гости” к Кубаю. К сожалению, этим планам ни тогда, ни позже не удалось реализоваться.

Конец года был омрачён неприятным “сюрпризом”: молодой синоптик Гидрометцентра, выпускница родного Казанского Университета, Елена Лаптева заявила о своём желании уволиться с работы, как-то странно приговаривая: “В мирской жизни нет ни помощи, ни участия”. Выяснилось, что она собирается стать членом “Братства единой веры”, обосновавшегося где-то около Минусинска. Долго и напрасно мы с Л.Н. Староватовой пытались её отговорить от этого рокового шага, рисуя возможные перспективы её профессионального роста, вплоть до поступления в аспирантуру. Всё было бесполезно, переубедить её не удалось. Мой сын Артур, который в то время располагал сведениями о многих религиозных течениях, рассказал, что “отец Виссарион”, глава братства, весьма успешно занимался психологическим зомбированием как желающих вступить в братство, так и уже членов этой секты. Уход Лаптевой я воспринял как личную трагедию. Несколько смягчило утрату решение вопроса о переводе в наш Гидрометцентр М.В. Виноградовой, которая в СибНИГМИ занималась вместе с А.А. Фоменко и его коллегами разработкой численных региональных моделей прогноза (схема “Регион”). Она была принята синоптиком в отдел краткосрочных прогнозов погоды.

А между тем накалялась социальная и военная обстановка на Кавказе. В начале 90-х годов две республики, Татарстан и Чечня, претендовали на особый государственный статус и суверенитет. Но поздней осенью 1994 года лидер татарской нации М.Ш. Шаймиев, совершая визит в США, уже не говорил о полной независимости республики, а подчёркивал историческое единство с Россией. Когда же его спрашивали о статусе региона, Шаймиев отвечал, что Республике Татарстан достаточно иметь права и суверенитет, которыми располагает в США

штат Техас. (Не думаю, что наши радикально настроенные татары-националисты разделяли мнение Минтимера Шариповича.)

Более воинственно и радикально были настроены лидеры мятежной Чечни, которые откровенно не признавали власти Москвы. А потому 11 декабря 1994 года российские войска тремя колоннами вошли в Чечню. Завязались кровопролитные бои за город Грозный – столицу республики. СМИ были наполнены комментариями о военных действиях, в ряде случаев с признаками сочувствия к обороняющейся стороне. То на экране ТВ мелькают кадры, когда чеченские женщины с детьми бросаются к танкам и не дают им пройти. То телепрограмма “Время” покажет выступление чеченок: “Мы все умеем стрелять и умрём за Родину!” А пресса напомнит, что в 1991 году российские войска из Чечни вывели, а оружие там оставили, и теперь россиян бьют этим оружием. Некие военные эксперты в “Известиях” писали о бездарных действиях россиян в боях за Грозный: без разведки, без карт, без связи, без взаимодействия частей и родов войск. Не без ехидства замечали в середине января 1995 года, что штурм Грозного длится дольше штурма Берлина. В Государственной Думе раздавались обвинения в адрес министра обороны П.С. Грачёва. Удивительно, но краткое новогоднее телепоздравление Б.Н. Ельцина прозвучало в эфире без упоминания о чеченских событиях.

И всё же 19 января в столице Чечни над президентским дворцом (или его остатками) взвился российский флаг. (“Неужели рейхстаг взят?”) Но ещё более трёх недель продолжались бои в Грозном и по всей республике. Лишь в середине февраля СМИ сообщили, что достигнута договорённость о прекращении огня. Но мир оказался кратковременным.

Разгар боёв между федеральными силами и чеченскими боевиками ознаменовался сильными морозами на юге Западной Сибири (до минус 30...40°C), особенно во 2-3 декадах января, которые были предсказаны сибирскими синоптиками с достаточной заблаговременностью (от 1 до 10 суток). Это позволило предприятиям ТЭК обеспечивать безаварийную работу теплосетей, а с учётом реальных запасов топлива в ряде случаев повышать температуру воды в сетях. Оптимизировать подачу тепла помогли передаваемые диспетчерам ТЭК специализированные прогнозы температуры на ближайшие 6 часов.

Крепкие зимние морозы сменились экстремально тёплой и ранней весенней погодой. Уже в конце марта – начале апреля температура на Алтае и юге Новосибирской области оказалась выше нормы на 7...10°C, дневной максимум превышал 20-градусную отметку. Произошло экстремально раннее вскрытие рек бассейна Оби: на 7-19 дней раньше нормы и на 1-6 дней ранее наиболее ранних дат вскрытия за весь период наблюдений. Написанная мной статья об этом событии была опубликована в областной газете “Советская Сибирь” под названием “Сюрпризы природы”. В связи с аномально тёплой погодой и в соответствии с постановлением администрации Новосибирской области уже 18 апреля, примерно на 10 дней раньше обычного, наш Гидрометцентр приступил к метеообеспечению лесного хозяйства: составлению прогнозов горимости лесов, штормовых предупреждений, доведению специализированной фактической информации. Наибольшее число лесных и ландшафтных пожаров отмечалось в апреле и мае: оправдываемость прогнозов горимости составила около 94%, причём все десять составленных штормпредупреждений о высоком (IV) классе горимости оправдались. С учётом нашей информации специалисты охраны лесов, авиабазы,

управления лесного хозяйства проводили наземные и авиационные патрулирования лесных массивов; тем не менее площади лесных и нелесных пожаров в Новосибирской области и на Алтае превысили 1,5 тысячи гектаров.

Ранняя весна обусловила ранние сроки проведения весенних полевых работ. Агропрогнозисты Новосибирского Гидрометцентра и их коллеги из региональных ЦГМС составили удачный прогноз запасов влаги в почве к началу весны (с двухмесячной заблаговременностью), сопроводив его рекомендациями о проведении весеннего боронования полей в целях максимального сокращения потери влаги. Наша информация была использована учёными СО РАСХН при подготовке рекомендаций к тактике полевых работ: обращалось внимание на недопущение разрыва между сроками обработки почвы и сева.

11 апреля начальник отдела агрометеорологии ГМЦ А.А. Тюменцева в последний раз доложила на техническом совете УГМС о готовности наблюдательной сети к весенне-летним агрометеорологическим наблюдениям. Я поблагодарил Аллу Александровну за многолетний добросовестный труд в сфере методического руководства этими видами наблюдений и в связи с её выходом на пенсию. Со второй половины месяца эту должность стала исполнять Галина Ивановна Гращенко, которая до перехода в Гидрометцентр работала в СибНИГМИ, в команде учёных-агрометеорологов, руководимой М.И. Черниковой, и занималась разработкой методов прогноза урожайности сельхозкультур для территории Западно-Сибирского УГМС.

Гидрологи нашего Гидрометцентра дали удачный прогноз сроков вскрытия рек бассейна Оби, что способствовало раннему началу навигации речного флота и

грузоперевозок для объектов экономики Сибири. Успешный прогноз на май и II квартал притока воды к Новосибирскому водохранилищу дал возможность в намеченные сроки ввести в эксплуатацию для нужд сельского хозяйства оросительную систему, а для рыбного хозяйства создать благоприятный режим нереста рыб.

В 1995 году страна отмечала 50-летие Победы в Великой Отечественной войне. (Великая победа была достигнута ценой великих жертв – ценой жизни около 27 миллионов (по неполным данным) советских людей!) Тогда ещё были живы многие ветераны войны и тыла, сотрудники Гидрометслужбы. 6 мая, уже с 10 часов утра, мы, руководители подразделений УГМС и профсоюзные лидеры, встречали в здании Управления ветеранов (около 100 человек!). Через час в фойе состоялся митинг и открытие мемориальной доски с именами погибших в годы войны работников Службы. На митинге с речами выступили В.И. Зиненко и Б.М. Кривоносов. В конференц-зале прошло торжественное вручение ветеранам почётных грамот Росгидромета и УГМС, а также ценных подарков. В компьютерном зале нашего РВЦ ветеранов ждало праздничное угощение.

Утром 10 мая стало известно о смерти заведующего лабораторией СибНИГМИ И.П. Прокопьевой: умерла в день Победы после тяжёлой и долгой (около 4-х месяцев) болезни. Еще в октябре 1994 года, отмечая её 55-летие, мы веселились, и я спел для Ирины Петровны романс “Напрасные слова, виньетка ложной сути...” Хоронили И.П. Прокопьеву на кладбище в районе Академгородка. На двух автобусах подъехали руководство и специалисты Управления, института, ветераны. Меня поразило, что покойница в гробу была как-то невероятно хороша, просто иконописно красива, обряженная по христианскому обычаю в саван. В своём прощальном слове В.М. Топоров

горестно произнёс: “Прощай, Ирина Петровна! Тебе уже не придётся выбивать деньги для лаборатории!” Рядом стоял её муж, что-то говорил про себя и, кажется, бредил, был явно не в себе. При входе в зал, где проходил поминальный обед, В.Н. Барахтин процитировал: “Где стол был яств, там гроб стоит...”

Летом 1995 года снова начались волнения на Кавказе. 15 июня чеченские боевики Шамиля Басаева ворвались в город Будённовск Ставропольского края и захватили около 1,5 тысяч заложников. Угрожая их расстрелять, Басаев требовал вывода федеральных войск из Чечни. В переговорах с ним принял участие премьер правительства В.С. Черномырдин. Российский спецназ пытался штурмовать больницу, где содержались заложники, но их атака оказалась неудачной, погибло много людей. Виктор Степанович вынужден был пойти на уступки: военные действия прекращаются, начинаются мирные переговоры. Басаев с боевиками, прикрываясь заложниками, доехал сначала до Хасавюрта, где их встречали как национальных героев, а затем просто “растворился” в горных районах Чечни. Поскольку Государственная Дума требовала отставки Правительства, из-за бездарных действий федералов в Будённовске, Б.Н. Ельцин снял с должности главу МВД В.Ф. Ерина и заменил его генерал-полковником А.С. Куликовым. В июле шли трудные переговоры в Грозном; подписанное в конце месяца соглашение между заместителем главы российской делегации А.И. Вольским и Джохаром Дудаевым предусматривало разоружение боевиков и поэтапный вывод федеральных войск из Чечни.

Не исключая, что именно в связи с кавказскими событиями вновь и резко ухудшилось финансирование Гидрометслужбы. Весной 1995 года Москва гарантировала только 50-процентное от всех наших потребностей

денежное “довольствие”. Позже, уже в середине лета, поступили уточняющие данные по тарифному соглашению и ведомственному заказу на 1995 год; стало ясно, что по Росгидромету денег поступит на 3 млрд рублей меньше, чем планировалось весной. (А индексация зарплат не проводилась с марта.) Недостающие средства предстояло зарабатывать или опять пойти по пути сокращения “всего и вся”. В “Советской Сибири” появилась моя статья “Погода на голодном пайке”. Летом же стало откровенно, на несколько месяцев, запаздывать федеральное финансирование Западно-Сибирского УГМС. Так, июльские средства даже в сентябре ещё не поступили.

Заслушав результаты летних методических инспекций метеостанций Томской области, которые проводили сотрудники группы В.В. Ворожцова, мы с ужасом узнали об отключении станций Тегульдет и Подгорное от связи и электроэнергии (признаки тихого развала). В конце августа уволилась Е.В. Ермоленко, лидер нашего профсоюза, в прошлом член Стачкама Росгидромета. Как мне показалось, она ушла из-за возникших сомнений в успехе борьбы за достойную жизнь работников Гидрометслужбы.

В августе мы снова обсуждали на совещании у Р.Я. Гесса проблему сокращения дополнительной наблюдательной сети для высвобождения денежных средств, необходимых для содержания сохраняемых станций и постов. Забегая вперёд, сообщу, что в 90-е годы, вплоть до 2002 года по территории ЗСУГМС было сокращено 36 гидрометеостанций (21% от всего количества), 215 гидрологических постов (49%). В конце сентября поступило мрачное письмо коллектива Колпашевской ГМО: из-за отключения электроэнергии и тепла в помещениях обсерватории холодно, перестала работать аппаратура аэрологической станции.

Все знают, что летний день год кормит. Поэтому каждое лето мы уделяли самое серьёзное внимание агро- и метеообеспечению сельхозпроизводителей. В 1995 году, несмотря на холодный, с частыми заморозками, июнь, вторая половина лета оказалась аномально тёплой. Потому прогнозы агрометеорологов Гидрометцентра о раннем созревании, уже в августе (на 90% посевной площади), яровой пшеницы оказались удачными, а рекомендации наших специалистов провести уборку в более ранние сроки – полезными. С начала сентября начались специализированные 5-дневные прогнозы погоды с детализацией по территории и во времени: они составлялись дважды в неделю с перекрытием по времени. Помимо передачи через СМИ эти прогнозы доводились докладными руководством Новосибирской области и департамента сельского хозяйства. 30 августа начальник Управления В.И. Зиненко выступил на селекторном совещании с главами районных администраций с информацией о сложившихся и ожидаемых агрометусловиях. Обращалось внимание на чередование благоприятных для уборки периодов с периодами резкого ухудшения погоды. Особенно удачно были предсказаны погожие дни 8-15 сентября, когда в Новосибирской области были достигнуты максимальные темпы обмолота зерновых (до 20-25% посевной площади). В начале октября уборка зерновых по области была практически завершена. По итогам работы нами был получен положительный отзыв о высоком качестве гидрометобеспечения аграриев области за подписью заместителя главы департамента сельского хозяйства Ф.А. Чуева.

Из нетривиальных событий того времени хочется вспомнить блестящее выступление 10 августа главного синоптика ГМЦ Л.Н. Староватовой на Новосибирском телевидении (программа “Вместе”), где она рассказывала о

нашей “кухне” прогнозов, отвечая на вопрос, что такое прогноз погоды – наука, работа или волшебство. Людмила Николаевна выступала в прямом эфире (!), проявляя чудеса выдержки, спокойствия и незаурядного интеллекта. Ещё раз порадовался успеху своего заместителя и коллеги. Просто молодец! (А ведь здоровье её стало хромать, весной этого года целый месяц болела, перенесла операцию.)

На следующий день я был приглашён на заседание комиссии областной администрации под руководством вице-губернатора В.Н. Киселёва; обсуждался вопрос о районных коэффициентах к заработной плате. Докладчиком была заместитель главы департамента труда Н.Д. Инина, которая представила районы Новосибирской области, где был установлен повышенный коэффициент к зарплате (до 1,3) из-за климатических условий. Определили такие районы на основании климатических показателей, представленных руководимым В.Г. Осокиной отделом климата нашего Гидрометцентра. Проведённую климатологами работу Надежда Дмитриевна оценила как весьма профессиональную. Комментируя обсуждаемый вопрос, я напомнил, что климатологи Новосибирского ГМЦ не только обладают высокой квалификацией, но и используют передовые современные технологии обработки климатической информации: как раз в 1994-95 годах мы внедрили АРМ климатолога “Кликом-Сигма”, разработанный во ВНИГМИ-МЦД и адаптированный для наших климатологов сотрудниками Новосибирского РВЦ. Эта система позволяла рассчитывать климатические характеристики по скользящим 5-10-летиям, то есть учитывать региональный тренд климата, а также контролировать и пополнять многолетние метеорологические данные по каждой станции УГМС.

И ещё одно приятное событие произошло тем летом: к нам прибыло молодое пополнение синоптиков – Анита

Логина и Наталья Дубоносова. Наташа приехала после окончания Пермского университета. Руководство Управления выделило машину, и 14 августа я встречал её на железнодорожном вокзале. Отвёз и устроил её в нашем общежитии около живописной Бугринской рощи. Анита получила место в этой же “общаге” несколькими днями раньше.

Неожиданный удар по нашим планам развития договорной деятельности и хоть какого-то восполнения дефицита федерального финансирования Службы нанесло заключённое между Росгидрометом и РЖД Генеральное Соглашение о принципах гидрометобеспечения железнодорожного транспорта. Согласно этой “бумаге” практически все виды фактической и прогностической гидрометинформации, которые мы ранее представляли железнодорожникам на договорной основе (за плату), теперь следовало передавать бесплатно. Наше возмущение принятым в Москве решением разделяли другие УГМС Урало-Сибирского региона; как и мы, они направили в Росгидромет (в адрес А.И. Бедрицкого) телеграммы с протестами. Но Москва не прислушалась к нашему мнению; чиновники ответили, что надо развивать специализированное гидрометобеспечение, а за стандарт нам платит бюджет. (Как говорится – против лома нет приёма!)

В эти месяцы руководство делало попытки оказать работникам Управления хотя бы какую-нибудь социальную помощь: отменяли плату за проезд на служебном автобусе, некоторым молодым специалистам (например, Н. Дубоносовой) выдали денежную помощь (около 100-120 тыс. рублей), в один из сентябрьских дней каждый работник получил бесплатно по 1 кг сливочного масла. Конечно, это были крохи, но...

В середине октября В.И. Зиненко, вернувшись с заседания Коллегии Росгидромета, сообщил о принятом там решении о переходе с 1997 года на двухзвенную систему управления: Росгидромет – региональные ЦГМС, с ликвидацией территориальных УГМС. В Москве посчитали, что такая реформа, заключающаяся в сокращении структур местных управлений, может погасить дефицит финансирования Службы. Конечно, автором проекта был известный “реформатор” наблюдательной сети В.М. Борисенко, который изложил свои мысли в специальной записке. Читал я эту записку и удивлялся наивности, некомпетентности автора, кипел желчью и негодованием. Через несколько дней написал своё видение двухзвенной системы, элементом которой могло стать преобразование Новосибирского ГМЦ в областной (региональный) ЦГМС с сохранением ряда территориальных методических, организационных и прогностических функций. Более решительно были настроены многие сотрудники Управления. Новый лидер профсоюза (ОКП) Людмила Степановна Минаева инициировала проведение профсоюзного собрания коллектива, на котором была высказана идея проведения протестной забастовки в связи с бездействием Правительства. Поступила информация, что многие УГМС такую акцию поддерживают, а федерация профсоюза авиаработников (ФПАР) предложила её провести 17 ноября 1995 года. В газете “Известия” была напечатана статья журналиста И. Ванденко, в которой говорилось: “Работники метеослужбы выдвигают требования немедленного погашения Минфином долга Росгидромету за 1994-95 годы по заработной плате и производственной деятельности в размере 80 миллиардов рублей... Вместе с тем, среди требований работников нет пунктов о повышении оплаты

труда. Люди добиваются всего лишь соблюдения закона и выплаты хотя бы причитающихся им денег”.

Деятельность наших коллег из Сибирского гидрометинститута также проходила, образно говоря, в условиях финансового прессинга. Как докладывал директор СибНИГМИ В.М. Топоров 17 октября на заседании Научно-Координационного Совета Урало-Сибирского региона, дефицит финансирования института на 1995 год составлял около 60 млн рублей, произошло массовое увольнение сотрудников, была введена сокращённая 3-4-дневная рабочая неделя. Тем не менее, на НКС было доложено несколько интересных сообщений. А.А. Леженин, В.В. Костюков и В.М. Топоров представили согласованные данные о положительном тренде ((по крайней мере на ближайшие 15-20 лет) температуры воздуха, засушливости и дефицита стока рек на юге Западной Сибири. Н.Н. Завалишин рассказал о разработке метода долгосрочного прогноза притока к озеру Байкал. Ставший заместителем директора института О.В. Климов доложил проект плана НИР на 1996 год. Удивительно, но в его речи не были слышны элементы пессимизма и упадка; похоже, он разделял энергичный призыв В.И. Зиненко: “Волка ноги кормят!” В поисках заказчиков хоздоговорных НИР он связывался со многими регионами Сибири, Якутии и даже Забайкалья.

Среди гостей НКС отличились начальник Уральского УГМС А.А. Успен и В.В. Ерёмин, недавно ставший начальником Красноярского ГМЦ. Альберт Александрович во время своего доклада продемонстрировал образец гидрометбюллетеня для отправки по электронной почте в адрес администрации региона; при этом отпадала необходимость содержания курьера. Владимир Викторович сообщил о создании в своём

ГМЦ отдела испытания и технологического сопровождения новых методов прогнозов.

В целом же обилие негативной информации, нелепых проектов, ощущение тупиковой ситуации вызывали чувство хандры, упадка духа, апатии. В ноябре по собственному желанию уволился мой коллега - начальник ССИ А.А. Деменев. На прощальном банкете наши “поэтессы” Г.П. Торубарова и Л.А. Мельникова зачитали посвящённые этому событию свои стихи в стиле “плач Ярославны”. Анатолий Александрович даже прослезился. Р.Я. Гесс обратил внимание на моё настроение: “Чего это ты стал такой замкнутый, нахлынула депрессия?”

И опять “возродиться” и не так мрачно смотреть на происходящее помогла мне музыка – оперетта и опера. 27 октября в Новосибирском театре музыкальной комедии оперетта К.Я. Листова “Севастопольский вальс” перенесла меня в эпоху 40-50-х годов, отчего я испытал какое-то пронзительное, щемящее чувство ностальгии. Постановщики спектакля обогатили музыкальную ткань пьесы включением в неё фрагментов песен Б. Мокроусова и вальса И. Дунаевского (“И легко нам разговаривать”). Восхитительна была в роли Нины звезда оперетты Вера Алфёрова – обаятельная, с прекрасными лёгкими верхами. Её партнёр Владимир Вальвачёв (капитан Аверин) нашёл в своей партии тёплые душевные интонации. А через месяц очередной приступ хандры я снял в оперном театре. Шла опера В.А. Моцарта “Волшебная флейта”. Говорили, что оперу у нас поставил режиссёр из Германии. Речитативные сцены шли на русском языке, а вокальные партии – на немецком. Душой спектакля стал баритон Андрей Исаков в роли Папагено, настоящий Санчо-Панса австрийского “разлива”. Остальные солисты тоже пели хорошо, легко, как бы в удовольствие: молодой тенор Ф. Хусаинов, бас М. Пахомов, колоратурное сопрано Л. Бондаренко (Царица

ночи), Л. Сизинёва (Памина). В антракте выпили с Тамарой по бокалу шампанского за “высокое и светлое искусство”. (Нет, всё же жизнь чудесна, восхитительна и полна неожиданных красок и открытий!)

А забастовка 17 ноября так и не состоялась; в суете, спорах, дискуссиях пролетело время, и идея акции незаметно перешла на следующий год. В начале января 96-го года наши профсоюзные лидеры вновь заседали и пришли к решению начать кампанию протеста против задержки зарплаты “с нуля”, то есть с повторного обращения в верхние эшелоны власти.

Провалилась также идея перехода на двухзвенную систему управления в Гидрометслужбе. В начале декабря 1995 года В.И. Зиненко сообщил о решении коллегии Росгидромета: территориальные управления сохраняются в качестве базовых структур Службы; вместе с тем планируется развитие функций региональных (областных, краевых) ЦГМС. Можно было перевести дух, но успокоиться не позволяла природа. Последние месяцы уходящего года ознаменовались активной циклонической деятельностью, перемещением серии глубоких южных циклонов с большими перепадами атмосферного давления в передней и тыловой частях каждого циклона (до $\pm 7-10$ гПа за 3 часа). Подготовленная мной и опубликованная в газете “Советская Сибирь” статья называлась “Тайфуны в Сибири”. Наибольший ущерб экономике принесли ураганы 24-26 октября, 13-14 ноября и 24 декабря, когда максимальные порывы ветра достигали 34-40 м/с; были оборваны линии электропередач и связи, местами сорваны крыши домов, повалены деревья, прекращено транспортное сообщение. Материальный ущерб по данным РЦ ГО и ЧС достигал 8-16 млрд рублей. 24 декабря администрацией Новосибирской области был введён режим ЧС с круглосуточной работой рукосостава, силовых структур и

аварийных бригад. К чести синоптиков Западно-Сибирского УГМС ураганы, особенно в ноябре и декабре, были предусмотрены с большой заблаговременностью (2 суток) с последующей корректировкой силы урагана, что позволило властным структурам принять превентивные меры.

Между прочим, в этот ненастный день проходили выборы губернатора Новосибирской области; победу одержал В.П. Муха (57% голосов), его соперник И.И. Индинок набрал лишь 37% голосов избирателей. В те же декабрьские дни прошли выборы в Государственную Думу России. Относительное большинство (22% голосов) получила КПРФ, а представитель коммунистов Г.Н. Селезнёв стал председателем Думы. Из 43 избирательных блоков 5%-ный барьер преодолели три: ЛДПР, “Яблоко” и проправительственное объединение НДР (“Наш дом - Россия”) с В.С. Черномырдиным во главе.

Эффективными и красивыми штормпредупреждениями (своеобразным аккордом) завершался 1995 год. В отличие от предыдущих двух лет удачными были и долгосрочные (месячные) прогнозы погоды: по аномалии температуры – около 80% (лишь два прогноза, на январь и июнь, были неудачные), по аномалиям осадков – 67%. Расчётный экономический эффект от использования потребителями прогностической информации по территории ЗСУГМС составил в этом году около 77,5 млрд рублей.

1 декабря поступила поздравительная (правительственная) телеграмма в связи с 270-летием начала метеорологических наблюдений в России. (Подумать только! О нас в Правительстве помнят и знают!) В этот же день мы отправили соответствующие поздравления на наблюдательную и прогностическую сеть УГМС. В конференц-зале прошло торжественное заседание

объединённого коллектива Управления и института. Ведущие сотрудники обеих структур В.Н. Баракхин и В.Г. Осокина были награждены знаками “Почётный работник Гидрометслужбы РФ”.

В конце декабря отмечали 25-летний юбилей нашего Сибирского гидрометинститута. Юбилей собрал многих сотрудников и ветеранов, первый директор СибНИГМИ С.М. Шульман занимал почётное место в президиуме. Эмоциональный, хотя и краткий, доклад об истории создания института и его научных достижениях сделал его директор В.М. Топоров. Поступили поздравления-приветствия от академика Г.И. Марчука, его соратника и ученика В.П. Дымникова. С приветствием институту выступил начальник УГМС В.И. Зиненко. Обзорный доклад о методах прогноза неблагоприятных явлений и СГЯ представила ведущий учёный СибНИГМИ И.Г. Храмцова. Прочувствованную речь о прошлом института и своей научной молодости произнёс преемник Шульмана на директорском кресле П.Ю. Пушистов. Как всегда, ярко и темпераментно выступила ветеран экологической науки И.А. Шевчук; она говорила, в основном, о предшественнике СибНИГМИ – Новосибирском филиале института аэроклиматологии (НИИАК), его директоре И.М. Кисине (почему-то запомнилось утверждение, что он любил женщин). Я произнёс, как выразились мои коллеги, пламенную речь; напомнив о ветеранах института, контактах с учёными-гидрометеорологами НИУ всей страны и о реализации в нашей сибирской Гидрометслужбе синтеза науки и производства, как идеологии создания самостоятельной научной структуры.

31 декабря Президент России Б.Н. Ельцин поздравил россиян с наступающим 1996 годом: обещал всем выплатить долги по зарплате и пенсиям и даже пригрозил отставкой тем чиновникам, кто не выполнит его

распоряжений. (Дескать, вот я вас! А те – ой как страшно!) За пару месяцев до этого СМИ сообщали об ухудшении состояния здоровья Бориса Николаевича, ишемической болезни его сердца. Но тогда становился модным термин “стабилизация”, а потому писали – “состояние здоровья Президента стабильное”. Может потому эти “как-бы” угрозы и “как-бы” решения воспринимались слушателями как своеобразный цирк. Тем не менее в январе 1996 года был опубликован указ Президента РФ “О мерах по обеспечению своевременности выплаты заработной платы..., пенсий и иных социальных выплат”. Согласно указу, устанавливалась персональная ответственность руководителей и должностных лиц федеральных органов исполнительной власти за своевременное обеспечение указанных выплат. Указывалось, что виновные в задержке этих выплат могут быть отстранены от руководства или даже уволены, пусть даже за однократное, но грубое нарушение своих обязанностей. Правительству РФ этим указом было предписано в двухнедельный срок погасить задолженность федерального бюджета по выплате заработной платы и пенсий, опубликовать понедельный график исполнения Министерством финансов РФ обязательств по зарплате и пенсиям. Не забыл наш Президент в этом указе предусмотреть и выплату денежного вознаграждения членам Правительства и Администрации Президента после погашения всех задолженностей по выплатам. Но так и не увидели мы ни графика погашения задолженностей, ни реальных действий Правительства. Финансовая пропасть углублялась, спираль инфляции продолжала раскручиваться.

Записи в моём дневнике дают некоторое представление о темпах инфляции. Если в начале 1994 года проезд на городском транспорте был возможен за 100 рублей, то во втором полугодии 1995 года он обходился в

700 рублей. Буханка белого хлеба в I квартале 1994 года стоила 400 рублей, а в последнем квартале 1995 года уже 2300 рублей. Есть оценки затрат и на другие виды товаров и услуг: обычная общая тетрадь в 48 листов в 1995 году стоила 4500 рублей, мужская стрижка в парикмахерской (“молодёжная”) 10 тысяч рублей, стоимость годовой подписки на любимый мой журнал “Новый мир” 83 тысячи рублей. Купил себе недорогой пиджак – 145 тысяч. Как-то проходил мимо кассы филармонии, где продавали билеты на концерт знаменитого артиста А. Ширвиндта: цены доходили до 100 тысяч рублей (воспринял их как оскорбительные). Заработная плата росла скромнее, да и выплачивали её, как я писал, с задержкой в 2-3 месяца. Зарплата за январь 1994 года, выданная мне в марте, составляла 202 тысячи рублей. В феврале 1996 года расплатились только за ноябрь 1995 года - 745 тысяч рублей, то есть рост всего лишь в 3,2 раза. (А долги за декабрь нам “простили”.)

В этих довольно напряжённых экономических условиях пришлось подумать о дополнительных источниках средств. В январе 1994 года моя супруга Тамара стала работать техником-метеорологом на нашей станции в Огурцово, поскольку прежняя фирма, ООО “Карболит”, где она работала мастером, окончательно обанкротилась. На станции она проработала недолго, менее года. Ей было уже трудно (в пенсионном возрасте) ходить на маршрутные снегосъёмки (при температуре минус 30°C и ниже); как-то она даже упала во время ночной смены, попала в травмпункт. В конце года я договорился с начальником Новосибирского РВЦ И.В. Колотовкиным, и Тамару перевели на работу в филиал РВЦ – МСС, где её обязали заниматься перфорацией данных и метеонаблюдений некоторых станций. В эти годы (1994-95) я активизировал работу над подготовкой публикаций о стихийных

гидрометеявлениях, аномалиях погоды, проблемах Гидрометслужбы. Стал предлагать статьи на эти темы в областную газету “Советская Сибирь”. Через ответственного секретаря редакции В.А. Петрова познакомился с главным редактором газеты и уже известным писателем Р. Нотманом. (о некоторых опубликованных материалах я упомянул ранее.) Не так уж часты были рекорды погоды, а потому статьи – не чаще одного раза в месяц; получалось не более 10-20 тысяч рублей.

Чтобы как-то ещё пополнять “продовольственную корзину”, наша семья присоединилась к довольно большой группе сотрудников УГМС, которая 4 года, начиная с 1994, выезжала весной в район села Козиха Ордынского района на посадку картофеля (под плуг). Похоже, почва в том районе была плодородной, и мы осенью с двух соток собирали, как правило, более 100 ведер картошки. Этого хватало не только на пропитание семьи, которая временами, с приездом к нам тёщи (мамы Тамары), увеличивалась, но и на продажу. Часть урожая мы продавали сразу после уборки, часть в марте-апреле. Бывало, я на санках подвозил мешок к микрорынку, недалеко от нашего дома, а Тамара довольно быстро распродала ведрами картошку желающим. Большим подспорьем для нас оставалась дача. С весны и до поздней осени не прекращались дачно-огородные хлопоты: выращивание рассады, посадка, полив, прополка, уборка урожая, заготовка ягод и овощей на зиму. Неутомимая Тамара продолжала весной покупать цыплят. Мы их вывозили на дачу, а осенью оставшихся в живых кур поселяли дома, на лоджии. Куриная “ферма” не давала нам времени расслабиться: оборудование насеста, покупка кормового зерна, сбор яиц... Ко всему я однажды получил травму на “полевых работах”. 1 октября (95-го), собирая облепиху и пытаясь подняться по лестнице повыше, я не

удержался и упал вместе с ней. Повредил бровь и шею. Тома, запричитав и заохав, оказала мне первую помощь. На рентгеновском снимке в травмопункте у меня обнаружили ушиб шейного отдела позвоночника: наложили повязку и дали бюллетень о нетрудоспособности до 10 октября. Но кому-то надо было перевозить в овощехранилище с дачи мешки с картошкой, капустой, луком!

И всё же, не хлебом единым жив человек... В описываемые мной два года я увлёкся ещё одним видом духовной работы. Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовалось обострением межнациональных противоречий, кровавыми конфликтами на Кавказе, в Средней Азии, ростом межнациональной напряжённости в самой России. Как и чем могли этому противостоять мыслящие, интеллигентные люди? В одном журнале я нашёл высказывание известного мордовского писателя Камиля Тангалычева: “Политики часто разъединяют земли. Поэзия их всегда собирает”. Здорово сказано! Но ведь тоже самое можно сказать и о музыке, музыкальной культуре. Ближе всего к моей душе была не современная “попса”, а татарская классическая музыка советского периода, точнее, 20-80-х годов XX века, когда был заложен фундамент современной музыкальной культуры татарского народа. Самым любимым композитором татар, конечно, был гениальный Салих Сайдашев – наш “татарский Глинка”, создатель жанра татарской музыкальной драмы, проникновенных лирических и патриотических песен, обогативший пентатонику, музыкальный лад татарских песен, другими нотами музыкального лада. У меня была неплохая фонотека – грампластинки с записями произведений Сайдашева – и несколько книг, брошюр о жизни великого соотечественника. А далее стали появляться какие-то навязчивые мысли. Даже во время работы на даче, во время лыжных прогулок вдруг в голове

выстраивались целые фразы, рассуждения, мысли, эмоции о творчестве Сайдашева, музыкальных произведениях, написанных им песнях, ариях, инструментальных сочинениях. Понял – пора писать! В феврале 1994 года около двух недель болел гриппом; за это время написал на русском языке первую версию беседы о Сайдашеве. Кстати, поэтизированный перевод нескольких его песен написал наш сын Артур.

Первые музыкальные беседы на эту тему прошли для узкого круга любителей музыки на квартирах моих коллег по работе и друзей: В.Н. Барахтина и его музыкальной семьи, ветерана Службы И.П. Фадеевой, с участием И.А. Шевчук и В.М. Ярковой, а также молодёжи. Слушателей было не более 8-10 человек, но воспринимали мой рассказ о драматичной жизни композитора и его прекрасную музыку с интересом - задавали вопросы, спорили; Некоторые произведения были приняты с особенной теплотой и даже восторгом: арии Батыржана и Гульюзум из музыкальной драмы “Наёмщик”, “Марш Советской Армии”, “Восточный танец”. Восхищались мощным драматическим тенором Хайдара Бигичева, проникновенным голосом лирического сопрано Наджи Теркуловой. После прослушивания записи виртуозного исполнения Теркуловой романса казахско-татарского композитора Латыфа Хамиди “Былбыл” (“Соловей”) Шевчук с задором воскликнула: “Пусть попробуют также спеть те безголосые, которые сейчас оккупировали эстраду!” А всеобщий любимец Управления Володя Бурыхин, прощаясь, сказал мне: “Спасибо за подвижничество!” Запомнилось общение с преподавателями лицея, молодыми коллегами Артура - удивительно умные и красивые лица! - на одной из квартирных встреч. Я в тот вечер для иллюстрации исконно татарского мелоса (пентатоника плюс мелизматика) поставил запись песни “Зөлхижжэ” в исполнении З.

Ахтямовой (последняя жена моего отца). И тогда слушателям стали более понятны те музыкальные достижения, к которым пришёл Сайдашев, овладев приёмами европейской и российской школы композиции.

А ещё были литературно-музыкальные беседы о жизни и творчестве С. Сайдашева в профсоюзном кабинете (ОПК) и библиотеке УГМС, которой в 1994 году заведовала Тамара Зацепина; её помощницей была 12-летняя дочка, беленькая, прелестная и очень серьёзная. Слушатели - мои коллеги, о которых я уже упоминал: В.Г. Липчанский, Л.А. Мельникова, Л.Н. Куликовская, И.О. Лучицкая и другие. Кто-то из них сказал про музыку Сайдашева, что “она чистая и наивная, как слеза ребёнка”.

В начале декабря 1994 года после московского совещания я несколько дней гостил у отца в Казани. Зашёл на кафедру метеорологии Казанского университета, пообщался с Ю.П. Переведенцевым и его коллегами, которые подарили мне книгу об истории университета с шутливой надписью: “Ермаку Ягудину”. Рискнул зайти в Казанскую консерваторию; проректор и заведующая библиотекой тепло приветствовали мою просветительскую тягу в сфере татарской музыкальной культуры, одарили меня литературой по данной тематике. Около четырёх часов провёл в читальном зале консерватории. Тогда я стал интересоваться творчеством другого гения татарской музыкальной культуры – композитора Джаудата Файзи (“нашего татарского И. Кальмана”), попросил для чтения какие-либо публикации о нём. Мне дали на просмотр дипломную работу какой-то студентки Казанской консерватории 1951 года о творчестве Д. Файзи. Пожелтевшие от времени страницы машинописного текста; повеяло каким-то суровым холодным ветром той эпохи от цитат вождей литературы и страны - А.М. Горького, А.А. Жданова, И.В. Сталина – о методе социалистического

реализма в литературе и искусстве. Поразили критические стрелы “борзописцев” в адрес Файзи и его коллег. А ведь он – автор шедевра татарской музыкальной комедии “Башмагым” (“Башмачки”), весёлой, оптимистической, насыщенной прекрасной музыкальной фактурой пьесы, созданной композитором в содружестве с выдающимся татарским драматургом Т. Гиззатом в тяжелейшем для страны 1942 году. И вот его критики 40-50-х годов обвиняли, разбирая созданные им новые музыкальные шедевры, оперетты “Акчарлаклар” (“Чайки”) и “Алтын көз” (“Золотая осень”) – в чём бы вы думали? – в показе “недостатков, нетипичных для советских людей” (?!). Удивлялся, смеялся, негодовал...

Из консерватории направился в музей-квартиру моего любимого Салиха Сайдашева. Попал туда в то время, когда сотрудница музея Ханина проводила экскурсию о жизни и творчестве композитора для небольшой группы молодёжи. Поразился, с какой любовью, я бы сказал, неистовой и фанатичной, она рассказывала о музыке Сайдашева. Нашёл возможность представиться, рассказать о себе, родителях-артистах, своей интерпретации творчества Сайдашева. В разгар беседы подошли родственница композитора Д.З. Саинова-Ахмерова (главный инициатор создания музея) и знаменитая певица Н. Теркулова. Я выразил восхищение голосом Наджи-ханум, блестящим её исполнением арий и песен Сайдашева, других татарских композиторов, назвал её “нашей татарской Аллой Соленковой”. Похоже, сказанное мною её взволновало; прощаясь, она заметила: “Такое мне говорил только великий Рустем Яхин.”

По возвращении в Новосибирск, уже в январе 1995 года, я перевёл свою лекцию-беседу о С. Сайдашеве на татарский язык, в расчёте на выступление в татарской аудитории. В феврале я встретился с директором

Татарского Культурного Центра (ТКЦ) при администрации Новосибирской области Х.З. Касимовым. Кабинет ТКЦ находился в здании облисполкома на Красном проспекте. Я рассказал Хафизу Закировичу, кем работаю, откуда родом, о своих родителях, предложил провести для татарской общественности музыкальный лекторий о творчестве композитора С. Сайдашева, обосновал (как мог) мотивы своего предложения. Мы договорились о том, что моё выступление состоится в Доме Актёра (на ул. Серебренниковской) в начале марта. Известие об этом как-то быстро разнеслось по городу: мне стали звонить татары из разных районов. Из Академгородка вышел на связь профессор Э.Х. Гимади: расспрашивал о деталях будущей лекции. Вдруг позвонил журналист из Казани, интересовался жизнью сибирских татар, лекцией о Сайдашеве. Узнав, что я сын известного артиста А. Ягудина, сказал: “Әтиегезне беләм” (“Вашего отца знаю”).

Датой проведения лекции было назначено 4 марта. 2 марта все теле- и радиоканалы “взорвались” известием об убийстве накануне вечером молодого и чрезвычайно популярного журналиста телестудии “Останкино” Влада Листьева. 3 марта Президент РФ Б.Н. Ельцин явился в Останкино с выражением беспредельной скорби на лице; заявил, что он отправил в отставку прокурора Москвы и министра внутренних дел. Говорил о том, что такие преступления следует расследовать оперативно, а виновных наказывать беспощадно, как это, например, делают в Китае или Средней Азии. (Насколько мне известно, убийцы В. Листьева до сих пор не найдены.) Возникла невольная аналогия с убийством С.М. Кирова 60 лет назад. Приходило в голову, что, может, не стоит в дни траура проводить массовые культурно-национальные мероприятия.

Но всё же беседа-лекция о Сайдашеве в Новосибирском Доме Актёра в назначенный срок

состоялась. Довольно просторный зал Дома постепенно наполнялся народом. Для создания музыкального настроения у публики мы с моим помощником Р. Камалетдиновым завели увертюру Сайдашева к музыкальной драме “Наёмщик” (бодрая, энергичная, красивая музыка). Зал наполнился публикой примерно на 70%. Открыл встречу Х.Ф. Касимов: говорил о планах работы ТКЦ, необходимости единения татарской общественности на базе “Триады” (национальность – религия – культура). Предоставил слово мне.

Иногда я задаю себе вопрос, какова была цель моих бесед, а точнее литературно-музыкальных композиций о С. Сайдашеве и других корифеях татарской музыкальной культуры? Наверное, я хотел показать её красоту, гармонию и величие. Обращал внимание на духовность, особую прелесть татарской лирической мелодичности, которая коротко называется моң (особенная задушевность музыкального лада). Затем, хотел наглядно представить связь татарской классической музыки с музыкальной культурой русской и европейской музыки. В этом аспекте слушателям было интересно узнать, что Сайдашев и ряд других музыкальных лидеров Татарстана проходили учёбу в Татарской оперной студии при Московской консерватории в 1934-38 годах. В конечном счёте, из хода наших встреч следовало убеждение об интернациональности музыкальной культуры и объективной необходимости дружбы народов. Конечно, я не мог обойти вниманием драматические моменты личной жизни Сайдашева, других корифеев музыки и театра. Когда я упомянул о безответной любви юного музыканта к дочери богатого купца и о их случайной, но драматичной встрече через много лет, когда Сайдашев был уже известным композитором, в зале раздался шёпот – “мескеннәр!” (бедные!). Также чутко реагировала публика на упоминание

о переживаниях Сайдашева в связи с арестом и гибелью его друга, крупного татарского режиссёра, драматурга и актёра К. Тинчурина в 1937 году, обвинённого как “врага народа”. Конечно, для того, чтобы всё перечисленное донести слушателям, надо было уметь сопереживать тем, о ком ведётся рассказ. Это не только интеллектуальная работа, но и значительная работа для души. (Кажется, я слишком ей поддался: временами был, что называется, на грани, к горлу подступал комок, боялся зарыдать...) Но, кажется, потому в зале не было равнодушных.

Раздались аплодисменты, прозвучали тёплые речи. Касимов сказал: “Хороший, полезный рассказ. Мы, татары, должны знать своих гениев!” Одна дама из публики (в годах) воскликнула: “Ах, Ренад, вы заставили вспомнить нашу молодость!” Там же выступил профессор Т.С. Юсупов, моложавый, энергичный. Комментируя моё выступление, он признался, что за пять лет до меня он в Академгородке уже проводил лекции о творчестве Салиха Сайдашева, и некоторые мои сюжеты перекликаются с его рассказами. Это было здорово – нашелся в Новосибирске мой единомышленник и фанатик татарской музыкальной культуры! Мы обменялись с ним визитками, адресами, телефонами.

“Сайдашевскую” эпопею 95-го года я хочу завершить забавным эпизодом, который произошёл во время Татарского Сабантуя 24 июня. С утра шёл непрерывный сильный дождь, никаких просветов в облаках, ни малейшего шанса на улучшение погоды. А Касимов попросил утром привезти грампластинку с записью произведений С. Сайдашева. Я занёс пластинку в радиорубку Центрального парка, где должен был состояться Сабантуй. Зазвучали мощные, страстные аккорды “Марша Советской Армии”. Смотрю, после нескольких тактов дождь затих, прекратился. Выглянуло

солнце. Чем не эффект Кашпировского? На эстраде парка выступали коллективы татарской самодеятельности из Чановского, Убинского, Новосибирского районов, но звездой праздника была лауреат областного фестиваля народных талантов Тагира Гинатуллина, молодая обаятельная женщина, с приятным и сильным голосом, уверенными движениями на сцене эстрадной звезды. Удивили дети: 10-летняя девочка с тонким, чистым голосом, 6-летний мальчик-танцор с забавно серьезным лицом.

А в марте я начал готовить лекцию (композицию) о жизни и творчестве другого корифея татарской музыки Д. Файзи. Время для работы появилось в связи с прохождением амбулаторного лечения в МНТК “Микрохирургия глаза” (и больничного бюллетеня на две недели!). При анализе печатных материалов и фонотеки с музыкальными записями удивляло, как ярко, красиво и мелодично писали музыку, песни, арии советские композиторы 30-40-50-х годов (Дунаевский, Блантер, Богословский...), а с ними вместе и татарские (Сайдашев, Файзи...). До того красиво и “моңлы”, что ария Рамзии из оперетты Файзи “Алтын кез” в проникновенном исполнении Народной артистки РТ Зили Сунгатуллиной неизменно вызывает слёзы.

Первые две лекции для очень малого круга слушателей (не более 7 человек) прошли на квартире И.П. Фадеевой. Они длились 1,5-2 часа с рассказом, проигрыванием грампластинок, пением своим голосом. Особая сложность была в исполнении арий из оперетты Файзи “Башмагым”: поскольку в моей фонотеке этих записей не было, все арии, мужские и женские, мне пришлось показать своим голосом. Как ни странно, несмотря на мою эмоциональность и волнение премьеры беседы прошла удачно.

А в начале мая в Академгородке на квартире профессора Т.С. Юсупова состоялась моя очень долгая, трёхчасовая, беседа о творчестве Файзи в кругу большой интеллектуальной аудитории учёных-татар Академгородка - докторов наук Э.Х. Гимади, М.С. Хайретдинова, А.И. Хисамутдинова и других. Помимо жизни композитора я рассказывал о певцах, певицах, выступавших в 40-е годы с произведениями Файзи: теноре Ф. Насреддинове, блистательной певице (сопрано) Ш. Кутдусовой, музыкантах тех лет. Поделился воспоминаниями о встречах с ними в мои детские годы. Беседа прерывалась на чаепитие, дискуссии, вопросы. Выступавшие отметили, что мне в беседе удалось не только рассказать о ярком композиторе, но и “выхватить целый пласт культуры Татарстана тех лет, в том числе глазами ребёнка”. Кстати, выступавшие рекомендовали непременно сохранять в беседах интересные детали рассказа, которые дают представление о колорите, интересном, временами жутком, той эпохи.

Перечитал ещё раз написанное: глава начиналась с драмы, а завершилась “мелодрамой”. Оказывается, и так в жизни бывает...

Фотографии к Главе 15

А.И. Токарев

М.В. Виноградова

Г.И. Гращенко

Н.И. Дубоносова

Л.С. Минаева

Х.З. Касимов

Э.Х. Гимади

Т.Г. Гинатуллина

Т.С. Юсупов

Глава 16. 1996 – 1997 годы: Гидрометслужба “на дне”. Природные катаклизмы. Юбилей и утраты. Акции протеста. СМИ и научная жизнь. О татарской музыке.

В зимние месяцы 1996 года финансовое положение Гидрометслужбы продолжало ухудшаться. Начальник Западно-Сибирского УГМС В.И. Зиненко привёз из Москвы неутешительные новости: нашему управлению выделили только 55% от требуемого фонда заработной платы за январь, а возврат долгов по зарплате за ноябрь и декабрь 1995 года под большим вопросом. На мой вопрос руководству, как Росгидромет собирается выполнять недавний указ Президента России о погашении задолженности по заработной плате работникам бюджетной сферы, ответа не последовало, а заместитель начальника УГМС Р.Я. Гесс откровенно стал гримасничать, что вызвало смех у присутствовавших на планёрке.

Моё сообщение о случившемся для руководящего состава Новосибирского Гидрометцентра вызвало взрыв возмущения. На заседании объединённого комитета профсоюзов ЗСУГМС во главе с лидером ОКП Л.С. Минаевой вновь обсуждались меры по борьбе с задержками выплаты заработной платы, включая возможность проведения забастовки, подготовки писем руководству Росгидромета и страны об ухудшении социального положения работников Службы. Прозвучало предложение, чтобы каждый сотрудник УГМС направил заявление в суд на работодателя с жалобой на задержку зарплаты. (Не помню, чтобы эта идея была когда-нибудь реализована.) Было решено составлять списки остро нуждающихся в денежной помощи по подразделениям; таким сотрудникам довольно оперативно оказывали материальную помощь. Так, мы с профоргом ГМЦ Т.А. Бахолдиной 25 января

составили первый список нуждающихся (27 человек), а через пять дней они получили денежную поддержку. Затем был составлен второй список, третий... Конечно, этого было мало, да и выглядело это как какая-то подачка, в общем-то.

Зимнее бедствие в финансах совпало с мощными волнами арктического холода на юге Западной Сибири в январе и феврале 96-го года: морозы в Новосибирской области в отдельные периоды усиливались до минус 40...47°C, в Томской области – до 50°C и ниже. Но эта стужа не помешала в начале января отделу агрометеорологии (во главе с Г.М. Гращенковой) радостно отметить новоселье в комнате 210 (на втором этаже главного здания УГМС). Комната была просторная, хотя и холодноватая, не хватало мебели. Повеселиться вместе со счастливыми новосёлами пришли агропрогнозисты ГМЦ и агрометеорологи СибНИГМИ. Начальство тоже не осталось в стороне - заместитель начальника Управления В.Г. Рубекин поздравил от руководства УГМС агрометеорологов и присоединился к общему веселью.

Новосибирское телевидение направило к нам группу молодых журналистов, с которыми я побеседовал о том, как мы реагируем на мороз. Посчитал нужным сказать, что, хотя Служба работает и предупреждает о сильных морозах органы власти, предприятия ТЭК, население, есть проблемы с зарплатой. А для борьбы с холодом в помещениях используем калориферы, валенки, тёплую одежду, а иногда, очень редко, спиртное.

Удивительно, но в эти холодные месяцы прошло несколько учений подразделений Гражданской обороны Новосибирской области. В одном из них, 8 февраля, я принял участие, для чего выехал в полк ГО, стоявший около райцентра Коченёво. Вводное задание на учение было – “Западные и восточные напали на СНГ, объявлена

мобилизация и эвакуация. Ваши действия?” Думаю, что эта вводная была вызвана очередным обострением ситуации на Кавказе: 9 января отряд чеченских боевиков под командой Салмана Радиева ворвался в Кизляр и захватил больницу. Пациенты стали заложниками. На следующий день боевики с заложниками ушли к станице Первомайское, где были блокированы. До 20 января шли бои с участием российского спецназа (“Альфа”, “Витязь”). Погибло много бойцов и заложников, а Радиев с частью банды всё же прорвался в Чечню. На коченёвских учениях я написал распоряжение по действиям (условным) оперативной группы УГМС, передал начальнику штаба ГО. Тот одобрил, пожал мне и другим участникам учений руки.

Другое учение ГО состоялось при фантастических вводных – “Ураган 40 м/с при морозе 40°C” (!). На этот раз на учение выезжала ведущий синоптик ГМЦ И.А. Мартынова. Возвратившись, она рассказывала, что растерянность штабистов ГО она компенсировала своей фантазией и интеллектом. Восхищённый её находчивостью, начальник ГО области генерал М.Н. Романенко воскликнул: “Молодец!”

Кавказские события сопровождалась очередной чехардой в составе правительства России: были отправлены в отставку С.М. Шахрай и министр иностранных дел А.В. Козырев, отдававший приоритет во внешней политике странам Запада, да и вообще бывший “слепой тенью” Президента РФ. Новым “наркоминделом” стал Е.М. Примаков, 66-летний учёный, академик, крупный политик. Заодно был отправлен в отставку Анатолий Чубайс, один из идеологов экономического беспредела в стране. Стал меняться вектор политических решений; через месяц Государственная Дума приняла решение о денонсации Беловежских соглашений 1991 года. (Надо же, как “своевременно” – через 5 лет!) На эти решения

откликнулись национальные лидеры ряда стран СНГ. Глава Украины Л.Д. Кучма обвинил руководство России в неоимпериализме.

Зато всё ярче светила звезда другого политического “тяжеловеса” – лидера Татарии М.Ш. Шаймиева, который в начале апреля 1996 года был переизбран Президентом Республики Татарстан. На “коронацию” и торжества по её поводу в Казань прибыли не менее серьёзные люди: В.С. Черномырдин, Н.А. Назарбаев, Э.Э. Россель... Звучали предложения использовать авторитетного Президента РТ как посредника в трудных переговорах с воюющей Чечнёй. В конце апреля в результате ракетной атаки был убит Президент Чеченской Республики Ичкерия Д. Дудаев. И.о. Президента стал З.А. Яндарбиев, бывший до этого вице-президента. Но бои в разных районах Чечни, в том числе, около границы с Грузией, продолжались с прежним ожесточением. В СМИ просочилось сообщение о смерти одного из главарей боевиков - С. Радиева. Как оказалось, слух этот был ложным.

Разгорался социальный конфликт в Гидрометслужбе.. В начале апреля 1996 года поступило обращение коллектива Приморского Гидромета с призывом ко всем работникам Росгидромета к забастовке в знак протеста против бесконечных откладываний индексирования заработной платы и длительных задержек по её выплате. В обращении напоминалось, что индексация в 1,34 раза должна была состояться ещё в ноябре 1995 года. Прошедшая 4 апреля профсоюзная конференция коллектива ЗСУГМС постановила объявить предзабастовочный период, создать примирительную комиссию по выработке требований к правительству. (Меня включили в состав этой комиссии.) На встрече комиссии с руководством Управления было принято решение просить администрацию Новосибирской области быть

посредником в переговорах с правительством РФ по нерешённым экономическим вопросам.

Увы! Обращения в Правительство нашего Управления и других УГМС (через посредников или без оных) ни к чему хорошему не привели. В конце мая В.И. Зиненко на планёрке руксостава зачитал ответ Минфина с отказом в индексации заработной платы “в связи с отсутствием источников финансирования” (?!). Такой ответ, конечно, вызвал взрыв возмущения в коллективе, и лидеры нашего профсоюза (Л.С. Минаева, Г.П. Торубарова и др.) направили очередное письмо с протестом на имя Президента и главы Правительства РФ. Вспоминали, что ещё в феврале этого года, когда началась борьба за президентское кресло, Б.Н. Ельцин, выступая в Екатеринбурге, торжественно обещал: “С марта всем будет зарплата, а тысяча двести высших лиц сядут за коррупцию!” Ничего этого не случилось; позднее министр труда Г.Г. Меликьян признался в задолженности населению 65 трлн рублей, из которых 43 трлн – по заработной плате. И ещё одно признание министра - реальные доходы населения за 5 лет упали на 40%. (А что дальше?)

Снова вернулись к мысли о реальной забастовке согласно призыва Приморского УГМС. Профсоюз колебался; снова и снова изучали недавно принятый “Закон о трудовых конфликтах”. Многих работников, особенно руководителей служб, подразделений, отделов Гидрометслужбы, смущала такая фраза Закона: “Представители работодателя не имеют права на забастовку”. (Что это значит?)

В это сумбурное (во всех отношениях) время в скомканном и сокращённом режиме 23 марта прошло празднование Всемирного Метеорологического Дня (ВМД), который тогда проходил под девизом “Метеорология на службе спорта”. Правда, я для написания

соответствующей статьи связывался по телефону с лидерами спортивных организаций Новосибирска и области, интересовался, как они учитывают фактические и прогностические данные о погоде при организации и проведении спортивных состязаний. Кое-какие сведения я получил через нашу библиотеку из литературных источников. Статья эта была опубликована в нашей областной газете “Советская Сибирь”. В конференц-зале Управления с кратким поздравлением коллективу выступил Р.Я. Гесс; я в 5-7-минутной речи рассказал о смысле ВМД, особенностях его проведения в соответствии с принятым девизом праздника. Затем был получасовой концерт детей из музыкальной школы.

В минорной тональности прошла весенняя итоговая сессия Учёного Совета СибНИГМИ. Директор института В.М. Топоров вновь напомнил о недофинансировании гидрометеорологической науки и, в связи с этим, о падении исполнительской дисциплины; сообщил о ликвидации Красноярского филиала института и превращении его в научный отдел Красноярского УГМС. Интересная идея была предложена ведущим сотрудником СибНИГМИ Н.Н. Завалишиным о комплексации ряда методов долгосрочного прогноза погоды за счёт бюджетов регионов, входящих в ассоциацию “Сибирское соглашение”. К сожалению, финансовой поддержки эта идея не получила.

В апреле Москва сообщила об отсутствии денежных средств на оплату оболочек для аэрологического зондирования атмосферы. В нашем управлении было принято решение о переводе аэрологической сети на зондирование не чаще одного раза в сутки. Позднее, в одном из решений коллегии Росгидромета, прозвучала идея о возможности полного прекращения радиозондирования атмосферы в России. (Ну и кого это волнует?!)

С учётом развития “финансовой пропасти” руководство ЗСУГМС приняло решение о временном (на 3 месяца) прекращении выплаты денег исполнителям отдельных договорных работ по СГМО. В Барнауле покончила жизнь самоубийством бывший начальник лаборатории КЗС Соснина, оставив перед смертью записку: “Так жить невозможно!” Как-то был я на приёме у врача, с которым поделился своим подавленным настроением: “До чего же посерела, потускнела жизнь!”

И вновь “глоток надежды” подарило искусство. В апреле в оперном театре Новосибирска состоялся бенефис Заслуженной артистки РФ Т. Ворожцовой, которая выступала с оркестром под управлением А.А. Людмила в вместе с коллегами: тенорами В. Горшковым и Ю. Комовым, меццо-сопрано О. Обуховой, баритоном А. Лебедевым. Бенефицианта была на пике вокальной и физической формы – просто очаровательна! Концерт шёл в трёх отделениях: первое – русская классика (Мусоргский, Римский-Корсаков, Глинка), второе – итальянская (Россини, Верди, Пуччини...), третье – оперетта (Штраус, Легар, Кальман). Пожалуй, последнее отделение было самым эффектным. Солистка и её партнёры творили чудеса и пения, и артистизма (с цирковыми трюками). Звучало бесконечное “браво!”. Артистов буквально завалили цветами. Ворожцову приветствовал губернатор В.П. Муха; свою речь он завершил призывом “не брать пример с Хворостовского, который покинул Красноярск, остаться верной Новосибирску”.

Этой весной в разгаре была избирательная кампания. На пост Президента России баллотировались, кроме Б.Н. Ельцина, лидеры различных партий, групп и движений: Г.А. Зюганов, Г.А. Явлинский, С.Н. Фёдоров, В.В. Жириновский, Ю.П. Власов. Претендовали на этот пост и генерал А.И. Лебедь, и даже потерявший свой авторитет в

нашей стране М.С. Горбачёв. Правда, в прошлогоднем номере газеты “Известия” промелькнуло сообщение о том, что в оперном театре Бонна (Германия) была поставлена опера “Горбачёв”; было сказано, что Михаил Сергеевич на премьеру оперы не приехал. Я мысленно пытался представить арию Лигачёва, стретту Шеварднадзе... (Да, на Западе и в Германии Горбачёв был ещё популярен!) Пробивался в лидеры России некто В.А. Брынцалов, как сообщалось в прессе, новый миллиардер, которого отличала какая-то хаотичная, маниакальная речь и не очень внятная политическая программа. В стране бушевали предвыборные митинги. В Москве на митинге, организованном КПРФ, лидер крайне левых взглядов В.И. Ампилов вопил: “С нами Ленин и Сталин! С нами Стенька Разин! Мы победим!”

Выборы главы государства прошли в два тура, в июне и июле. В первом туре ни один кандидат не набрал большинства голосов избирателей; лидировал Б.Н. Ельцин (35% голосов), за ним шёл Г.А. Зюганов (32%), далее А.И. Лебедь, Г.А. Явлинский, В.В. Жириновский (15%, 7%, 5%). Перед вторым туром Ельцин опять “переставил фигуры” в эшелонах власти: назначил Секретарём Совета Безопасности РФ А.И. Лебеда, отправил в отставку министра обороны П.С. Грачёва, а заодно и вице-премьера О.Н. Сосковца, директора ФСБ М.И. Барсукова и начальника Службы Безопасности Президента А.И. Коржакова. Во втором туре Б.Н. Ельцин “вырвал” победу, набрав 53% голосов избирателей. Как выразился известный журналист и политический обозреватель О.Р. Лацис, значительная часть избирателей голосовала за него “из чувства большей опасности Зюганова” (?!). Геннадий Андреевич набрал 40% голосов. А в Новосибирской области соотношение голосов было иное: Зюганов – 48%, Ельцин – 44%.

9 августа 1996 года состоялась инаугурация Бориса Николаевича на пост Президента России на новый 4-летний срок. На “царствование” его благословил Патриарх Алексей II. Орудийный салют прогремел не только в Москве, но и в Грозном, столице мятежной республики. В августе россияне праздновали ещё одну победу: после годовичного плена лётчики компании “Аэростан” (из Казани) совершили дерзкий побег из аэропорта города Кандагар (Афганистан) на своём же самолёте Ил-76 - обезоружили охрану и улетели в Арабские Эмираты.

А сибирская природа “салютовала” избирательной кампании частыми волнами штормовой погоды и весной, и летом. Особенно яркими были апрельский и майские СГЯ. Так 26 апреля мы штормили об усилении ветра до 25-30 м/с, осадках в виде дождя, переходящего в снег, похолодании на ближайшие три дня. Фактически - максимальные порывы превысили 30 м/с, снегопады сопровождалась метелью, а к концу месяца похолодало до минус 5...10°С. 20 и 24 мая штормили о ненастной погоде с осадками в виде дождя и снега, порывистом ветре от 17-22 м/с до 25м/с, резком похолодании до заморозков, которые удержались до конца мая. Апрельские шторма были прекрасной иллюстрацией к моему докладу 29 апреля на конференции сотрудников РЦ ГО и ЧС Новосибирской области. В этот день мы с моим коллегой О.А. Воробьёвой, начальником отдела МОС, выступали перед “гэошниками” с информацией об эффективности гидрометеорологической и экологической Службы.

Не было спокойствия синоптикам и в летнюю пору. (Невольно вспоминалось, как Алла Борисовна пела о желании, “чтобы лето не кончалось”.) Частыми были дни с грозами, ливнями, шквалами, градобитиями, которые развивались под влиянием конвективной неустойчивости в циклонических полях. Чаще мы такие ситуации

предсказывали, но некоторые из них, локального характера – в пределах одного-двух административных районов, оказались не предсказанными. Приведу несколько примеров. 27 июня в трёх хозяйствах Краснозёрского района Новосибирской области шквалистым ветром были повреждены линии электропередач, разрушены кровли животноводческих помещений. 7 июля в Купинском и Баганском районах области сильным дождём, градом, шквалом уничтожены (полностью или частично) посевы сельхозкультур на площади 6 тысяч гектар, садово-огородные участки местных жителей. 11 июля в посёлке Асино Томской области наблюдался шквал силой (по шкале Бофорта) более 30 м/с; ущерб превысил 1 млрд рублей – разрушены опоры ЛЭП, кровли, насосы водозабора. К сожалению, и тогда, да и в этом веке редкая сеть метеонаблюдений, отсутствие современных радиолокационных и других надёжных технических средств не позволяет своевременно обнаруживать такого рода явления локального характера и оперативно информировать о них население. (Я уж не говорю - об их прогнозировании.)

В июле случилось ещё несколько событий, которые вывели меня из равновесия. В середине месяца по предложению А.Н. Гритчина, возглавившего Службу средств измерения (ССИ) после отставки и увольнения А.А. Деменева (в ноябре 1995 года), группу аэрологии из состава Новосибирского Гидрометцентра перевели в ССИ. А через 10 дней руководитель группы инспекторов (ГКН) отдела метеорологии ГМЦ В.В. Ворожцов направил руководству Управления докладную с предложением о переводе группы тоже в состав ССИ. Меня буквально взорвало, когда В.И. Зиненко написал на докладной резолюцию о согласии, даже не поставив меня в известность о своём решении и не переговорив со мной. Наша команда (А.Г. Каминский, З.Н.

Рассолова и я) срочно написала резкое письмо – протест против этого проекта. Смысл нашего “фе” был таков: “Хватит заниматься медленной ампутацией Гидрометцентра по частям! Если такой Центр не нужен, лучше убить его сразу”. Далее мы обосновывали, утверждали, что инспектора метеорологической наблюдательной сети должны находиться именно в Гидрометцентре, выполняя в составе отдела метеорологии важнейшие функции методического контроля качества метеорологических наблюдений, включая штормовые оповещения. Наш протест попал к заместителю начальника УГМС Р.Я. Гессу, который согласился с мнением руководства ГМЦ, но рекомендовал усилить контроль за работой ГКН. По мнению Романа Яковлевича, инспектора не дорабатывают процесс инспекции станции. В частности, в случае грубых нарушений порядка производства метеорологических наблюдений не всегда у виновников таких нарушений берутся объяснительные, что задерживает принятие административных решений по итогам инспекции. (На этом инцидент был, кажется, исчерпан.)

В начале августа стало известно о разработке и принятии Правительством РФ федеральной программы развития агропромышленного производства страны до 2000 года. Обсуждали в руководстве ГМЦ с Г.И. Гращенковой и новым начальником отдела агрометпрогнозов Ириной Геннадьевной Ковригиной возможности участия агрометеорологов Западно-Сибирского УГМС в этой программе. (В 1995 году Э.В. Земляная, прежний начальник ОАП, достигла пенсионного возраста и очень долго болела. Хотя во втором полугодии она всё же вышла на работу, но физических и душевных сил “тянуть лямку” у неё уже не оставалось. В начале апреля 1996 года начальником ОАП стала Ковригина; до этого она была ведущим агрометеорологом отдела.) Обсуждая федеральную

программу, мы мысленно представляли развитие и автоматизацию сети агрометеорологических наблюдений, системы прогнозирования урожайности сельхозкультур, новых видов моделей и технологий обработки агрометинформации. Дней через десять обобщили и передали начальнику ОГСН Н.Г. Матюшечкину наши предложения. Но так называемая “федеральная программа” оказалась “пустышкой”, не обеспеченной финансированием.

1 сентября 1996 года исполнилось 60 лет главе Западно-Сибирской Гидрометслужбы Василию Ивановичу Зиненко. Этот юбилей мы отмечали в последний день августа в столовой нашего родного гидрометучилища (ГПТУ-7), единственного в азиатской части нашей страны, выпускающего работников (радиостов-метеорологов) для наблюдательной сети Сибири и Дальнего Востока. Торжество проходило при большом скоплении гостей: представители Росгидромета, администрации Новосибирской области, УГМС Урала и Сибири, руководства СибНИГМИ, ведущие специалисты и руководители ЗСУГМС, ветераны. Первый заместитель губернатора Новосибирской области Ю.А. Нестеров вручил юбиляру орден “Знак Почёта” – очень симпатичный, с голубыми лучами (или мечами). Начальник ТУ Росгидромета А.И. Гусев вручил Василию Ивановичу знак “Почетный работник Гидрометслужбы России”. С приветствиями выступили начальник Красноярского УГМС В.И. Барсуков и директор СибНИГМИ В.М. Топоров. Бесконечная череда приветствий, поздравлений и тостов... Я прочёл поздравительный адрес от Гидрометцентра, включив туда стихотворные вирши, написанные нашими поэтессами Л.А. Мельниковой и Г.П. Торубаровой, и процитировал Наполеона, сказавшего однажды: “Лучше лев во главе стада баранов, чем баран...” Наш знаменитый

“бард” В.Г. Липчанский исполнил своё стихотворное послание юбиляру на мотив известной народной песни про атамана, с которым не приходится тужить. (Как говаривал популярный актёр Е. Леонов – хорошо сидим!) Накануне праздника в газете “Советская Сибирь” появилась статья о жизни и деятельности лидера Западно-Сибирского УГМС,

Как-то почти без перерыва летние локальные шторма перешли в осеннее сибирское ненастье, так что уборка урожая-96 проходила в тяжелейших погодных условиях. В течение почти всего сентября на фоне низких температур (на 1...3°C ниже нормы) шли дожди в Новосибирской, Томской, Кемеровской областях, по северо-востоку Алтайского края. За месяц в сумме выпало до 80-130 мм осадков, что составило от 1,5 до 3-х месячных норм. Особенно сильный обложной дождь прошёл в Новосибирске 15 сентября: за сутки выпало 47 мм, при месячной норме для Огурцово 44 мм. Наблюдалась высокая влажность посевов, прорастание зерна на корню, полеглость хлебов. Большие потери урожая происходили из-за осыпания зерна при дождливой и ветреной погоде. Сложившиеся агрометусловия напоминали недоброй памяти 1987, 1992-93 годы. Нет, никогда бы не согласились синоптики и труженики села с Эльдаром Рязановым, что “у природы нет плохой погоды, каждая погода - благодать”.

Не радовали расторопностью службы ЖКХ. Уже в начале третьей декады сентября температура воздуха в Новосибирске упала ниже критической, но главный инженер “Новосибэнерго” Яковлев заявил, что ввиду экономических и технических проблем тепло в жилые кварталы и учреждения города энергетики смогут дать не ранее первой декады октября. (Пришлось ходить в квартире в свитере и валенках.)

Творческий подход в борьбе со стихией проявил губернатор Кемеровской области М.Б. Кислюк, который

уговорил местного священника выйти на поля и умолять всевышнего рассеять облака и прекратить ненастье. Но эти мольбы, кажется, произвели противоположный эффект. 1-2 октября на поля Новосибирской области и соседних регионов обрушились мощные заряды дождя и снега. К утру 2 октября в ряде районов образовался временный снежный покров высотой до 10-24 см, который держался ещё 3-4 дня. Отмечу, что за почти 100-летний период наблюдений было всего 2-4 случая формирования снежного покрова такой мощности в начале октября. Обильные осадки сопровождались усилением ветра до 20-26 м/с, а по Алтаю до силы урагана (30-34 м/с). Конечно, стихия нанесла ущерб сибирским регионам: были повреждены ЛЭП, крыши домов, нарушено автотранспортное сообщение, нескошенные хлеба прибиты к земле. Виновником СГЯ был южный циклон, который образовался накануне в районе Аральского моря и с большой скоростью (до 70 км/ч), энергично углубляясь, помчался к границам Новосибирской области. В момент максимального развития глубина циклона достигала 985гПа. Далее, вихрь прошёл в направлении Карасук – Колывань – Томск, обрушивая на окружающую территорию заряды снега.

К чести синоптиков Новосибирского ГМЦ и их коллег из региональных ЦГМС описанные СГЯ были предсказаны с достаточной заблаговременностью (за 36 часов). После 5 октября на юго-востоке Западной Сибири установилась тёплая и сухая погода, благоприятная для уборки урожая. Однако, к концу первой недели октября по Новосибирской области было обмолочено чуть более половины площади всех зерновых. И несмотря на более частые, чем в сентябре, периоды погожей погоды селянам в октябре не удалось собрать урожай полностью и на всей площади.

А уборка урожая в непогоду отразилась на здоровье моего заместителя А.Г. Каминского. После копки картошки у села Козиха, да ещё и участия в погрузке-разгрузке, у него обострилась язвенная болезнь. Александра Григорьевича увезли из дома на “скорой”, сделали операцию (кажется, удачную). Хорошо ещё, что руководство УГМС проявило к нему сочувствие. По распоряжению Р.Я. Гесса ему выплатили зарплату за август, которую получила его супруга Людмила Егоровна. 2 месяца отсутствовал Каминский на работе (вот несчастье!). Только 18 ноября снова “встал в строй”.

Осенью стало известно, что при правительстве РФ создан некий орган с грозной аббревиатурой ВЧК – временная чрезвычайная комиссия по зарплате и налогам во главе с А.Б. Чубайсом и В.С. Черномырдиным. Экран телевизора демонстрировал работу комиссии: все жутко озабочены, дают поручения друг другу... (Просто занимательно!) На одной из планёрок рукосостава ЗСУГМС В.И. Зиненко сообщил о предстоящем на ВЧК слушании А.И. Бедрицкого по проблемам Гидрометслужбы России. Вскоре из Москвы к нам пришёл запрос о качестве гидрометобеспечения потребителей в связи с сокращением наблюдательной сети, в частности – аэрологической, и наших предложениях. 27 сентября, с учётом поступивших от прогностических органов ЗСУГМС (ЦГМС, АМСГ, ГМО) материалов, я подготовил внушительный (на несколько страниц) ответ руководству Росгидромета. В ответной телеграмме говорилось о том, что “кризис Гидрометслужбы, сокращение наблюдательной сети, развал системы аэрологического зондирования в России и странах СНГ вызвали увеличение трудностей составления метеопрогнозов, а в ряде случаев – падение качества обслуживания потребителей вследствие сокращения информационной базы прогнозирования”. Приводились

конкретные примеры существенных ошибок, допущенных в численных прогнозах мировых центров ВМО (НМЦ США и ЕЦССП): так, на 20-22 июля 1996 года численные прогнозы H_{500} на 48-96 часов прогнозировали усиление барического гребня в Западной Сибири, в связи с чем синоптики ожидали жаркую, сухую погоду. Фактически юг Сибири находился на периферии циклона с дождливой погодой, с температурой ниже прогнозируемой на 5°C. Успешность прогнозов температуры и ветра по авиатрассам за последние 2 года упала до 50-60%. По сообщению метеослужбы ВВС СибВО отсутствие аэрологических данных по Казахстану снизило точность расчёта места посадки космических аппаратов, в том числе, с космонавтами на борту. Ошибки доходили до 70 км, “что более чем на час задерживает поиск совершивших посадку аппаратов”. Обращалось внимание на то обстоятельство, что “даже при удачном прогнозе СГЯ и РИП потребители в условиях экономического кризиса часто не могут принимать и реализовывать нужные хозяйственные решения”. В заключение рекомендовалось вопросы восстановления аэрологической и других видов наблюдательных сетей решать на федеральном и межгосударственном уровнях.

Не знаю, в какой мере приведённые нами факты были использованы руководством Росгидромета. Но вскоре, на одном из октябрьских совещаний руксостава УГМС, В.И. Зиненко сообщил о том, что А.И. Бедрицкий доложил в оперативном штабе Правительства о проблемах Гидрометслужбы и о данных по его докладу поручениях Минфину. (Стало известно, что Александр Иванович вскоре после этого слёг в больницу.)

Всю осень мы продолжали генерировать какие-то воззвания о помощи Гидрометслужбе “власть предержащим” – SOS! То наш руководитель В.И. Зиненко

срочно проводит сбор предложений от руксостава подразделений Западно-Сибирского УГМС о помощи Гидромету в связи с предполагаемым приездом в Новосибирск министра ГО и ЧС С.К. Шойгу. А уже через день мы с начальником отдела агрометеорологии Г.И. Гращенковой пишем обращение в администрацию Новосибирской области с просьбой о помощи в содержании наблюдательной агрометеорологической сети региона.

В том же октябре состоялось несколько заседаний Технического Совета УГМС и руксостава подразделений Управления по концепции выживания Гидрометслужбы; докладчиками были заместитель начальника Управления Р.Я. Гесс и начальники региональных ЦГМС. Обсуждения переходили в жаркую дискуссию и резкую критику. Аппарат УГМС упрекали в отсутствии полного экономического анализа для понимания глубины финансового кризиса. Поражала слабая работа по сбору и “выбиванию” денежных средств от потребителей за оказание специализированных гидрометуслуг (СГМО). Решили создать комиссию по выработке программы действий, чрезвычайных мер по контролю за поступлением договорных средств. Одна из планёрок руксостава стихийно превратилась в политическую баталию в связи с обращением коллектива Новосибирского ЦМС обеспечить индексацию заработной платы из договорных средств. Поскольку этих средств было явно недостаточно, звучали призывы об отставке и Правительства, и Президента РФ. В ответ руководство УГМС обвинило лидеров и профком ЦМС в политической близорукости и недостатке коммерческой предприимчивости.

Несмотря на финансовые трудности, в конференц-зале Управления провели праздник в честь декады ветеранов – “людей мудрого и элегантного возраста” (как тогда стали говорить). В зале были накрыты столы

примерно для 100 ветеранов Службы с достойными закусками и небольшим количеством спиртного. Было принято решение лицам старше 70 лет выплатить по 30 тысяч рублей, а автобусы развезли ветеранов по домам. В конце октября на отчётно-выборном профсоюзном собрании Новосибирского Гидрометцентра я выступил с предложением представить ветерана ГМЦ и УГМС, ведущего метеоролога отдела Я.А. Гусева к званию “Заслуженный метеоролог России”. Собрание единодушно поддержало это предложение, а новым профоргом ГМЦ была избрана Людмила Ивановна Демидова, сотрудница отдела метеорологии ГМЦ.

В том же месяце по инициативе наших “технарей” - начальника Западно-Сибирского РВЦ И.В. Колотовкина и заместителя начальника ЗСУГМС Р.Г. Рубекина – состоялось региональное совещание по проблеме автоматизации обработки режимной гидрометеорологической информации. В совещании приняли участие представители Омского, Красноярского, Иркутского УГМС и головных НИУ Росгидромета: ГГО, ГГИ, ВНИИГМИ-МЦД, ВНИИСХМ. По существу, в обзорных докладах головных НИУ, обсуждении и дискуссии речь шла о создании специальных автоматизированных рабочих мест (АРМ) для обработки текущей и многолетней гидрологической, метеорологической, агрометеорологической, климатической информации на персональных машинах (ПЭВМ). Хотя и не было полной ясности, готово ли каждое УГМС выполнять такую работу, было принято решение: с 1997 года перейти к децентрализованной обработке режимной информации в каждом УГМС на собственных ПЭВМ. Таким образом, наш РВЦ освобождался от обязанности выполнять такую работу в масштабе всей Сибири.

Хотя предварительные условия по статусу мятежной Чечни были опубликованы ещё в сентябре, но базовый документ – “Хасавюртовское соглашение” - был подписан только в октябре. В нём провозглашался принцип отказа от применения силы, говорилось о выводе из Чечни российских войск, переходном периоде на 5 лет (с отсрочкой вопроса об окончательном политическом статусе республики). Более того, в январе 1997 года состоялись выборы Президента Чечни, которым стал генерал А.А. Масхадов. Во время инаугурации (с пальбой из всех видов оружия) он клялся в верности республике на Коране в присутствии высоких гостей из России: И.П. Рыбкина, который сменил генерала А.И. Лебеда на посту секретаря Совета Безопасности, Э.А. Памфиловой и других. Правда, вооружённые столкновения, захваты заложников не прекращались, и злосчастный боевик С.Б. Радуев даже заявил публично, что покойный Д.М. Дудаев завещал воевать с Россией 50 лет. (Ну и монстр!)

Осенью 1996 года СМИ устроили ажиотаж по поводу ухудшения здоровья Б.Н. Ельцина (ИБС – ишемическая болезнь сердца) и предстоящей операции, которую провели 5 ноября два кардиохирурга: американец Майкл Дебейки и татарин Ренат Акчурин. Но Ельцин успел перед операцией объявить 4 ноября Днём Согласия и Примирения (интересно, с кем и с чем?), тем самым вычеркнув из жизни празднование Дня Великой Октябрьской Социалистической революции (7 и 8 ноября). В интервью журналисту С.Л. Доренко оба врача признались, что шансов на успех операции было 50 на 50, да и сама операция (шунтирование) длилась более 7 часов.

Вряд ли сотрудники Гидрометцентра испытывали сочувствие к больному сердцу Президента РФ; тем более, что Р.Я. Гесс привёз из Москвы известие о том, что фонд заработной платы Росгидромета в 1997 году будет

сокращён на 30%, а планируемой индексации зарплаты в 1,34 раза не предвидится. “Ах, так!” – воскликнули в профсоюзном комитете и предложили сократить продолжительность рабочего времени на те же 30%. В знак протеста против действий правительства наш Гидрометцентр сообщил 4 ноября некоторым СМИ, что завтра прогноза погоды от новосибирских синоптиков они не получат, а некоторые отделы догадались уйти с работы на 1-1,5 часа раньше положенного. Признаюсь, я воспринимал такие поступки как проявление анархии и даже глупости, но не мог им воспрепятствовать.

Снять нервный стресс и раздражение опять помогло “вечное искусство”. В 20-х числах ноября в Новосибирском театре музкомедии состоялась премьера оперетты И. Кальмана “Мистер Икс”. Партию Теодоры исполняла элегантная и голосистая И.А. Шитикова, искромётными импровизациями отличился постоянно бурлящий А.Т. Вискрибенцев, который исполнял характерную роль слуги хозяйки Пеликана. Хорош был в главной роли В.М. Вальвачёв, хотя звук “у” ему явно был неудобен, а потому он пел: “Остал я греться о чужого огня...” В зрительном зале было полно молодёжи школьного возраста; я подумал, как было бы здорово, если бы они восприняли душой хотя бы частицу красоты гениальной музыки и благородства чувств героев пьесы!

Как и в прошлом году, под занавес уходящего 1996 года последний его месяц оставил недобрую о себе память резкими колебаниями погоды и ураганными ветрами. Наиболее яркие природные катаклизмы отмечались в период 19-27 декабря и были вызваны формированием над Казахстаном и югом Сибири мощной высотно-фронтальной зоны, скорость ветра в которой на высоте около 5 км превышала 100 км/ч, что обусловило формирование и выход в районы южной Сибири серии глубоких (970-987

гПа) циклонов. Их перемещение из районов Аральского моря на северо-восток происходило с большой скоростью (70-80 км/ч) и сопровождалось резкими скачками температуры и атмосферного давления. 21 и 26 декабря по Алтаю и юго-востоку Новосибирской области температура повышалась до оттепели: от плюс 1...5°C до 6...11°C. При этом, на многих метеостанциях на 1...2°C был перекрыт многолетний абсолютный максимум третьей декады декабря и месяца в целом. В Новосибирске максимум температуры 26 декабря достиг нулевой отметки, а утром 27-го жители добирались к своим рабочим местам в трескучий 30-градусный мороз. К утру 28 декабря по Новосибирской области похолодало до минус 35...42°C. Люди, страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями, тяжело переживали не только скачки температуры, но и скачки давления. Утром 26 декабря давление в Новосибирске достигало 1021 гПа, через 12 часов оно упало на 30 гПа, а в ночь на 27 декабря вновь подскочило на 23 гПа. Это породило опасные и неблагоприятные явления: порывы ветра в Новосибирской, Кемеровской областях и по Алтайскому краю достигали 25-30 м/с, местами 32-38 м/с, снегопады (по Алтаю с дождями), гололёдные явления, снежные заносы, метели с ухудшением видимости. Всё это парализовало работу транспорта, линий связи, ЛЭП; местами отмечалось отключение отопления ввиду повреждения котельных.

Поистине, можно было снять шляпу перед
прогнозистами-синоптиками
Новосибирского
Гидрометцентра и их коллегами из региональных ЦГМС, которые сумели, несмотря на информационный вакуум наблюдательной сети на всей территории стран СНГ, предсказать с достаточной заблаговременностью (за 24 часа, с последующей коррекцией силы урагана) весь комплекс СГЯ и РИП, что позволило потребителям принять

превентивные меры, которые, к сожалению (и не в первый раз!), из-за кризисного состояния экономики не были достаточными.

Возможно, эти резкие скачки погоды, особенно давления, спровоцировали 27 декабря внезапную смерть В.А. Виноградова, известного учёного СибНИГМИ и практика-гидролога, кандидата географических наук. Ему едва исполнилось 60 лет. Как стало известно, причиной смерти был оторвавшийся тромб. Катастрофа произошла, когда Марина, дочь Виктора Александровича, ненадолго вышла за хлебом, оставив свою годовалую дочь под присмотром бабушки. Когда она вернулась, малышка ползала по неподвижному деду и лепетала: “Деда, деда”. Хоронили его 29-го в сильный мороз на Гусинобродском кладбище. Добрыми словами поминали усопшего и у него дома, и в Управлении. Запомнились речи В.Н. Барахтина, Ю.Н. Изнаирского, В.М. Топорова, И.В. Колотовкина, М.И. Клёмина... Я напомнил, что Виктор Александрович прибыл в Новосибирск в 1963 году (в том же году, что и я), что он не был только кабинетным учёным, но проводил полевые, экспедиционные работы в Горном Алтае и первым изучил грозные гидрологические явления – сели, формирующиеся в этом регионе.

В начале января 1997 года в газете “Советская Сибирь” была опубликована моя статья о декабрьских катаклизмах погоды- “Этот безумный, безумный декабрь”.

И ещё одно памятное событие декабря: в одну из ночей в середине месяца мы с Артуром встречали на вокзале прибывающую из Казани тёшу, Полину Пантелеймонову. Как записано в моём дневнике, она выглядела страшнее германской войны: исхудавшая, сгорбленная, в сломанных очках, с забинтованной рукой. Оказалось, что при посадке в Казани она упала чуть ли не под вагон. С трудом мы её вытащили на перрон и на частной

машине довели до дома. Тамара её перевязала, уложила на диван, с которого она через минуту упала, а подняться без нашей помощи не смогла. На следующий день по её просьбе Тома привела к теще священника, который исповедал её и “приобщил к святым тайнам”. (А было ей уже сильно за восемьдесят.)

В 20-х числах декабря Б.Н. Ельцин вновь стал появляться на телеэкранах и говорить о социальных приоритетах в работе Президента России и Правительства. А в новогодней поздравительной речи в очередной раз обещал выплачивать зарплату и пенсии всем россиянам.

Завершающим, знаковым аккордом в деятельности Гидрометслужбы стало проведение 10-14 декабря 1996 года в Москве международной научной конференции, организованной межгосударственным Советом по гидрометеорологии стран СНГ и Росгидрометом. Тематикой конференции были результаты исследований в области гидрометеорологии и экологии последнего 5-летия (1991-95 годы). В работе конференции помимо учёных и специалистов Росгидромета принимали участие представители гидрометслужб ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Украины, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Азербайджана, Китая...) По поступившим в Новосибирск материалам я написал довольно пространную (не менее газетной полосы) статью о достижениях гидрометеорологической науки. В январе 1997 года она была напечатана газете “Советская Сибирь” в рубрике “Компетентное мнение” под интригующим заголовком “Мы ещё живы...”. В статье я говорил о развитии численных моделей глобальных атмосферных процессов на базе установленного в Гидрометцентре России суперкомпьютера Сгау, внедрении в оперативную практику прогнозистов Урало-Сибирского региона численных прогнозов ряда ОЯ на 5 суток, развитии методов

долгосрочного и сверхдолгосрочного прогноза месячного режима температуры и осадков, в которых заинтересованы гидрометслужбы Сибири и Монголии. Значительное внимание в статье уделялось проблеме потепления климата: подчёркивалось, что 1995 год был самым тёплым для Северного полушария; для территории бывшего СССР на 2°С теплее относительно предшествующего 30-летия и на 3,2°С для Западной Сибири. Обращалось внимание на изменения гидрологического режима и водности рек европейской части России и Западной Сибири под влиянием климатических факторов. Статья завершалась критикой государственной финансовой политики в отношении к Гидрометслужбе; упоминалось, что цены на всё возросли в 1991-96 годах в 3000 раз, а затраты федерального бюджета на Росгидромет только в 240 раз. Далее я писал, что несмотря на критическое состояние наука ещё жива, исследования по большинству приоритетных направлений ведутся на высоком научном и технологическом уровне, а потому поддержка развития науки должна стать приоритетной государственной задачей. (Может стоило в этом месте поставить не точку, а восклицательный знак.)

Но суровая реальность была такова: в последнем квартале года нам вместо заработной платы выдавали ежемесячно материальную помощь в размере 60-70 тысяч рублей, поясняя при этом, что такая помощь не облагается подоходным налогом. Были, правда, приятные и удивительные сюрпризы: однажды зарплату выдали из бюджета Новосибирской области (похоже, это было результатом личных связей В.И. Зиненко с лидерами региона); а 30 декабря, когда на предновогоднюю встречу с руководством УГМС в конференц-зал пришло только 17 не слишком весёлых сотрудников, каждому из них начальник планового отдела выдала на руки премию в размере 100

тысяч рублей. Эмоции не явившихся на встречу, но узнавших о таком новогоднем сюрпризе были самыми разными.

20 января, наступившего 1997 года, на заседании руксостава УГМС В.И. Зиненко огласил указание руководства Росгидромета о сокращении финансирования деятельности нашего управления на 300 млн рублей. Позднее поступила информация о всего лишь 25%-ной финансовой обеспеченности ведомственного (государственного) заказа на текущий год. А потому было дано задание ОПО Управления готовить разнарядку по сокращению штатов в УГМС и его оперативно-производственных структурах (ГМЦ, РВЦ, ЦМС и др.). Поступившая в начале февраля разнарядка предусматривала сокращение по Новосибирскому Гидрометцентру 13 сотрудников (14,7% фзп)). С учётом согласованных с моими заместителями, Л.Н. Староватовой и А.Г. Каминским, приоритетов мы полагали прогностические отделы сократить на 10-15%, а режимно-сетевые на 14-22%. Однако озвученный мной проект (на планёрке руксостава ГМЦ) не получил поддержки ни прогнозистов, ни режимников. Руководители отделов ГМЦ стали сами писать докладные руководству УГМС, приходить на приём к В.И. Зиненко с просьбами “срезать” им задание по сокращению штатов. Василий Иванович считал для себя возможным вносить коррективы в разнарядку, не считаясь с мнением руководства ГМЦ. Это меня страшно нервировало. На одном из заседаний я выразил протест руководству Управления по вопросу вмешательства во внутренние дела Гидрометцентра, предложив ему заниматься принципиальными структурными преобразованиями Службы. Снова накапливались раздражение, усталость, появлялись мысли об отставке с должности руководителя ГМЦ. В разгаре этой

напряжённой работы главный синоптик Л.Н. Староватова по пути с работы упала и сломала руку; два месяца провела на больничном и только перед майскими праздниками вышла на работу. В результате многоходовых переговоров руководства ГМЦ и отделов с В.И. Зиненко итоговое сокращение получилось максимальным у синоптиков и агропрогнозистов (14-20% по ФЗП), на 10-11% сократили отдел метеорологии и климата; “сухими из воды” вышли гидрологи (и прогнозисты, и режимники). По ФЗП Гидрометцентр в целом сократился на 9,7%, что было меньше на 5% первоначального проекта сокращения. Планёрка рукостава ГМЦ это решение восприняла молча, без особого восторга. (Хотя некоторые могли бы торжествовать.)

В эти месяцы шло сокращение спутникового центра (РЦПОД), регионального РВЦ, с лишением последнего статуса самостоятельного юридического лица. Так что руководители этих центров, мои коллеги, тоже ходили с невесёлыми лицами. Сокращались производственные расходы на связь, электроэнергию. По территории Управления более полусотни метеостанций были переведены на подачу информации по коду КН-01 в один-два срока вместо 8. Прорабатывалась идея закрытия ГМБ Горно-Алтайск и ГМО Новокузнецк или их передачи на финансирование в местные бюджеты. Руководство УГМС приняло решение об уменьшении выплат заработанных денег исполнителям СГМО с 31% до 24%, а затем о временном замораживании этих выплат. Вновь было принято решение об одноразовом зондировании атмосферы в сутки на аэрологической сети; были даже подготовлены соответствующие предложения для всей АЭ-сети Росгидромета и за подписью В.И. Зиненко отправлены в Москву.

Газета “Известия” публиковала статьи о том, что “отечественная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды находится у критического порога” под кричащими заголовками: “Жадность правительств – к плохой погоде” или “Погода в стране выходит из-под контроля”. В качестве иллюстрации кризиса приводились такие данные: в России плотность сети метеонаблюдений составляет 1 пункт на 89,4 тыс. кв. километров, в США – 1 пункт на 0,9 тыс. км², в Китае – на 2,6 тыс. км², во Франции – на 3,6 тыс. км². Приводились слова главы Росгидромета А.И. Бедрицкого: “Каждое закрытие гидрометстанции для нас, профессионалов, сердечная боль. Если раньше СССР располагал 7,5 тыс. пунктов слежения за погодой, то сейчас их осталось не более 1600, и сокращение продолжается. Как результат..., наши прогнозы начинают деградировать”. Для большей убедительности приводились аргументы генерального секретаря ВМО Г. Обаси: “Правительствам следует понять, что не нуждающиеся метеорологи сторицей отплатят экономией средств во всех отраслях бизнеса”. По данным прошедшей в 1997 году в Женеве конференции ВМО экономика многих стран благодаря метеослужбам получает доход, превышающий в 5-10 раз бюджеты, выделенные правительством для национальной метеослужбы. Увы, правительство России оставалось глухим этим доводам.

В этой атмосфере тотальной безнадёги, в марте 1997 года, кажется впервые, на радио прозвучала печально-минорная, но с эротическим оттенком песня: “Ты скажи, ты скажи/ Чё те надо, чё те надо/ Может дам, может дам/ Чё ты хошь”. (Ужас, какая тоскливая песня!) И в очередной раз руку духовной помощи протянуло высокое искусство. 17 марта в концертном зале Новосибирской филармонии состоялся концерт солистов оперного театра и филармонии под девизом “Весна идёт!” Молодой лирико-

драматический тенор Фарид Хусаинов тембристо и проникновенно, а местами с экспрессией, исполнил арии Ленского, Германа, романсы Чайковского, арию Джалиля из одноимённой оперы Назиба Жиганова (на татарском языке). Его партнёршей была тоже молодая певица – лирическое сопрано - Дилара Варфоломеева, приехавшая в Новосибирск после окончания Ташкентской консерватории. Голос приятного тембра, сама обаятельна и артистична; исполнила арии Антонины, Снегурочки, а из оперетт Легара и Кальмана – арии Джудиты и Марицы. Затем оба солиста исполнили дуэты Стаси и Эдвины (из оперетты “Сильва”), Теодоры и мистера Икс (“Принцесса цирка”). Блестяще вела концерт конференсье Галия Калиновская, а также читала стихи Мусы Джалиля на русском и татарском языках под музыку татарского композитора Фариды Яруллина. Это было так близко моему страдающему сердцу!

В середине марта мы с А.Г. Каминским подготовили статью, посвящённую Всемирному Метеорологическому Дню (ВМД); в этом году девиз праздника был связан с проблемой предсказания штормов. Статья была опубликована в газете “Советская Сибирь” под интригующим заголовком: “ВМД, не путать с ВДВ”. А 21 марта в малом зале администрации Новосибирской области состоялась пресс-конференция для СМИ, посвящённая ВМД и Дню воды: выступали начальник ЗСУГМС В.И. Зиненко, начальник ВОБВУ С.П. Бавский и главный инженер этого управления Г.И. Зеленский. Кроме Василия Ивановича информацию о предстоящем весеннем половодье и характере ожидаемой весенне-летней погоды комментировали начальник отдела гидрологических прогнозов В.Ф. Богданов и я. Проведённая накануне экспедиция нашей ГПП в горах Алтая вернулась с информацией о громадных снеготопках в этих районах в

связи с многоснежной зимой 96-97 годов. Поэтому мы ожидали бурное развитие половодья в бассейне Оби и повышенный приток воды в Новосибирское водохранилище; не исключали возможность подъёма уровня воды в черте Новосибирска выше опасной отметки и подтопления некоторых районов города. Из дискуссионных эпизодов этой встречи запомнилось выступление одной дамы-общественницы (говорили, что она из партии “Зелёных”), которая обвиняла власти города и представителей ВОБВУ в том, что они дали разрешение на строительство дач в низких участках поймы Оби, а эти участки при высоком половодье периодически затапливаются. Ответы чиновников были весьма неубедительны. Местное телевидение (ТВ “Мир”, программа “Панорама”) оказало внимание Гидрометслужбе; я водил журналистов и операторов к синоптикам ГМЦ, в службы связи (АСПД), РВЦ, РЦПОД, рассказывал о проблемах Гидромета.

А на следующий день после ВМД началась “вивисекция” – процедура сокращения работающих (“живых”) специалистов ГМЦ, достигших пенсионного возраста. При этом, в отделе кадров “настоятельно просили”, чтобы сокращаемые писали заявления на увольнение “по собственному желанию”. (И они такие заявления писали!) Уходила в отставку настоящая “гвардия” специалистов, хотя и перешагнувшая 55-летний рубеж, но вполне способная в силу накопленного опыта приносить ещё большую пользу Гидрометслужбе и стране: Л.И. Мальцева, Р.Н. Молчанова, С.В. Прилепская и другие. Сердце сжималось от сознания невозможности противостоять происходящему.

27 марта многие сотрудники УГМС приняли участие в демонстрации жителей Новосибирска, протестующих против экономической политики властей. Колонна

протестующих шла от Нарымского сквера по Красному проспекту до площади Ленина. Мы присоединились к демонстрации с собственными плакатами и лозунгами – “Ельцина в мавзолей!”, “Зарплату синоптика – министрам!”. На площади прошёл митинг, на котором кроме председателя Новосибирского облсовпрофа В.В. Бабакова выступали представители предприятий промышленности, здравоохранения, просвещения. Выступила с песней артистка ансамбля “Чалдоны”. Были единодушно приняты политические и экономические требования к властям: отставка Президента, Правительства, смена курса реформ. (Наш Гидрометцентр в этот день не передал новосибирским СМИ прогнозы погоды на ближайшие дни.) Вскоре началась забастовка работников новосибирского транспорта (ПАТП-3 и ПАТП-10) с требованием о повышении и своевременной выплате зарплаты. Забастовка длилась 3 месяца и завершилась в начале июля выплатой водителям автобусов зарплаты за ... март (?!). Похоже, Россия вступила в период кульминации социальных конфликтов общественной жизни. В начале апреля в газете “Известия” появилась статья совершенно скандального характера, в которой утверждалось, что современная Россия – это криминальное государство, что чуть ли не 20-30% депутатов Думы – члены групп организованной преступности. Утверждалось, что из 110 млрд долларов международной помощи разворовано 40 млрд. В беседе с журналистом В.В. Познером в телепрограмме “Мы” известный учёный-экономист Н.П. Шмелёв мрачно говорил о состоянии экономики России, уверяя, что это неизбежный этап для страны, поскольку само государство криминальное. Глядя на ни во что не верящие глаза экономиста, мне отчего-то захотелось полистать сборник трудов И.В. Сталина. Как бы в подтверждение утверждений о криминальности нашего

государства в конце апреля прогремели взрывы железнодорожных вокзалов Пятигорска и Армавира. Боевик Радугев нагло (и довольно весело) взял ответственность за эти взрывы на себя. А на ТВ глава МВД А.С. Куликов объявил, что по горячим следам арестованы две женщины-чеченки, и отпечатки пальцев одной из них обнаружены на дистанционном пульте.

Между тем, в Сибирь пришла аномально ранняя и экстремально тёплая весна. Уже март 97-го года оказался теплее нормы на $5...8^{\circ}\text{C}$, в конце месяца температура на Алтае достигала $20...22^{\circ}\text{C}$. В первой декаде апреля натиск весеннего тепла усилился; 7-10 апреля максимальная температура воздуха в Новосибирской области достигала $18...21^{\circ}\text{C}$, а поверхности почвы $20...29^{\circ}\text{C}$ тепла; на $1...3^{\circ}\text{C}$ был перекрыт рекорд абсолютного максимума температуры декады за многолетний (почти 100-летний) период наблюдений. Среднедекадная температура оказалась выше нормы на $6...8^{\circ}\text{C}$. В связи с аномально тёплой и солнечной погодой поля области полностью освободились от снега, а почва к концу декады оттаяла на глубину 10-40 см. Раннее тепло вдохнуло жизнь в растительный мир: на 1-3 недели раньше обычного началась вегетация многолетних трав и озимых культур, а у древесных – сокодвижение и набухание почек. Экстремально рано, 13 апреля, начался наш дачно-огородный сезон в этом году.

Причиной такой крупной аномалии стало формирование меридиональной формы атмосферной циркуляции с выносом воздушных масс тропического происхождения из районов Средней Азии вдоль ВФЗ, расположенной на восточной периферии глубокой депрессии над Европейской Россией. И если жители Петербурга и Москвы переживали в начале апреля вторжение арктического холода с метелями и снегопадами, то аномальное тепло в Сибири привело к экстремально

ранним срокам весеннего половодья сибирских рек. На 1-2 недели раньше обычного вскрылись от льда реки Бия, Катунь, Томь, Чумыш, Чарыш, Иня, Бердь и сама Обь. Местами были перекрыты рекорды экстремально ранних дат вскрытия, когда-либо отмеченные за весь период наблюдений; на многих участках рек вскрытие проходило бурно, с заторами, резкими подъёмами уровней воды. На реке Карасук подтапливалось село Черновка Кочковского района Новосибирской области. Превратилось в “Сибирскую Венецию” село Пихтовка, где уровень реки Бакса на 1,5 метра превысил опасную отметку начала подтопления. Жители села плавали по улицам на лодках. Досталось от половодья и нашим соседям – алтайцам: бурные воды Оби и Чумыша подтопили несколько сёл Павловского и Тальменского районов Алтайского края. Разгул водной стихии был предсказан гидропрогнозистами нашего Гидрометцентра и их коллегами из региональных ЦГМС штормовыми предупреждениями с заблаговременностью до 4-10 суток, что позволило местным органам власти принять превентивные меры для минимизации ущерба. Хотелось бы привести пример эффективного взаимодействия гидропрогнозистов Новосибирского Гидрометцентра с потребителями. Ещё в ноябре 1996 года, учитывая избыточное осеннее увлажнение атмосферы и почвы, а также вероятность многоснежной зимы 96-97 годов, что и было в реальности, гидрологи предсказали возможность подтопления весной 1997 года города Куйбышев Новосибирской области при вскрытии реки Омь. С учётом консультации гидрологов местные власти организовали строительство защитной дамбы и наращивание её высоты до 6-7 метров, что предотвратило подтопление города.

И всё же была у наших гидропрогнозистов досадная неудача: не оправдался долгосрочный прогноз притока

воды в Новосибирское водохранилище на II квартал этого года. Дело в том, что весна 1997 года была не только аномально тёплой (среднемесячная температура воздуха в апреле была выше нормы на 5...8°C), но и засушливой (осадков выпало менее 40% от нормы). Май тоже оказался теплее нормы (на 2...4°C) и довольно засушливым. В результате, все накопившиеся за зиму снего- и влагозапасы в бассейне Оби вследствие испарения и просачивания влаги в почву деградировали, и вместо ожидаемого нами избытка воды квартальный приток в водохранилище оказался существенно меньше нормы. А потому, прошедшее в июне в ВОБВУ совещание водопользователей прошло в атмосфере оголтелой враждебности к Гидрометслужбе. Инициатором такого настроения был Г.И. Зеленский. Пришлось мне взять слово и разъяснить присутствующим современное состояние проблемы долгосрочного прогноза природных процессов, его вероятностную природу и скромную успешность не только в России, но и в других странах ВМО. Я особо отметил, что, принимая оперативные хозяйственно-экономические решения, надо опираться не только на долгосрочный квартальный прогноз притока, но и на его коррективы на месяц, декаду. Справедливости ради надо сказать, что гидрологи до последнего тянули с уточнением квартального прогноза в надежде, что, с учётом допустимой ошибки, они “влезут” в составленный ранее прогноз. Эту ошибку мужественно признала В.Ф. Богданова при “разборе полётов” у руководства УГМС, тем самым подтвердив справедливость критики водников. (Действительно, уточнять долгосрочный прогноз следует всегда с учётом сложившихся гидрометусловий, и в случае удачи пусть оправдается и уточнённый, и предварительный прогноз!)

Не совсем типичными были погодные условия июля 1997 года на юге Сибири. Здесь обычно в середине лета

идут тёплые грозовые дожди и ливни; возникающие при этом шквалистые порывы ветра, как правило, не охватывают больших площадей. Однако события начала июля этого года не соответствовали привычным климатическим представлениям. 5-6 июля территория юго-востока Западной Сибири оказалась под влиянием мощной, энергоёмкой высотной фронтальной зоны юго-западного направления со скоростью ветра на высотах около 5 км до 100 км/ч и более. В области ВФЗ в приземном слое сформировался циклон, который утром 5 июля располагался в районе Павлодара, но уже в течение дня пересёк территорию Новосибирской области и вышел к Томску, углубившись до отметки 986 гПа. В тёплом секторе циклона происходил вынос чрезвычайно прогретых масс воздуха тропического происхождения из районов Средней Азии. Днём 5 июля температура воздуха на юге Сибири повышалась до плюс 31...36 °С, а на Алтае до 37...42 °С. При этом на 1...4 °С был перекрыт рекорд абсолютного максимума температуры для первой декады июля, местами – для месяца, за весь предшествующий период метеорологических наблюдений. Аномальная жара резко повысила пожароопасность лесов. Вместе с тем с приближением холодного фронта вспыхнули грозы, в основном – сухие, шквалы, пыльные бури. Разряды молний зажгли очаги лесных пожаров; одна из групп работников лесхоза и пожарных в Угловском районе Алтайского края попала в огненный вихрь и погибла. Основной удар стихии пришёлся в ночь на 6 июля с прохождением холодного фронта. Скорость ветра шквалистого характера в Новосибирской области и смежных регионах достигала 15-24 м/с, местами – от 25 м/с до 30-36 м/с. В ряде населённых пунктов Тогучинского и Мошковского районов Новосибирской области шквалы снесли крыши скотных дворов, зерноскладов, повредили ЛЭП, сломали деревья. В

районе Искитима прерывалось движение электропоездов, в Томской области в четырёх районах были повреждены несколько электроподстанций, административных и жилых зданий. В Колпашево ливнем затопило подвалы домов.

Была ли предсказана стихия? Ещё 4 июля синоптики Новосибирского ГМЦ под руководством бдительной и опытной Л.Н. Староватовой направили во все инстанции, а также в прогностические группы региональных ЦГМС, штормовое предупреждение о возможности РИП и ветра стихийной силы (заблаговременность до 24 часов и более). А затем синоптики ГМЦ и ЦГМС корректировали силу урагана (до 30 м/с и более). Своевременное предупреждение позволило потребителям снизить ущерб. Эффективность превентивных мер хозяйственники оценили в сумме близкой к 1 млрд рублей.

Нелёгкими были гидрометеорологические условия и последнего летнего месяца. Заморозки конца августа - начала сентября сменились обильными дождями, тормозившими уборку урожая. Но засушливое лето, особенно на территории Алтая, обусловило маловодье рек бассейна Оби, что явилось главной темой на заседании водопользователей 4 августа в ВОБВУ под председательством главы Управления С.П. Бавского. На заседании мы были от Гидрометцентра вдвоём с ведущим гидрологом О.В. Лавринович; после моего доклада о причинах дефицита воды и ожидаемых гидрометусловиях вспыхнула дискуссия между речниками и энергетиками. Обсуждалась дилемма: уменьшать сброс воды вниз по Оби, прекратив тем самым судоходство, или продолжать удерживать приемлемые для судоходства уровень воды, сколько можно. Итог – выбрали второй вариант. Кстати, на этом заседании к нам и нашей информации отнеслись более лояльно, возможно, не без влияния Сергея Петровича.

Погодные аномалии сопровождались человеческими трагедиями в коллективах Западно-Сибирской Гидрометслужбы. В начале июля скончался В.П. Крысов, начальник РЦПОД, после долгой и тяжёлой болезни. Лечился он в Новосибирской горбольнице с конца 1996 года; прошёл утомительные процедуры и перенёс, как говорили успешную операцию. Последний раз мы с ним встречались в компании с И.В. Колотовкиным в парке “Берёзовая роща” в апреле; говорил он с трудом, но интересовался событиями в Росгидромете, УГМС, излучал жажду деятельности: “Мне бы, мужики, скорее на работу!” На прощание мы обнялись и расцеловались. Но впечатление от встречи было тяжкое; чувствовалось – последняя встреча... Вернулся я тогда на работу и подписывал какие-то бумаги, почти ничего не соображая.

Помнится, по скорбным делам собирались у Р.Я. Гесса. Я набросал проект некролога, отвёз его для публикации в областную газету “Советская Сибирь”. Панихида возле дома и на Заельцовском кладбище проходила под сильным дождём. Прощальную речь с трудом, плача, произнёс С.М. Шульман: “Я любил его”. (Никогда раньше не видел плачущего Шульмана.) Рыдала секретарша Крысова Н.А. Кречетова. В числе выступивших пяти человек был и я. Только засыпали гроб землёй, дождь кончился. Ещё пришлось выступать на поминальной трапезе и в этот день, и на 9-ый, и на 40-ой. И почему-то опять дождило. А вдова покойного Тамара сказала: “Как хорошо, Ренад, ты говорил о нём - душевно”.

А 18 сентября внезапно скончался А.И. Сычёв, заместитель начальника РВЦ, в возрасте всего лишь 55 лет. Выглядел он широкоплечим, бодрым богатырём, а на самом деле был диабетиком и гипертоником. Сразил его инсульт. Хоронили его на Клевшихинском кладбище. Народу было много – не только сотрудники РВЦ, его многие знали и

почитали. Запомнилось, как после проникновенной прощальной речи И.В. Колотовкина, горестно причитала вдова покойного Валентина, бывшая синоптиком и недавно уволенная по сокращению штата из РЦПОД.

В этом году что-то всё же стало меняться во внутренней и внешней политике правительства России. Ещё весной телевидение показывало беседу Б.Н. Ельцина и В.С. Черномырдина о том, что “народ недоволен невыплатой зарплаты, не пора ли менять состав Правительства”. Действительно, в конце марта в результате очередной правительственной чехарды первыми вице-премьерами стали А.Б. Чубайс и Б.Е. Немцов. В апреле – мае было подписано соглашение между Россией и Белоруссией о создании Союзного государства. В июне этот договор Государственная Дума ратифицировала, правда, фракция “Яблоко” голосовала “против”, обвинив Президента Белоруссии А.Г. Лукашенко в склонности к тоталитаризму. Многие обозреватели, приветствуя заключение Союзного Договора, сравнивали его с исторической Переяславской Радой. Той же весной в Хельсинки состоялась встреча Б.Н. Ельцина с Б. Клинтоном, который в конце прошлого года был вновь избран Президентом США. Соглашение между ними было сформулировано в такой форме: “НАТО распространяется на восток, но на этих территориях не размещает ядерное оружие” (?!). (Задумался уже тогда - если ослабленная Россия никому не угрожает, зачем НАТО идти на восток?)

В середине июля В.И. Зиненко привёз из Москвы известие о том, что Минфин увеличит Гидрометслужбе финансирование по фонду заработной платы. Приехавшая вскоре в Новосибирск Г.Н. Чернятьева, главный специалист ФЭУ Росгидромета, подтвердила эту весть. Вышел приказ об индексации зарплаты в 1,34 раза (с опозданием на 1,5 года!!!). Федеральное финансирование подкрепилось

региональными дотациями: в бюджете Новосибирской области была не очень приметная строка “Гидрометеорология”, по которой нашему Западно-Сибирскому УГМС полагалось на год 0,65 млрд рублей. В результате размеры заработной платы заметно возросли. К примеру, за август 1997 года мне выплатили около 1,2 млн рублей, причём, часть зарплаты – новой 500-тысячной купюрой. Наверное, можно было бы приветствовать появление в Гидрометслужбе касты “миллионеров”, если бы не цены-“скакуны”. К этому времени проезд на метро стал стоить 1,3 тыс. рублей, на муниципальном автобусе – 1,5 тысяч, на коммерческом – 3. Билет на каток стадиона “Спартак” к концу года стоил 5 тыс. рублей: из всех видов спорта я оставил для себя коньки и лыжи. По медицинским показаниям бросил спортзал (волейбол, баскетбол) и велопогулки. Ещё один пример: плацкартный билет на поезд Новосибирск – Красноярск стоил 200 тыс. рублей (сентябрь). А диагностика и лечение в МНТК “Микрохирургия глаза” были по стоимости вообще запредельными – 1,2 млн рублей.

Тем не менее летом все центральные и местные СМИ публиковали ликующие сообщения о мерах Правительства по ликвидации долгов гражданам России по заработной плате и пенсиям. А в августе 97-го Б.Н. Ельцин выступил по телевидению с сообщением о грядущей с 1998 года денежной реформе – “деноминации валюты”, то есть уменьшении в 1000 раз её цены, и добавил, что как гарант Конституции не допустит ущемления прав граждан России. (Так мы ему и поверили!)

В третьей декаде сентября мы с В.Н. Копыловым, который после смерти В.П. Крысова возглавил спутниковый центр (РЦПОД), были в короткой трёхдневной командировке в Красноярском УГМС. Её целью было ознакомление с опытом работы красноярцев по

созданию АРМ прогнозистов и режимников, а также использованию данных ИСЗ в практике обслуживания лесного хозяйства. В то время В.В. Ерёмин стал уже начальником Красноярского Гидрометцентра, а его главным синоптиком был Е.Л. Зализняк, специалист с большим стажем работы. Я обратил внимание, что синоптики и специалисты отдела метеорологии неплохо обеспечены персональными ЭВМ. Красноярцам удалось приобрести и внедрить у себя АРМ Гисметео, разработанную в Москве Ю.Л. Шмелькиным. В этом вопросе они нас, новосибирцев, опередили – наши переговоры с фирмой Шмелькина шли туго. Как признался Ерёмин, для того, чтобы войти в базу данных Гисметео (или “взломать”) им пришлось нанять классных программистов с зарубежными дипломами. Побывал я на обсуждении прогноза погоды; удивился тому, что здешние синоптики не уделяют внимание оценке атмосферного процесса, фронтальному анализу, реальным (бумажным) картам погоды, кольцевым картам. Весь анализ идёт по данным экрана ПЭВМ, по схеме барическое поле – диагноз – прогноз, коротко, быстро, без особой дискуссии. Мой коллега В.Н. Копылов ездил на американскую космическую станцию, которая, как он узнал, находится в аренде у РАН. Василий Николаевич ознакомился с возможностями обнаружения с помощью ИСЗ очагов лесных пожаров и других параметров окружающей среды (вертикальный профиль температуры и влажность атмосферы, состояние снежного покрова и пр.).

Гостеприимные хозяева во главе с начальником УГМС В.И. Барсуковым и начальником научного центра Д.А. Бураковым организовали для нас экскурсию на плотину Красноярской ГЭС, где со смотровой площадки открывалась роскошная картина осенней природы лесистых скал, стиснувших мощное течение великого Енисея.

Проводы нашей делегации Владимир Иванович провёл с чисто сибирским размахом и радушием. Он повёл нас в кафе “Рандеву”, которое располагалось на первом этаже Управления Гидрометслужбы. Там нас ожидал отменный ужин, включавший помимо закусок солидную дозу спиртного. Уговорил меня спеть под аккомпанемент местного оркестра песню В.Е. Баснера “Целую ночь соловей нам насвистывал...”. Коллеги и сидящие в зале приветствовали завершение песни довольно продолжительными аплодисментами.

На состоявшемся после нашего возвращения из Красноярска заседании Технического Совета Западно-Сибирского УГМС и совещании при руководстве Управления было принято решение - с учётом опыта Красноярского УГМС активизировать оснащение отделов Гидрометцентра и региональных ЦГМС ПЭВМ, а также внедрить технологию анализа данных ИСЗ для обеспечения запросов лесного хозяйства и гидрометеорологического обслуживания потребителей. Мы, точнее наш Гидрометцентр и РВЦ, должны были принять к руководству и исполнению приказ Росгидромета (от 1.07.1997) о внедрении на сети Гидрометслужбы с 1998 года технологии обработки текущей и режимной гидрометинформации на ПЭВМ.

Скорбные летние события сменились осенними юбилеями. В октябре отметил свой 60-летний юбилей начальник Новосибирского ЦМС, по существу, главный эколог Западной Сибири, В.В. Селегей. Юбилей проходил в служебном здании Центра, на улице Линейная, при большом количестве приглашённых: здесь были представители администрации Новосибирской области и областного комитета по экологии (А.Ф. Бойков, А.А. Даниленко), ВОБВД, руководство Западно-Сибирского УГМС и СибНИГМИ, начальники региональных ЦГМС

(П.Ф. Севостьянов, А.И. Кривошапко, Н.А. Дьяченко), руководители крупных подразделений УГМС. Приветственные речи отличались теплотой, остроумием, тонкими аналогиями. Говорили о том, что юбиляра, Валентина Васильевича, отличает подвижничество во всех видах деятельности, будь то изучение гидрологического режима Телецкого озера или исследование процессов радиационного загрязнения Новосибирской области. Информацию В.И. Зиненко о представлении В.В. Селегея на звание “Заслуженный метеоролог России” присутствующие одобрили овацией.

Более скромно, но не менее душевно прошёл 80-летний юбилей ветерана Гидрометслужбы, кавалера ордена Ленина Л.И. Колдомасовой. Поздравить Людмилу Ивановну пришли ветераны службы: С.М. Шульман, Ю.П. Петров, М.А. Черкесова и многие другие. Замечательно и душевно пел аккордеон В.Н. Барахтина. Все остальные старались подтягивать в тон инструменту. Ветераны вспоминали трудные военные и послевоенные годы работы в Гидрометслужбе Сибири. Забавный колорит вечеру придала шутливая имитация сессии Учёного и Технического Советов НИГМИ – УГМС, на которой я в своей речи противопоставлял синоптиков классической школы с нынешними синоптиками, “испорченными” современными моделями и технологиями. Людмила Ивановна понимающе, но с некоторой грустью, улыбалась.

Около часа ночи 23 октября я услышал крик тёщи: “Ренад! Казань!” Оказалось, что звонит моя мачеха Зайтуна Ахтямова, чтобы сообщить, что мой отец только что умер. Это было как бы ожидаемо, но всё же неожиданно. Ещё в мае-июне от него стали приходить грустные письма, написанные как-то коряво, с пропусками окончаний, так не похожие на прежние - бодрые, с аккуратными и красивыми буквами. Он сообщал, что его уволили из всех (двух-трёх)

учреждений, где он ещё подрабатывал. А в июльском письме он уже прямым текстом говорил о “финишном этапе” своей жизни. В сентябре я ненадолго съездил в Казань, повидался и пообщался с отцом. Помню, лежал он на кровати бледненький, но в сознании, а глаза – удивительно ясные, голубые. Затем он встал, взбодрился, попил киселя. Я рассказал о своих беседах о татарской музыкальной культуре. Отец слушал внимательно, бросал реплики, замечания.

Поезд прибыл в Казань утром 25 октября, но отца уже похоронили 24-го. (Так принято у мусульман – хоронить оперативно.) Пока мы с Зайтуной шли на Старотатарское кладбище (зыярат), она рассказала, что умер отец во сне, отпевали его в мечети Марджани в присутствии видных деятелей татарского искусства, Народных и Заслуженных артистов России и Татарстана (А. Арсланова, Ф. Юсупова и др.). Содействие и помощь в скорбном деле оказало Министерство культуры РТ. День был пасмурный, холодный, бугорок земли и могильная доска располагались недалеко от могилы великого татарского поэта Г. Тукая. От чего-то горько стало, что опоздал на похороны родного человека; ноги мои подкосились, я бухнулся на колени и безутешно зарыдал... Зайтуна стояла сзади и приговаривала, что нельзя много плакать – это грех (гөнаһ). 27-го по исламу в их квартире провели панихиду после трёх дней с момента похорон. Был мулла из мечети, почему-то турок, пожилой, горбоносый, страшненький, как в советском кинофильме “Адмирал Ушаков”; его мало кто понимал. Приехали трое артистов – певцов татарской филармонии (Р. Сулейманов, Р. Джаббаров, Идрисов). Пели квартетом суры из корана, причём голоса татар были приятного, мягкого тембра, а турок звучал как-то тоскливо и визгливо. Поминальный обед состоял из блюд татарской кухни: суп-лапша (токмач),

пироги (оч почмак, гёбәдия, чак-чак), без алкоголя. Очень тепло говорили о жизни и творчестве отца. И не только. Коснулись исторических событий. Сулейманов заявил, что Грозный взял Казань, так как татары плохо молились (?!). Джаббаров оказался работающим (по совместительству) в местной газете “Шигъри Казань” (“Поэтическая Казань”). Мы с ним зашли в редакцию, где мне подарили несколько экземпляров газеты с некрологом от Минкульта и филармонии памяти отца, а заодно взяли у меня интервью о моей сибирской профессии и культурной жизни татар в Сибири. В память об отце я привёз домой несколько его личных вещей и оставил себе 4 семейных альбома с фотографиями отца, матери, родных и близких. До сих пор храню эти альбомы. А фотографии продолжают согревать сердце какой-то удивительной одухотворённостью.

Вскоре после моего возвращения в Новосибирск В.И. Зиненко предложил мне перейти в другие “апартаменты” – комнату 504, бывший кабинет партийной организации. Переселение состоялось 20 ноября. И.В. Колотовкин, А.Г. Каминский, А.Г. Кулиныч, Н.В. Вирхобский и другие коллеги-мужчины помогли перетащить с третьего этажа на пятый кое-какую мебель, сейф, тюки с архивами, делами и книгами. Через несколько дней я провёл в новом кабинете начальника Гидрометцентра первую планёрку руксостава; оказалось – и просторно, и удобно, и компактно. Естественно, по добромому российскому обычаю, новоселье пришлось “обмыть”, причём в два этапа: сначала с руководителями отделов и групп Гидрометцентра, а затем с руководством УГМС и крупных подразделений Управления. Все желали творческих успехов коллективу ГМЦ, достойных нового кабинета его руководителя. Были и подарки кабинету и его хозяину – чайный набор, заварной чайник, настольная лампа, канцтовары и прочее. С тех ноябрьских дней 97-го

года, вот уже больше четверти века, этот кабинет служит “резиденцией” начальника Новосибирского Гидрометцентра.

А погодные условия последних месяцев уходящего 97-го года были достаточно сложными и неординарными. Во второй половине сентября и первой декаде октября в условиях выноса прогретых воздушных масс южных широт и повышенного атмосферного давления на юге Западной Сибири доминировала солнечная сухая погода, благоприятная для уборки урожая. В Новосибирской области и Алтайском крае в первых числах октября днём термометр показывал плюс 23...29°C, что на 1...3 °C выше абсолютного максимума температуры, отмеченного здесь за весь период наблюдений. Негативным следствием такой погоды явилось резкое возрастание пожароопасности лесов до высокого и чрезвычайного (4-5) классов. В Новосибирской области возникло 99 очагов лесных пожаров. 7 октября мы перевозили овощи с нашей дачи в погреб при сильной мгле – горели торфяники около Новосибирска. В связи с большой мощностью инверсионного слоя и слабыми ветрами резко ухудшилась экологическая ситуация: в приземном слое интенсивно накапливались частицы сажи и пыли. По данным медиков возросло число лёгочных больных, ухудшилось состояние страдающих бронхиальной астмой. Для борьбы с пожарами создавались оперативные группы УВД и пожарных. Из-за угрозы пожара в Сузунском районе были эвакуированы жители посёлка Новоосиновский.

Резкими колебаниями погоды отличился ноябрь 1997 года. Если первая декада месяца под влиянием зональных и юго-западных потоков характеризовалась экстремально тёплой погодой на юго-востоке Западной Сибири, то вторая половина месяца, особенно третья декада, ознаменовалась мощными арктическими

вторжениями в южные регионы Сибири. Минимальные температуры в Новосибирской области в последние дни месяца упали до минус 40...43°C. Забегая вперёд, добавлю, что подобный сценарий погоды повторился в ноябрях 1998-99 годов.

Предсказать подобное мы в долгосрочном прогнозе, по понятным причинам, не могли, поэтому реагировали на РИП и СГЯ кратко-среднесрочными прогнозами и штормпредупреждениями. Надеюсь, что несмотря на экономический хаос того времени, наша информация была полезной для потребителей. Хотя в выступлениях на федеральных каналах СМИ лидеры Росгидромета говорили о деградации качества информации Гидрометслужбы, по-нашему Западно-Сибирскому УГМС оправдываемость и эффективность метеорологических штормпредупреждений продолжала оставаться достаточно высокой и стабильной - 94-97%, по Новосибирскому Гидрометцентру - 96-99%, а гидрологических штормов вообще 100%.

В конце ноября руководство и ведущих специалистов нашего Управления (думаю, что не только нашего) озадачило Постановление Правительства РФ №1425 (от 15.11.97) о порядке доведения гидрометинформации на бюджетной и договорной основах. Порядок этот сразу вызвал споры и дискуссии; заинтересованные лица были приглашены на совещание к Р.Я. Гессу. Согласно документу получалось, что значительную часть текущей и режимной (климатической) информации мы должны были бы передавать потребителям безвозмездно; правда, в перечне прогностической информации можно было найти источники для развития договорных отношений. По заданию Романа Яковлевича в начале декабря был составлен предварительный перечень услуг общего и специализированного назначения в целом по УГМС. И тут поступила телеграмма от руководства

Росгидромета о проведении специального совещания 16-19 декабря по вопросам экономической эффективности гидрометобеспечения и выполнению загадочного Постановления Правительства. Совещание проходило в статусе международного симпозиума, как я понял, в связи с прибытием представителей некоторых зарубежных стран (Латвии, Белоруссии, Казахстана и др.). На совещание мы прибыли вместе с начальником отдела гидропрогнозов НГМЦ В.Ф. Богдановой и начальником ОГОНХ Т.Э. Дубиковской. Приятно было увидеть уже в фойе здания ГМЦ России коллег и друзей, в особенности бывших выпускников Казанского Университета – Я.М. Гольника, М.О. Френкеля, Г.П. Масагина, а также Б.В. Кубая, В.В. Ерёмина, В.И. Колкутина, Г.Н. Чичасова и многих других. Впрочем, ораторы говорили не столько по повестке совещания, сколько о трудностях и проблемах. Особенно тревожной была речь представителя Гидрометслужбы Казахстана. В своём выступлении я поддержал “казаха” в его озабоченности состоянием наблюдательной сети республики и обратил внимание, что информационный вакуум в аэрометеосети Средней Азии и Казахстана пагубно сказывается на работе сибирских синоптиков. Из позитивных докладов запомнились выступления Б.В. Кубая о системе доведения штормпредупреждений во Владивостоке в условиях прохождения бурных тайфунов из районов Китая и Японского моря, а также начальника ЦГМС Сочи Д.П. Лысак о предупреждении смерчей, возникающих на Чёрном море близ Туапсе и Сочи. Удивило, как при отсутствии данных аэрологического зондирования атмосферы в регионе синоптики добиваются 80%-ной (!) оправдываемости предупреждений о смерчах. Интуиция, опыт или искусство?

Многие ораторы, в том числе я, подвергли резкой критике “экспансию” Гидрометцентра России в другие

регионы страны через СМИ и интернет-порталы, то есть, составление прогнозов для этих регионов, включая их административные центры, на базе математических моделей. При этом, конечно, московские прогнозы могли существенно противоречить прогнозам региональных синоптиков. В ответ на наши протесты проводивший это заседание глава Службы А.И. Бедрицкий призвал: “Не надо резких заявлений и движений!” Впрочем, как-то после заседания я “зашёл” в Интернет и несколько успокоился: Москва учла нашу критику, прогнозы погоды стали давать не по административным пунктам, а по укрупнённым экономическим районам.

В дискуссии об экономической эффективности гидрометобеспечения я довольно резко выступил против существующих методов расчёта экономического эффекта прогноза погоды - назвал их иллюзорными, поскольку в условиях экономического кризиса потребители часто не имеют возможности реализовать вовремя нужные производственные решения. В ответ на мою темпераментную речь начальник Кировского ЦГМС М.О. Френкель своим звучным бархатным баритоном возразил с той же трибуны, что, несмотря на несовершенство расчётных методов и кризис в экономике, какие-то оценки экономической эффективности прогнозов нужны и для контактов с местными органами власти, и для популяризации Гидрометслужбы в целом. Тем более, что в публикациях экспертов ВМО оценки экономической полезности гидрометинформации размещаются довольно часто. (Наверное, он был прав.) А потому проект решения по обсуждаемым вопросам был составлен в сдержанной и обтекаемой формулировке.

Совещание по реализации Постановления №1425 прошло в зале здания Росгидромета. Помимо А.И. Бедрицкого в нём приняли участие начальник УГМО В.А.

Тренин и начальник ФЭУ А.С. Якубов. У всех делегатов, представителей региональных органов Гидрометслужбы, были однотипные претензии к этому документу: он ограничивает сферу специализированных услуг (при недостатке бюджетного финансирования Службы). В ответ на наши протесты Александр Иванович ответил пространным монологом с длинными, поистине “мхатовскими”, паузами. Всё же с учётом наших предложений было заявлено, что будут подготовлены соответствующие методические рекомендации по гидрометобеспечению в новых экономических условиях и даже с их утверждением в Минюсте. (Так мы их и не дождались!)

На прощальном фуршете с приветствием к участникам симпозиума обратился заместитель руководителя Росгидромета С.С. Ходкин. Запомнился фрагмент его речи: “Как говорил наш учитель, академик С.К. Фёдоров, питье без тостов – это обычная пьянка, а с тостами – идеологическая работа!” Для дегустации вниманию делегатов были предложены несколько марок водки: “Вятская женьшеневая” (её привёз М.О. Френкель), “Соловецкая” (доставил Я.М. Гольник) и другие. Однако, большинство присутствующих сошлось на том, что лучшей по качеству является “Новониколаевская” - мой вклад в общее дело. А вечером, конечно, не мог не пойти в любимый мной Московский театр оперетты на спектакль “Весёлая вдова” с музыкой Ф. Легара - роскошная постановка, красивые костюмы, звучные, мягкого тембра голоса. Исполнявший главную роль графа Данило Даниловича, первого секретаря посольства, В.С. Иванов помимо прекрасного голоса отличался удивительной пластикой тела: верхнюю ноту в арии “Иду к Максиму я” он взял после проделывания эффектного кульбита своей тростью.

В эти годы мы активизировали нашу работу в сфере популяризации деятельности Гидрометслужбы. В газете “Советская Сибирь” были опубликованы мои статьи о климатических особенностях сезонов зимы, весны, лета и осени в Сибири. В этих статьях я помимо средних многолетних параметров погоды (температуры и осадков) приводил примеры крупных аномалий с объяснением причин их формирования. Ответственный секретарь редакции В.А. Петров принимал статьи благожелательно и как-то воскликнул: “Вы, Ренад Азальевич, с каждым разом совершенствуетесь!” Были довольно регулярные интервью с теле- и радиожурналистами по телефону или в комнате синоптиков ГМЦ об отдельных прогнозах погоды или СГЯ. Обычно журналисты корректно освещали эти выступления. Запомнилось, впрочем, что однажды, летом 97-го года, я крепко поругался с журналистом местного радио НТН, который допустил хамский комментарий к прогнозу: “Господи! Хоть бы раз у них прогноз оправдался!” Оказалось, что журналист полагал, что это всего лишь шутка (?!).

Иногда мы проводили экскурсии студентов и учащихся учебных заведений Новосибирска по Управлению. В июле этого же года мы организовали экскурсию двух групп студентов педагогического института по 15 человек во главе с преподавателями по всей технологической цепочке УГМС: АСПД (служба связи) – РВЦ – ГМЦ – РЦПОД. В октябре я дал несколько интервью для новосибирского радио и телевидения о погодных аномалиях осени и ожидаемом характере зимней погоды, но отказался от участия в прямом эфире радиопрограммы “Микрофорум” 31 октября. В результате на эту передачу поехала группа сотрудников УГМС и СибНИГМИ: В.И. Зиненко, В.М. Топоров, Л.Н. Староватова и В.Г. Осокина. Некоторые моменты этой радиопередачи прозвучали

странно. Почему-то на вопрос о методах составления прогноза погоды отвечала не главный синоптик Л.Н. Староватова, а начальник Управления В.И. Зиненко. (Вряд ли радиослушатели ясно поняли, как же “рождается” прогноз погоды.) На вопрос о том, насколько успешными являются долгосрочные прогнозы “экстрасенсов и неформалов” Людмила Николаевна довольно рискованно ответила: “Не лучше официальных!” (!) Топоров постарался выручить: “Значит – хуже!” Староватова рассеянно повторила: “Не лучше”. Не думаю, что это сработало на пользу имиджа Гидромета.

Довольно активной была научная жизнь нашего СибНИГМИ, несмотря на критическое состояние финансирования науки. Весной 1997 года один из ведущих учёных института В.В. Костюков представил на рассмотрение Учёного Совета докторскую диссертацию о методах восстановления метеорологических полей. Впрочем, докладывал он несобранно, ёрничая, задавая нелепые вопросы залу, типа: “Вам нужны мои основные выводы?” На что директор института В.М. Топоров не без раздражения бросил: “Нам от вас ничего не нужно!” Рецензии оппонентов были положительные, но “эффект-плюс” усилил несколько припоздавший А.А. Фоменко; указав на диссертанта, он сказал: “Человек написал вот такой “кирпич” (показал пальцами), и его читают...” В итоге диссертацию рекомендовали к защите.

Заседания Учёного Совета института (иногда совместно с президиумом Технического Совета УГМС) 97-го года запомнились довольно бурными дискуссиями о путях развития численных моделей прогноза погоды в современных условиях. Идею развития и совершенствования моделей, помнится, отстаивал А.А. Фоменко. Выступая по мотивам его доклада, я заметил, что, с учётом итогов недавно прошедшего декабрьского (1996

года) международного форума учёных Гидрометслужбы, следовало бы заниматься не только моделями, а всей системой усвоения гидрометданных наблюдательной сети и объективного анализа (на уровне национального проекта), иначе вся импортная техника превратится в бесполезную груду “мёртвого железа”. Как ни странно, моё выступление поддержал ведущий учёный СО РАН В.Н. Крупчатников. В результате, через несколько месяцев с участием Владимира Николаевича был сформирован пакет тем НИР по проблеме “Критические технологии”, который был направлен в Москву для включения в сводный план НИР Росгидромета, где этот пакет и затерялся среди массы других разумных идей и предложений, которые так и не были реализованы. На фоне околonaучного сумбура вновь зазвучали голоса “неформалов”. На одном из совещаний в аграрном университете их лидеры (Понько, Конев и др.) просто “трещали” о составляемых ими “сверхточных” долгосрочных прогнозах погоды и даже предлагали создать сеть гидрометеостанций, которые могли бы давать такие прогнозы. Поддался этой агитации и наш руководитель, В.И. Зиненко. На одном из заседаний Учёного Совета он выступил с идеей создать группу “нетрадиционных методов прогноза”. Я с ужасом представил себе будущего руководителя такой группы “экстрасенсов” – И.А. Гаврилова и в своём выступлении привёл его комментарий к неудачному прогнозу землетрясения в горных районах Алтая: “Землетрясения не было потому, что я не спал три ночи и принял на себя отрицательную энергию земной коры” (?!!). После этой цитаты я добавил, что у Гаврилова проблема в методике не научная, а, по-видимому, медицинская. Участники заседания восприняли эти комментарии с юмором и не приняли всерьёз предложение Василия Ивановича.

В конце сентября – начале октября 1997 года состоялось очередное заседание НКС Урало-Сибирского региона с участием немногочисленных представителей Красноярского и Омского УГМС. Доклад директора СибНИГМИ В.М. Топорова доминировал трагическими оценками: за 9 месяцев этого года сотрудникам выплачено лишь 66% фонда заработной платы, из нескольких сот человек штата (с начала 90-х годов) в институте осталось чуть больше 80. Из-за недофинансирования сотрудники института работают не более трёх дней в неделю: заметно падение исполнительской дисциплины, а потому выполнение тем НИР запаздывает. От некоторых учёных звучали просьбы и предложения о поддержке науки за счёт УГМС и даже передачи наиболее значимых результатов НИР управлениям Гидрометслужбы на договорной основе. В ответ на это В.И. Зиненко коротко заявил: “Поможем!”

И снова возвращаюсь к теме “мелодрамы”, которой завершилась предшествующая глава. В описываемые 96-97 годы продолжалась начатая мной ранее “миссия” по пропаганде и популяризации татарской музыкальной культуры. В начале января 1996 года в музыкальном салоне Дома Учёных новосибирского академгородка состоялась моя беседа в жанре литературно-музыкальной композиции о жизни и творчестве Салиха Сайдашева. Встреча была организована профессором Э.Х. Гимади; присутствовало около 50 любителей музыки, не только из городка, но даже из центральных районов Новосибирска. В зале были профессора, научные работники, в том числе – молодёжь, представитель департамента культуры Новосибирской области, даже какой-то японский аспирант, изучающий культуру тюркских народов. В зале оказалась выпускница географического факультета Казанского Университета 1958 года, которая откровенно плакала при звуках музыки Сайдашева. В такой чуткой в музыкальном отношении

аудитории я ощущал душевный подъём и выступал с особым вдохновением. Последовали вопросы, выступления, комментарии по теме беседы, комплименты в адрес лектора. Профессор Т.С. Юсупов подарил мне в знак благодарности книгу о знаменитом композиторе Фариде Яруллине, создателе музыки татарского балета “Шурале”. Представитель департамента культуры в дискуссии о национальной музыке говорил о преемственности и взаимосвязи национальных музыкальных культур и, естественно, о дружбе народов России. Развивая эту тему, я напомнил и напел песню Сайдашева “Дуслык турында жыр” (“Песня о дружбе”) на слова татарского поэта Ахмета Ерикеева. Дискуссия о диалоге национальных культур ещё раз возникла в марте 96-го года, когда татарские учёные, Т.С. Юсупов и М.С. Хайретдинов, организовали просмотр документального и музыкального кинофильма “Сәйдәш моннары” (“Мелодии Сайдашева”). Краткие комментарии к фильму дал Талгат Сунгатуллович, впрочем, пространных речей и не требовалось, так как в фильме были показаны поистине музыкальные шедевры, например, потрясающий по красоте гармонии дуэт Батыржана и Гельезем из музыкальной драмы “Наёмщик” в исполнении выдающихся татарских певцов Х. Бигичева и З. Сунгатуллиной.

Зимой и весной этого года я провёл несколько бесед в частных квартирах для небольшого круга друзей (В.Н. Барахтин и К^о), а затем в конференц-зале Западно-Сибирского УГМС для аудитории около 15 человек (сотрудники и ветераны УГМС, ГМЦ, СибНИГМИ, ЦМС... плюс несколько гостей – татар) о жизни и творчестве Д. Файзи. Слушали везде очень внимательно и хорошо; воспринимали как лирические, так и комические страницы оперетт композитора. Порой всё же возникало недовольство собой: в ряде эпизодов, говоря о творчестве Д. Файзи, излишне волновался и даже задыхался от прилива

эмоций. Но на последней беседе в зале Управления молодая татарочка Л. Гиндулина трогательно спела песню Раисы из музыкальной драмы Сайдашева “Күзләр” (“Очи”). Это был замечательный экспромт. Оказалось, девушка мечтает о татарской сцене и учится пению.

Тема творчества Д. Файзи и татарской музыкальной комедии завершилась в декабре 96-го года беседой в музыкальном салоне Дома Учёных СО РАН. На этот раз для прослушивания музыки использовались не грампластинки, а кассеты, на которые произведения Д. Файзи были записаны с помощью магнитофона и профессора М.С. Хайретдинова; для этого мне пришлось приехать к Марату Саматовичу на квартиру, познакомиться с его интеллектуальной семьёй и потрясающей фонотекой. И ещё одно: мы договорились с Тамарой, что она исполнит арию Сарвар и другие её вокализы из оперетты “Башмагым”, а я возьму на себя исполнение мужских партий (приказчика Галимджана и купца Гафурова).

Открывая декабрьскую встречу в Академгородке, Э.Х. Гимади представил меня любителям музыки, а их было около 40 человек, примерно так: “О творчестве Д. Файзи расскажет Ренад Азальевич, который в детстве путался под ногами великих татарских композиторов” (?!!). Рассказ о творчестве “татарского Имре Кальмана” длился чуть менее двух часов, включая демонстрацию музыкальных произведений и наши вокальные номера. Тамара пела интонационно чисто, на татарском языке, практически без акцента и заслужила хорошую дозу продолжительных аплодисментов. В моём исполнении слушателям понравилось попури из 6 прелестных лирических песен Д. Файзи, но “овации” были скромнее. Выступившие в конце вечера учёные (А.И. Хисамутдинов, Э.Х. Гимади и др.) отметили массу интересного иллюстративного, фактического материала, использованного при проведении

беседы, а также обилие прекрасной музыкальной гармонии во всём творчестве композитора. Супруга Гимади, Татьяна Ильинична, принесла фотографию хоровой капеллы Казанского Университета 1958 года, на которой мы с удивлением обнаружили и мою юную Тамару, и такую же Татьяну: они, оказывается, стояли почти рядом в группе девушек-альтов капеллы. Мы были приятно взволнованы этой неожиданной встречей с прошедшей музыкальной молодостью.

В этом же году во время пребывания на больничном и лечения глаз в МНТК у офтальмолога Е.В. Егоровой удалось изучить полученную в Казанской консерватории литературу о татарском композиторе Назибе Жиганове и даже набросать вчерне текст беседы о его творчестве (около 50 страниц в рукописном варианте). Презентация композиции о “татарском Чайковском”, создателе жанров татарской оперы и симфонии, состоялась в довольно узкой интеллектуальной среде, в Академгородке, на квартире профессора Э.Х. Гимади, в начале мая. Итак, снова профессура, доценты, их жёны, какой-то аспирант, деятели искусства (артистка филармонии Г.Г. Калиновская, профессиональный гармонист И.Е. Маслов), а вот некто в военной форме – оказалось, генерал ракетных войск, звали его, кажется, Камалов, и ещё активисты татарской национально-культурной автономии (Р.Х. Дериглазова, Р.А. Бадретдинов и др.). Почти три часа длилась эта беседа о творчестве Н.Г. Жиганова, вместе с музыкальными шедеврами композитора. Мне показалось, что слушателей в наибольшей степени поразила потрясающая красота сказочной, романтической оперы “Алтынчэч” (“Златоволосая”), созданная по либретто, автором которого был его друг, великий татарский поэт Муса Джалиль. Впрочем, и более поздняя опера Жиганова “Джалиль”, о героической судьбе и гибели поэта, произвела сильное

впечатление; настолько, что во время исполнения арии главного героя Галия Калиновская проникновенно читала стихи поэта на татарском языке. А по окончании беседы Т.С. Юсупов, обращаясь ко мне, воскликнул: “Ваше мастерство растёт!” Возникла дискуссия, как “оптимизировать” материал беседы – исключить ли некоторые подробности в биографии композитора: трагичное сиротское детство, драматичные послевоенные годы, сложные зигзаги личной жизни. В итоге победило мнение – сокращать нельзя, ведь в деталях весь колорит эпохи, а лучше разделить беседу на несколько этапов.

Но, когда через две недели в конференц-зале УГМС я представил сокращённый вариант беседы о Н. Жиганове любителям музыки Гидрометслужбы, мне пришлось всё же пожертвовать деталями, подробностями, зигзагами и сократить повествование до часа плюс 40 минут, включая музыку. Немногочисленная аудитория, человек 15, слушала татарскую музыку (буквально – впитывала) хорошо, не торопилась расходиться по окончании беседы. Обсуждали и достоинства музыки, и сложную личность композитора, который достиг высокой планки общественного и государственного признания: Народный артист СССР, Герой Социалистического труда, ректор Казанской консерватории, член Союза композиторов Советского Союза, глава Союза композиторов Татарстана...

В 1996 году отмечались две важные “круглые” даты: 90-летие со дня рождения М. Джалиля и 90-летие организации первого профессионального татарского драматического театра имени Галиаскара Камала в Казани, в котором трудились в 40-е годы мои родители. К этим юбилеям я написал две статьи, которые были напечатаны в областной газете “Советская Сибирь”.

В этом году я как-то удивительно быстро сблизился с блистательным музыкантом И.Е. Масловым, и даже в

январе был приглашён к нему на день рождения. Иван Егорович, несмотря на русскую фамилию, татарин, точнее керэшен - крещёный татарин, поэтому он посещал все татарские концерты и заседания. В его квартире поразила длинная полка, на которой в несколько рядов стояли шуйские гармони. Аккомпанируя на одной из них, он спровоцировал, чтобы наша татарско-русская компания - Гимади с супругой, мы с Тамарой - спела и станцевала под татарскую музыку. Очаровательная племянница именинника, похожая на молодую киноактрису Ирину Печерникову, спела, подыгрывая себе на гитаре, несколько романсов из кинофильма “Жестокий романс” Э. Рязанова. А в гостях в этот день у него были артисты хора “Ватаalinka”, Сибирского хора. Оказалось, Иван Егорович хорошо знаком и с братьями Геннадием и Александром Заволокиными - знаменитыми музыкантами.

В ноябре И.Е. Маслов пригласил нас в Дом культуры железнодорожников (ДКЖ) на премьерный концерт организованного им вокально-танцевального ансамбля “Лирика”. Ансамбль под аккомпанемент Ивана Егоровича весело, раскованно, с огоньком исполнял русские, украинские и цыганские песни и танцы. А в середине концерта на сцене как-то неожиданно появилась активистка татарской автономии Миннигуль Ахметова и в сопровождении Маслова стала исполнять татарские народные песни, чередуя их с байками и приколами на русском языке. Её забавный татарский акцент придавал этим байкам особый юмористический колорит.

Наше сближение с большим музыкантом и яркой личностью было, к сожалению, недолгим: в декабре его сразил инфаркт, а в середине февраля 97-го года он скончался. Как я узнал, предчувствуя близкую кончину, он просил, чтобы на его похоронах ансамбль “Лирика” тихо

пропел русскую песню “Сронила колечко”, что и было исполнено.

В последние декабрьские дни 1996 года в большом зале Новосибирской филармонии состоялся замечательный (продолжительностью 2,5 часа, без перерыва) концерт знаменитой татарской певицы, Народной артистки РТ Вафиры Гизатуллиной. Певица была на пике своей вокальной формы. Она исполняла татарские народные песни и песни татарских композиторов Р. Яхина, С. Садыковой и других. Почему-то особенно запомнилось её исполнение а капелла русской песни “Калинушка-малинушка”, с какой-то удивительной нотой (вибрато) в финале песни и с поистине шалашинскими интонациями. Высокий музыкальный уровень концерта поддерживали баянисты, которые исполнили фантазии на темы песен Г. Тукая, С. Сайдашева, С. Садыковой, и известный скрипач М. Ахметов, сыгравший соло “Фантазию” композитора З. Хабибуллина. Впечатление от шикарного концерта было несколько подпорчено самой певицей, которая между песнями обращалась к залу с призывами, чтобы татарские парни не женились на русских “маржа”, а “татар кызлары” не выходили замуж за русских парней, и с другими откровенно националистическими лозунгами; например, намекала об уже близком достижении Татарстаном полного суверенитета. Грустно было слышать эту пропаганду сепаратизма в стиле небезызвестной Ф. Байрамовой.

Надо сказать, кое-кто из местных татар эти сепаратистские идеи поддерживал. В 96-97 годах состоялось несколько собраний татарской общественности в ДК “Октябрьской революции” и в НГУ. На октябрьском 1997 года заседании, где мы обсуждали устав татарской автономии, один из участников заявил: “Мы коренные жители Сибири. Нас завоевали разбойники Ермака. Мы находимся в состоянии войны с Россией.” (Каково?!)

Правда, достойную отповедь этому выступлению дал профессор Т.С. Юсупов. Позже выяснилось, что тот оратор женат на русской женщине. А собрание избрало нового председателя татарской автономии Новосибирской области; им стал М.Ш. Абакиров - молодой (32 года), элегантный, блестяще владеющий татарским языком, преподаватель немецкого языка в педагогическом лицее Новосибирска.

Тревожно завершался 1997 год – политические склоки и скандалы потрясали страну. В декабре жуткая авиакатастрофа произошла в районе Иркутска: громадный авиалайнер АН-124 через несколько секунд после взлёта рухнул на жилой массив города; погибло около 200 человек. Была создана правительственная комиссия во главе с В.С. Черномырдиным. А 31 декабря в новогодних телепередачах появились знаменитые, известные, но сильно, и даже ужасно, постаревшие актёры Ю. Яковлев, М. Пуговкин, Л. Куравлёв, А. Демьяненко, что не вдохновляло, а скорее угнетало. Страна вступала в 1998 год.

Фотографии к Главе 16

А.Н. Гритчин

И.Г. Ковригина

Л.И. Демидова

В.Н. Копылов

М.О. Френкель

В.Н. Крупчатников

М.С. Хайретдинов

Г.Г. Калиновская

М.З. Ахметова и
И.Е. Маслов

М.Ш. Абакиров

Глава 17. 1998 – 1999 годы: Гидрометслужба под ударом. От Новосибирска до Москвы и Праги. Впечатления и выводы. Правители России и борьба за Гидрометслужбу. Экстрасенсы и истерия СМИ. Первые шаги по модернизации Службы. Татары и музыка.

Деноминация российской валюты, обещанная Б.Н. Ельциным ещё летом прошлого года, всё же произошла в январе наступившего 1998 года. В середине этого месяца нам выдали зарплату за декабрь 1997 года в новых купюрах: исчезли миллионы, на руки я получил что-то около 1200 рублей. И выплачивали заработанное в последующие месяцы практически без задержки. Наступили январские холода, температура опускалась до минус 35...45°С: чтобы добраться на работу старались пользоваться метро, но обратили внимание, что проезд подземным транспортом стал стоить 2 рубля, хотя до деноминации цена поездки была 1,5 тысячи рублей и при уменьшении в 1000 раз должна была составлять 1.5 рубля. (Ну, это же мелочь!)

Предсказанные декадными и краткосреднесрочными прогнозами крепкие январские морозы давали основание энергетикам повышать температуру теплоносителей; однако, в связи с энергетическим кризисом во многих районах этого не произошло. Температура в и в служебных, и в жилых зданиях оставалась пониженной, кое-где останавливалась работа котельных, в Кузбассе прекращалась добыча угля в разрезах, уменьшалась частота тока.

Первый квартал 98-го года запомнился двумя крупными совещаниями по проблемам гидрометеорологии. 25 февраля в Доме Учёных новосибирского академгородка состоялся международный семинар по вопросам космического мониторинга окружающей среды. Среди почётных гостей: академик А.С. Алексеев, глава НИЦ

“Планета” Росгидромета О.П. Румянцев, член-корреспондент РАН О.Ф. Васильев.

Представитель СО РАН Г.Н. Ерохин сообщил об организации Центра космического мониторинга Сибири на базе структур СО РАН, ЗСУГМС и субъектов Сибирского соглашения. Представители российского космического агентства и Миннауки агитировали за вхождение в федеральную целевую космическую программу и привлечение в неё рыночных структур, хотя жаловались на плохое финансирование и изношенность техники. Два француза (Лион – на хорошем русском языке, Кристоф – на английском, с переводчиком) говорили о французских космических программах. Складывалось впечатление, что у французов хорошая техника, но над Азией и Сибирью у них “информационная дыра”, и поэтому они в обмен на информацию готовы поставить свою технику. Депутат Госдумы Г.И. Бердов сделал доклад о проектах законов природоохранной деятельности, которые изучает российская Дума. Поразили некоторые цифры из его доклада: бюджет России – это 4% бюджета США и 10% бюджета СССР 1990 года. Довольно примитивным был доклад представителя МЧС РФ о действиях их подразделений во время февральского паводка на Кубани: какой-то не очень профессиональный анализ причин паводка без попыток контактов с гидрометеорологами Северо-Кавказского УГМС. Ёрзал во время доклада, а затем спросил об этом докладчика, как говорится, “в лоб”, но не получил вразумительного ответа. Понял, что недоверие профессионалам – это нередкие случаи в последнее время (и об этом ещё придётся сказать в дальнейшем).

Вторым, более масштабным и длительным, было совещание в Москве по проблеме развития численных прогнозов погоды разной заблаговременности: от авиационных до долгосрочных и сверхдолгосрочных.

Совещание открылось 17 марта и продолжалось 3 дня. С кратким приветственным словом выступил заместитель руководителя Росгидромета С.И. Авдюшин, а базовый доклад представил молодой эlegantный заместитель директора Гидрометцентра РФ по науке А.В. Фролов. Это был доклад о развитии численных краткосрочных прогнозов в ГМЦ РФ на базе Cray- технологии. Докладчик пытался убедить аудиторию в том, что хотя отечественные прогнозы по качеству пока хуже прогнозов других центров ВМО, но разрыв этот уменьшается. Оптимизм докладчика попытались поддержать другие сотрудники ГМЦ РФ: А.Н. Багров, Е.Д. Астахова, И.И. Жабина, которые говорили о развитии системы объективного анализа гидрометданных и разработке новой спектральной модели прогноза (СМ-15). Багров завершил своё выступление призывом перестать “паразитировать на западных схемах”. Приехавший со мной на совещание сотрудник СибНИГМИ А.А. Фоменко рассказывал о разработке в Новосибирске новой региональной модели краткосрочного ЧПП, которая должна была получить наименование “Регион-2”.

Открывший второй день совещания директор Гидрометцентра РФ А.А. Васильев свою работу вёл напористо и с изрядной долей юмора, поддерживая стремление вчерашних ораторов к созданию российских моделей прогноза погоды. Он аргументировал это тем, что, мол, многие развитые страны поддерживают свои численные прогнозы, так как опасаются впасть в монопольную зависимость от ЕЦСПП и НМЦ США. В этот день были представлены доклады, посвящённые интерпретации численных прогнозов полей метеозаэлементов для нужд авиации: прогнозы конвективных шквалов, ливней, развитие синтеза ЧПП с радиолокационной системой “Аксопри” (Шакина и Переходцева - ГМЦ РФ, Мельничук - ЦАО). Выступая на

заседании, я обратил внимание аудитории на необходимость поддержания основной базы численных прогнозов – наблюдательной и аэрологической сети, а также использовании космических данных при объективном анализе и ЧПП.

Последний день совещания был посвящён гидродинамическим моделям для целей долгосрочного прогноза. Директор ГГО В.П. Мелешко говорил о возможности использования этих моделей для прогноза барического поля АТ-500 на ближайшие 30 суток; он сделал вывод, что на 1-2 недели результаты приемлемы, а дальше качество прогноза заметно ухудшится. Ведущий учёный ВНИИГМИ-МЦД Б.Г. Шерстюков говорил о сверхдолгосрочном прогнозе аномалий среднемесячной температуры на год (по месяцам) на основе подбора ритмов разной периодичности (земных, лунных, солнечных). Он убедил, что во многих случаях результат обнадеживает. В.П. Садоков (ГМЦ РФ) рассказывал о комплексации различных численных моделей для прогноза на первую декаду начавшегося месяца и в целом на месяц. Эта тема была ближе всего для запросов оперативной практики гидрометобеспечения на местах, в том числе, при подборе аналогов на текущий месяц. Чрезвычайно глубокомысленный доклад представил ещё один представитель ГМЦ РФ Д.М. Сонечкин: о прогнозах барического поля на основе “синхронизации планетарных волн”. (Ну, чрезвычайно умный доклад, только прогнозы были по качеству, судя по моей дневниковой записи, “фифти-фифти”).

После заседания участников совещания провели в машинный зал ГВЦ к суперЭВМ “Сгау”, где мы могли только через “амбразуру” узреть под красным кожухом, обеспечивающим стерильность, сам легендарный компьютер. Проводивший экскурсию глава ГВЦ В.А.

Анцыпович признался откровенно, что “эта гадина жрёт” до 200 тысяч рублей в месяц за электроэнергию, а загружена всего лишь на 30% своей вычислительной мощности.

В интервале времени между этими совещаниями руководство Гидрометслужбы разродилось новой идеей реформирования Службы. В конце февраля пришло письмо за подписью заместителя руководителя Росгидромета С.С. Ходкина об “оптимизации” структур Службы. Предлагалось объединить в каждом управлении гидрометцентры, ССИ, ЦМС и т.д., а в каждой области создать своё микроУГМС из 3-5 госслужащих. (Бред, да и только!) Но не этот проект грозил бедой.

В середине апреля мэр Москвы Ю.М. Лужков сделал скандальное заявление о том, что Гидрометцентр РФ систематически даёт неверные прогнозы, а потому он принял решение о расторжении соглашения с ГМЦ и будет создавать свою службу. (Накануне синоптики ГМЦ РФ “проморгали” интенсивный снегопад в Москве и Московской области.) По радио выступили главы Гидрометцентра и Росгидромета – А.А. Васильев (эмоционально) и А.И. Бедрицкий (сдержанно) – о природе и причинах ошибок в прогнозе погоды. Газета “Комсомольская правда” в довольно ехидной тональности сообщила о намерении мэрии Москвы привлечь к составлению прогнозов экстрасенсов и неформалов. Более объективной была статья журналиста В. Авербуха в “Известиях”, где со ссылкой на начальника УГМО Росгидромета В.А. Тренина сообщалось, что одна из главных причин неточных прогнозов – резкое сокращение количества метеостанций, отсутствие денег не только на метеоприборы, но и на телеграммы о погоде. Из 40 пунктов метеонаблюдений Московской области осталось не более двух третей. А между тем, до 1998 года такой сильный

снегопад в середине апреля отмечался всего лишь два раза за 120-летний период наблюдений.

Но маховик был запущен, и Гидрометслужба оказалась под угрозой ликвидации. Тем более, в последней декаде марта произошла очередная “чехарда” в Правительстве России: Б.Н. Ельцин отправил в отставку правительство В.С. Черномырдина, а на пост премьера предложил молодого (35-летнего) министра топлива и энергетики РФ С.В. Кириенко. Дважды Государственная Дума “прокатывала” эту кандидатуру. Лишь с третьей попытки, через месяц (23 апреля) Дума большинством голосов утвердила Кириенко главой Правительства РФ. А 3 апреля Президент России подписал Указ о ликвидации Росгидромета как самостоятельной федеральной структуры и передаче её функций Государственному Комитету РФ по охране окружающей среды. Предвидя вероятность такого рокового решения, примерно за неделю до указа глава Росгидромета А.И. Бедрицкий обратился с письмом к премьеру Правительства РФ с обоснованием принципиальной позиции о сохранении самостоятельности Росгидромета как специализированной государственной структуры с комплексом решаемых задач в интересах всех отраслей экономики, обороны страны и безопасности населения. В этом письме, в частности, говорилось, что “задачи, решаемые Росгидрометом и Госкомэкологией отличаются кардинальным образом. Для Роскомгидромета – это прогнозирование и тем самым снижение вероятности угрозы жизни людей и ущерба экономики от стихийных явлений природы. Для Госкомэкологии – защита природной среды от негативного воздействия человеческой деятельности.” Указывалось, что в соответствии с Конституцией РФ Гидрометслужба находится в федеральном ведении, в отличие от охраны окружающей среды и природопользования, которые относятся к

совместному с субъектами РФ ведению. В письме подчёркивалось, что “Росгидромет, осуществляя мониторинг загрязнения природной среды, даёт независимую информацию об эффективности проводимой природоохранной деятельности”. И поскольку Росгидромет выполняет конституционные обязанности государства в области гидрометеорологии, письмо завершалось призывом (несколько наивным) к главе Правительства “не допустить, чтобы на демократические реформы в стране легло пятно утраты части государственности России” (!).

Мы также протестовали против принятых властями решений в отношении Гидрометслужбы. Мой коллега, начальник ЦМС ЗСУГМС В.В. Селегей, и я участвовали в подготовке проектов обращений к Представителю Президента РФ в Новосибирской области И.В. Шмидту и Генеральному директору МАСС “Сибирское Соглашение” В.И. Иванкову., в которых ещё раз выражали обеспокоенность “намечаемой ликвидацией Росгидромета, которая чревата негативными последствиями для гидрометеорологического обеспечения населения и экономики”.

Многие СМИ поддержали нашу позицию. В одном из майских номеров газеты “Известия” в статье журналиста С. Лескова под интригующим заголовком “В России погоды больше не будет” говорилось, что генсек ВМО Г. Обаси прислал Президенту РФ Б.Н. Ельцину предупреждение о том, что Россия может быть исключена из членов ВМО, поскольку по уставу этой организации членами ВМО могут быть только те страны, которые имеют национальную метеослужбу как государственную структурную единицу. В статье Лескова выражалось недоумение принятым решением, поскольку экономия от сокращения управленческого аппарата Гидрометслужбы получалась мизерной. Приводились такие цифры: в центральном

аппарате Росгидромета всего 170 человек при общей численности работников Службы 32,5 тысячи человек. В центральном аппарате Госкомэкологии насчитывалось 400 человек при суммарной численности работников ведомства – 7,5 тысяч. Таким образом, заключал журналист, “удельный вес” управленцев на одного работника у метеорологов в 50 раз ниже, чем у экологов. И это ещё не всё. В своём расследовании журналист пошёл дальше и пришёл к выводу: “Аппетиты, конечно, возбуждаются бюджетом метеослужбы, который в 2,5 раза больше чем у Госкомэкологии”. Журналист добавил, что эти средства шли на содержание наблюдательной гидрометеорологической сети.

Несколько позже в “Известиях” появилась ещё одна статья, журналиста В. Гулина, в которой не без сарказма отмечалось, что объединение двух ведомств “подобно размещению под одной крышей прокуратуры и гильдии адвокатов”. Сообщалось, между прочим, что уже 140 начальников региональных подразделений Росгидромета направили письма премьеру С.В. Кириенко с “разъяснением вреда от слияния двух структур”.

Противостояние ведомств было продолжительным и острым, а результат было трудно предсказать.

В Новосибирске, на местном уровне, также “плелись” какие-то интриги против руководства Западно-Сибирского УГМС. Оказалось, что один из видных чиновников администрации Новосибирской области А.И. Петрик предложил П.Ю. Пушистову, который в то время руководил новосибирским филиалом ИВЭП, возглавить ЗСУГМС. Беседуя с Пушистовым (по его приглашению), я дал ему краткую информацию о составе наблюдательной и прогностической сети Управления, ведущих службах ведомства, некоторых экономических проблемах. Пётр

Юрьевич слушал всё довольно внимательно и сделал вывод: “Нет, это не по мне!”

В эти сумбурные дни начальник УГМС В.И. Зиненко вдруг обратился ко мне с предложением принять участие в семинаре работников гидрометслужб стран Восточной Европы, России и СНГ, который ВМО предложила провести в Праге в конце мая – начале июня 1998 года. Я согласился, хотя были сомнения, дадут ли мне соответствующие ведомства разрешение на выезд, поскольку ещё относительно недавно – 10 лет назад – я был связан с работами на Семипалатинском ядерном полигоне. Проблемы, действительно, были, но 29 мая, после энергичной ругани и быстрой оперативной связи с куратором нужного ведомства, я получил загранпаспорт, командировочные документы и деньги, купил авиабилеты туда и обратно до Москвы и Праги, поменял рубли на доллары.

31 мая в Шереметьево, после регистрации, пройдя по коридору, сразу попадаем в салон громадного “Боинга”: 2,5 часа полёта, и вот уже под нами чешская земля – аккуратные прямоугольники полей, остроконечные черепичные крыши. Пограничник в аэропорту проверяет мой паспорт, говорит “денькую” – можно идти. С плакатом, на котором написано Ягудин, меня встречает молодая чета. Муж – сын кассирши новосибирского отделения Аэрофлота, которая передала через меня подарок дорогому сыночку. Благодарные супруги дарят мне карту Чехии и Праги, проездной билет на 90 минут на любом транспорте, помогают обменять 100 долларов на чешские кроны (получилось 3 тысячи крон). Доехал, помнится, на метро до станции “Кочеров”, пересаживаюсь в автобус, нерешительно спрашиваю по-русски, доеду ли я до гостиницы “Дум”. Ответили сразу несколько человек, дружно и весело, тоже на русском – оказалось коллеги-

метеорологи из СНГ, тоже прибывшие на семинар: начальник Киевского Гидрометцентра Н.И. Кульбида, главный синоптик Казахского Гидрометцентра Л.А. Воронина, представители УГМС Узбекистана (Зайцева), Молдовы (Ельцова), Киргизии (Ивлева) и ещё кто-то. Портье гостиницы улыбнулась: “О! Приехал весь Советский Союз!” Поразил громадный (так мне показалось) двухкомнатный номер с тремя (!) кроватями, большой прихожей, массой шкафов, тумбочек, с вращающимися в горизонтальной плоскости большими окнами. Россию, кроме меня, представляла М.В. Петрова, главный синоптик УГМО Роскомгидромета, настоящая русская красавица с большими голубыми глазами. Она блестяще владела английским языком.

Спал первую ночь плохо, крутился. Встал по новосибирскому времени где-то в 10 часов, а в Праге было ещё только около 5 часов утра, но уже светло. Вышел на улицу. Обратил внимание на опрятные мусорные баки из пластмассы на колёсиках и с застёжками на крышках. Баки не были переполнены – похоже, мусоровозы приезжают несколько раз за сутки. Газоны тоже радовали глаз – недавно постриженные, без мусора. (Европа!) Шведский завтрак в ресторане гостиницы: бери любую еду, сколько хочешь. (А почему-то не хотелось!) Высокая молодая дама из чешского гидрометинститута сопровождала нас в автобус, на котором мы доехали до института. После регистрации зашли в аудиторию, все столы которого были оборудованы персональными компьютерами и наушниками. С приветственными речами на английском языке к нам обратились директор института И. Обрусник и представитель секретариата ВМО Х. Коотвал – иранка, жгучая темноглазая брюнетка. Работали синхронные переводчики, но порой они несли откровенную околесицу.

Далее последовали лекции доктора Петерсена (США) и камерунца Диалло, сотрудника секретариата ВМО, о системе сбора метеоданных для численного прогноза и технологии метеобеспечения авиации. Ошеломляла технологическая мощь индустрии Запада, которая позволяла обеспечить сбор ежечасных метеоданных примерно с 50 тысяч самолётов всех авиакомпаний мира для расчёта численных прогностических моделей разрешением 15-20 км. При этом, по трассам полётов строились прогностические вертикальные разрезы погоды с оценкой вероятности различных ОЯ для авиации, включая болтанку и оледенение. Однако (тут Петерсен сделал паузу), деградация наблюдательных сетей России и СНГ, аэрологической и метеорологической, вызвала падение качества численных прогнозов, даже для территории США (?!). Так мы ещё раз убедились в интернациональной и глобальной значимости погодной информации любого региона Земли!

Петерсен проводил и практические занятия с использованием ПЭВМ, на которых моя очаровательная коллега М.В. Петрова не только успевала нажимать на клавиши, но и помогать сидевшим за соседним столом начальнику Бакинского Гидрометцентра и синоптику из Братиславы. Оказалось, что бакинец тоже прилично владел английским. В конце первого дня учёбы госпожа Коотвал предложила всем курсантам подготовить реферат по лекции Петерсена. В этот день я ещё успел с помощью сотрудников чешского гидрометинститута отправить поздравительную телеграмму в Новосибирск своей супруге Тамаре – в этот день ей исполнилось 60 лет.

Поскольку на следующий день я опять проснулся ранним утром, то успел написать требуемый реферат. Затем мы с Мариной Викторовной его отредактировали, добавили

к нему некоторые замечания и пожелания по дальнейшему проведению занятий.

Насыщенными, информационно и интеллектуально, стали и последующие дни – до 5 июня. Понравилось предельно вежливое (даже изысканное) обращение Халиды Коотвал к курсантам: “Мы были бы счастливы начать наш семинар на полчаса раньше. Поэтому просим вас изыскать возможность завтра приехать пораньше”. (Каково?)

Запомнился долгий и сложный доклад профессора Петерсена по анализу и прогнозу сильных дождей в США с применением так называемого изоэнтропического метода. Мы, в СССР и России, только слышали о методе с таким названием, но никогда его не применяли. Австрийский учёный Пюмпень рассказывал о статистических методах прогноза погоды. Впечатлил нас его доклад о сложных численных моделях, описывающих обтекание воздушными массами горных систем Альп (эксперимент “Альпекс”); для этого эксперимента привлекались данные 4 тысяч (!) метеостанций, что позволило детально изучить формирование местных ветров (бора, мистраль и т.д.). После небольшого перерыва тот же Петерсен рассказал о борьбе метеорологов США с американскими законодателями (конгрессом), которые требовали снижения федеральных расходов на метеослужбу страны. Удалось доказать конгрессменам, что сокращение расходов и наблюдательной сети приведёт неизбежно к снижению качества прогнозов погоды. (“Молодцы!” – восхитился я американскими синоптиками.) Но тут же Петерсен добавил, что метеорологи, подсчитав внутренние ресурсы Службы, обеспечив сбор самолётных данных о погоде, информации ИСЗ, а также профиломеров ветра, всё же пошли на некоторое сокращение сроков аэрологического зондирования. (А вот тут я уже не был уверен, что это хорошо.)

В этот же день всем участникам семинара предложили рассказать кратко о метеослужбе своей страны или региона. Так, Кульбида поведал о синоптиках “щирой Украины”, Л.А. Воронина – о проблемах прогноза на просторах солнечного Казахстана, я обрисовал деятельность нашего Новосибирского РСМЦ, описал региональные численные методы прогноза и поделился опытом применения зарубежных моделей. Ещё я привёл примеры климатических экстремумов погоды: месячных аномалий и абсолютных максимумов (минимумов) температур. Заметил, что упомянутый мною диапазон температур – от плюс 40°C (летом) до минус 50°C (зимой) – вызвал у западных экспертов неподдельное изумление.

Следующий день семинара был посвящён развитию СГМО. В этот день активно выступала Х. Коотвал на тему: каким отраслям экономики, что, зачем, какие конкретно данные о погоде могут быть нужны для получения выгоды. Среди этой, довольно пёстрой информации, прозвучала чрезвычайно важная мысль, что в каждой стране должен быть один, и только один, орган, ответственный за своевременное предупреждение о возможных стихийных бедствиях и штормах.

Настала очередь британских экспертов: пожилого, но очень подвижного, Роджерса и молодого красавца Кейса. Они сообщили: британская метеослужба номинально входит в Минобороны Великобритании (но отдельной строкой), бюджет Службы за последние 3 года вырос с 20 до 150 миллионов фунтов стерлингов. (Не удалось выяснить, сколько это будет в рублях.) По словам Роджерса, британские синоптики за бюджетное финансирование передают только погодные сводки Би-би-си и штормовые предупреждения о стихиях для населения. А в основном служба заключает договоры с коммерческими структурами, изучает восприимчивость различных потребителей и

населения к информации о погоде. В качестве примера приводились данные о зависимости объёмов продаж мороженого, кока-колы и хлеба от прогнозов погоды.

Зашла речь о штормпредупреждениях стихий, повышении их заблаговременности до 5 суток (?!). Я не выдержал и обратил внимание, что численные прогнозы на такие сроки “грешат” ошибками: вместо предполагаемого на пять суток циклона при следующем расчёте часто прогнозируется уже иной процесс (антициклон). Роджерс улыбнулся и ответил, что для заинтересованных ведомств, например, морского министерства, штормпредупреждение с такой заблаговременностью даётся в вероятностной форме. А вот для населения они стремятся штормить с малой заблаговременностью – около суток – и в более категорической (определённой) форме. Я представил себе, как мы даём какому-нибудь чиновнику штормовую в такой формулировке: “В Новосибирске возможно усиление ветра до 25-30 м/с с вероятностью 80%”. Да он же ответит откровенным матом и будет требовать, чтобы мы точно сказали - будет ураган или не будет. Ну, не готовы психологически наши потребители к вероятностной форме погодной информации!

Удивила фраза заместителя директора метеоинститута Чехии Мариана о том, что у них основным источником заказов для метеослужбы являются средства массовой информации. Любезные хозяева даже устроили нам экскурсию в Чешский специализированный телецентр, где на базе данных метеоинститута (карты, снимки ИСЗ и пр.) и разработанной технологии обработки информации готовят сводки фактической и прогностической погоды для населения. Поразило и обратило на себя внимание то, что здесь редакторы и телеведущие имеют метеорологическое образование. Отсюда вывод – профессионализм при обработке и подаче информации обеспечивает её высокое

качество и доступность! Продемонстрировали нам “дождевую трубку”, от наклона которой зависит сила звука, как-бы отражающая мощность дождя.

В последний (пятый) день работы англичане провели деловую игру по СГМО. Нас разбили на несколько команд. М.В. Петрова, я и ещё несколько человек вошли в так называемую группу метеобеспечения газовой компании Северной Германии. Требовалось с учётом реальной синоптической обстановки (циклон, атмосферный фронт) составить прогноз погоды на сутки и выдать рекомендации газовикам. Мы все много и бурно обсуждали, спорили. К нам часто подходил господин Роджерс, улыбался, спрашивал: “О’кей?” Я отвечал утвердительно: “О’кей!” Вопреки сложившемуся стереотипу, Роджерс не был высокомерен: вёл себя дружелюбно, беседовал с любым человеком, мог вдруг запросто встать на колени возле соседнего стола и что-то рисовать на карте, объясняя курсанту недопонятое. По окончании игры каждая группа доложила свой результат – прогноз и рекомендации. Моя группа доверила отчитаться мне.

В завершение семинара Х. Коотвал грациозно и торжественно выдала каждому курсанту сертификат о прохождении курсов ВМО. Я решился на ответную речь и сказал “спасибо” на 7 языках: русском, чешском, татарском, английском, французском, немецком и итальянском. Закончив свою содержательную речь, я благодарно и галантно чмокнул ручку Халиды. Восторженное “о-о-о!” – это всё, что она смогла произнести.

Помимо учебных занятий была предусмотрена культурная программа. Утром предпоследнего дня курсов все участники семинара ВМО построились во дворе Чешского гидрометеорологического института, чтобы сфотографироваться вместе с руководством института и преподавателями курсов. Тогда же была запечатлена

трудолюбивая группа курсантов Росгидромета. После “фотосессии” нас возили в горный район Праги – Градчаны, где расположен президентский дворец с изнывающей от жары охраной, одетой в красивую театральную форму с разноцветными аксельбантами. Провели нас по улочкам, где сохранились мостовые XVI века, двухэтажные здания того времени с галереями и окнами в виде бойниц, в которых видны были муляжи рыцарских доспехов. Закончился этот день коротким прощальным банкетом, который радушные хозяева устроили для семинаристов. Директор института И. Обрусник зачитал приветствие участникам семинара на английском и русском языках, предложил тост за содружество метеорологов всех стран и удачные прогнозы. Комментируя речь руководителя, сидевший возле меня его заместитель, сказал, что чешский метеорологический институт входит в состав Министерства природных ресурсов и неплохо финансируется. По крайней мере, зарплата ведущих сотрудников достигает 200-300 долларов в месяц, да ещё предусмотрена шкала надбавок за стаж. Из впечатлений от застолья осталось воспоминание о “Бехеровке” – вкусном чешском травяном ликёре зеленоватого цвета и скромных холодных закусках. Не помню, чтобы были тосты или выступления кого-либо из преподавателей, да и курсанты отчего-то промолчали.

Впрочем, культурную программу по изучению “злата Праги” курсанты реализовывали и самостоятельно; чаще вечерами, после занятий. Уже 1 июня Игорь, тот самый сын аэропортовской кассирши, показал мне готические здания, красивые и торжественные, и несколько исторических местечек Праги: Вацлавскую площадь, Старе-Място с ратушей. Здесь на улицах вместо унылого серого асфальта уложена удобная и нарядная брусчатка. Старые дома и улочки, хотя и тесны, но живописны и ухожены. Игорь привёл меня на один из самых древних

мостов в Европе – Карлов мост. Он соединяет берега воспетой композитором Б. Сметаной реки Влтавы. С моста я бросил в воду десятикрановую чешскую монету, загадав желание вернуться сюда ещё раз когда-нибудь. (С того дня прошло 25 лет, и теперь уже абсолютно очевидно, что больше Прагу я не увижу.) Мы посидели в дебаркадере, переоборудованном в кафе. Пили, кайфуя, чешское пиво, говорили за жизнь. Оказалось, что моему собеседнику 26 лет, он работает в известной фирме “Тесла”, доволен своим жизненным комфортом. Потом снова бродили по городу. В памяти осталось, что в Праге изобилие общественных туалетов и пунктов обмена денег. (Невольно вспомнилось, что в городишке Старгороде, из знаменитой книги Ильфа и Петрова, на каждом шагу попадались парикмахерские и похоронные бюро.)

Были ещё незабываемые прогулки по вечерней Праге, когда весь город был в ярких огнях. В один из вечеров мы стояли у старинной Ратуши и зачарованно смотрели, как с боем часов открываются окошечки и перед зрителями проходят куклы – монах, смерть с косой... В другой вечер удалось попасть на концерт органной и вокальной музыки из произведений Моцарта, Баха и Вивальди в Соборе Св. Франциска. Пожилой чех, который помог нам попасть в зал собора, узнав, что мы из России, стал приговаривать, шутя: “Коммунисты научили нас петь, пить и говорить по-русски”. После концерта ещё долго любовались, как по красиво освещённым улочкам Старо-Място прогуливаются одетые, как в XVIII веке, в живописные камзолы господа и дамы в платьях с кринолинами – подходят к прохожим, галантно кланяются и о чём-то беседуют. (Чудо, как красиво и театрально!) А в ещё один вечер почти все курсанты ВМО, даже элегантная латышка Лайла, синоптик-стажёр и диктор Рижского телевидения, решили гулянуть в чешском ресторане в

полюбившемся нам районе Праги. Мы заказали бифштексы “Карл IV”, холодные закуски и пиво. Спиртное в ресторане оказалось дороговатым; выручила привезённая мной из Сибири водка “Посольская”, которую мы налили в один фужер и пускали весь вечер по кругу. Выпив “за дружбу и Гидрометслужбу”, мы с Кульбидой вышли на Карлов мост и заревели в два голоса украинские песни – “Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю” и “Всюди буйно квітне черемшина”. Затем я соло спел романс татарского композитора Р. Яхина “Кунелемдә яз” (“В душе весна”). (И эти песни звучали здесь - в центре Европы!) Уже была ночь, но мост был заполнен гуляющими туристами, которые нам бурно и весело аплодировали. Несмотря на позднее время городской транспорт работал чётко, и мы без проблем вернулись в гостиницу. Вообще, нас восхищала точность, с которой автобусы соблюдали расписание, в котором было расписано по минутам прибытие каждого из них на данную остановку. Мы даже иногда заключали пари, придёт ли автобус в указанное время. Нет! Скептик, подвергающий сомнению соблюдение графика движения транспорта, неизменно терпел поражение. Это же Европа, *ordnung*, как сказали бы немцы. Нас забавляли надписи и объявления в метро. Например, “Posor” (внимание!), “Приступ а наступ завирай” (двери закрываются).

Мы провели, уже самостоятельно, ещё один прощальный банкет – в номере у Кульбиды, славного представителя братского народа. Снова были тосты и заверения о дружбе и связи судеб всех метеорологов и синоптиков бывшего Советского Союза. Пели с Кульбидой грустные и задорные украинские и русские песни. Я снова показал несколько татарских песен и романсов.

6 июня, опять на “Боинге”, вылетели в Москву. Прощай, Прага! Прощайте, коллеги из Западного полушария и Европы, умные, дружелюбные, знающие!

Спасибо за науку и благие советы! Здоровья и успехов всем курсантам из бывших республик СССР!

Через день я уже докладывал об итогах Пражского семинара ВМО: кратко- на планёрке при руководстве УГМС, а подробно -ведущим специалистам Новосибирского Гидрометцентра и учёным СибНИГМИ. Раздал привезённые сувениры коллегам и друзьям.

Летом 1998 года борьба за сохранение Гидрометслужбы России была в разгаре. Эта борьба вызывала сочувствие у наших коллег из Прибалтики. 19 июня В.И. Зиненко привёз к нам после завершения Томского международного симпозиума гидрометеорологов начальника Гидрометслужбы Латвии Андриса, который на заседании руксостава ЗСУГМС рассказал о состоянии наблюдательной сети и службы прогнозов погоды в своей стране. Он выразил поддержку российским метеорологам в борьбе за суверенитет Росгидромета, говорил о происходящей у них модернизации гидрометстанций, поставке новых импортных метеоприборов, начавшейся автоматизации обработки данных метеонаблюдений. Между прочим, глава латвийских метеорологов зашёл к нашим синоптикам, выслушал мой рассказ о развитии атмосферных процессов и вероятном характере погоды на ближайшие дни. Его удивило, что в третьей декаде июня на юге Сибири ещё могут быть заморозки. (Действительно, 22-23 июня в Новосибирской области были заморозки, правда, слабые.)

Через неделю после возвращения из Праги, используя полученные там “уроки”, я написал статью для “Советской Сибири” о катастрофическом состоянии Гидрометслужбы России. В статье говорилось, что из-за указа Президента РФ о ликвидации Росгидромета и прихода к власти премьера С. Кириенко Россия “становится единственной страной в мире, не имеющей

самостоятельной гидрометеорологической службы”, и потому “речь может идти о потере Россией её научного и прикладного статуса в области метеорологии и превращении её в придаток метеорологической империи Запада”. Многие страны Европы и Азии, писал я, вкладывают немалые средства в развитие наземной гидрометеорологической сети наблюдений, систем сбора и обработки данных на базе искусственных спутников Земли, профиломеров ветра, доплеровских локаторов и создание на этой базе мощных математических моделей прогноза погоды для нужд экономики, в то время как российское руководство планирует 50-процентное сокращение сетевых органов Росгидромета. (Тут я немного погорячился – из Москвы пришли реестры, предусматривающие оплату производственных расходов в размере 60% от требуемой суммы.)

Статья своей резкостью смутила заместителя редактора газеты Р. Нотмана, который отказался её публиковать. Газета “Честное слово” тоже отказала мне в публикации. Лишь “Вечёрка” (газета “Вечерний Новосибирск”) рискнула, вернее, заместитель редактора газеты В.В. Нарбут, который дал название статье “Ротный кругозор” (выпуск 8 июля). Такой заголовок возник потому, что я завершал свою статью ироническим упоминанием об узком (“ротном”) кругозоре “реформаторов” Росгидромета, реализующих идеи развала Службы, но при этом пребывающих в розовых мечтах о повышении качества прогнозов. Каким-то образом статья “дошла” до Алтая, где в начале августа была опубликована в бийской еженедельной газете “Постскриптум”.

Этим же летом, переполненный знаниями и энергией, полученными на Пражском семинаре, я положил на стол руководству УГМС докладную записку, подготовленную вместе с начальником отдела

гидрологических прогнозов ГМЦ В.Ф. Богдановой, о состоянии наблюдательной сети Западно-Сибирского УГМС и, особенно, о негативном влиянии изреженности гидрологической сети на качество прогнозов гидрологических СГЯ, В докладной, в частности, обращалось внимание, что в России один пункт гидрологических наблюдений приходится на 5 тыс. км², а в Китае – на 0,6 тыс. км², Бразилии – 2,6 тыс. км², США – 0,4 тыс. км². Говорилось и о том, что подготовка гидрологической сети к паводку стала тяжёлым испытанием – не хватает средств на приобретение приборов, запчастей, ГМС, лодок, спецодежды, оплату услуг связи. Отсутствие информации или наблюдений по многим малым рекам обслуживаемой территории не даёт возможности предсказать характер весеннего половодья и возможных зон подтопления. (В качестве примера приводилась экстремальная весенняя водность реки Чая у села Подгорное весной 1998 года, с повторяемостью 1 раз в 40 лет, которая не была предсказана.)

Призыв принимать экстренные организационные и экономические меры по реанимации наблюдательной сети был “гласом вопиющего в пустыне”. Добавлю, что в первом полугодии 1998 года долги нашего УГМС Минсвязи превысили 400 тыс. рублей. Более половины метеостанций Новосибирской области лишились возможности передавать в прогностические органы Росгидромета наблюденную и штормовую информацию. Свыше 20% гидрологических постов не проводили измерения расходов воды либо оценивали их приближёнными методами.

Как я уже упоминал выше, наиболее сложная паводковая ситуация весной сложилась в Томской области в бассейнах рек Чая и Чулым, где в четырёх районах были подтоплены населённые пункты, дома, мосты, дороги, 6000 га сельхозугодий. После штормпредупреждений

гидрологов было эвакуировано 1150 человек. К сожалению, в ту весну упало качество долгосрочных гидрологических прогнозов: дат вскрытия – до 56%, уровней воды – до 68%, что было хуже результатов 1997 года на 9-30%.

Всех нас – руководителей и прогнозистов Гидрометслужбы – вывело из равновесия, буквально взорвало, событие, произошедшее 25 июня 1998 года. В этот день начальник Заельцовского районного управления по делам ГО и ЧС направил во все структуры МЧС города штормовое предупреждение о возможности в период 26-30 июня чрезвычайной ситуации в связи с “ожидаемой бурей”. Предупреждение было ложным и необоснованным, но в городе вспыхнула паника. В Гидрометцентр без конца звонили представители СМИ. Вместо спокойной оперативной работы мы были вынуждены заниматься разъяснением и разоблачением фейковой информации. В городском штабе ГО и ЧС мне обещали наказать не в меру ретивого работничка районного масштаба. Приезжала телевизионная группа 12 канала местного ТВ: я обрисовал реальную погодную обстановку и объяснил, что в данной ситуации был нарушен только что принятый ФЗ о Гидрометслужбе, согласно которому выпуск штормовой информации о СГЯ могут осуществлять только специально уполномоченные органы исполнительной власти – структуры Росгидромета. В интервью я ещё рассказал о практике штормовых предупреждений в других странах. (И здесь не обошлось без Пражской встречи!) Казалось бы, инцидент исчерпан, но нет! Некоторые новосибирские СМИ всё же обвинили синоптиков в неудачном прогнозе урагана. А руководству ГО и ЧС не хватило мужества публично раскаяться в своих недостойных действиях.

Июньские заморозки сменились аномально жаркой погодой во второй половине лета (июль–август), которая сопровождалась атмосферной и почвенной засухой на юге

Западной Сибири. Впрочем, засушливость наблюдалась и в первую половину лета (третья декада мая-июнь). Максимальные температуры воздуха в июле достигали плюс 29...34°C, кое-где до 40°C. Местами на 2...3°C были перекрыты климатические рекорды абсолютного максимума температуры. Резко повысился уровень пожароопасности лесов; к середине августа по Новосибирской области было выявлено около 1400 очагов лесных пожаров. Летом наш Гидрометцентр давал в адрес Управления лесного хозяйства штормовые предупреждения о высоком (4-5 класса) уровне пожароопасности; их успешность, как правило, превышала 90%, а в отдельные периоды доходила до 98%. Наши коллеги из РЦПОД научились уточнять расположение очагов пожаров по данным ИСЗ. СМИ сообщали о негативном влиянии жары на здоровье людей: количество вызовов скорой помощи в Новосибирске возросло втрое.

Засуха обусловила ухудшение состояния посевов сельхозкультур до уровня – плохое. В Новосибирской области засуха повредила 350 тыс. га зерновых, на Алтае – 250 тыс. га, в Кемеровской области – 100 тыс. га. Жаркая, сухая погода предусматривалась нами, в основном, в краткосрочных и декадных прогнозах. Элементы засушливой погоды были даны и в месячных, и в сезонных прогнозах. Агропрогнозисты Гидрометцентра составляли для Управления сельского хозяйства Новосибирской области справки о неблагоприятных агрометусловиях на территории области, которые использовались аграриями для обоснования необходимости финансовой помощи Правительства РФ. Засушливая погода обусловила маловодье в верхней части бассейна Оби, снижение уровня воды в реках ниже параметров судового хода, начиная со второй декады июля, что было предусмотрено

гидропрогнозистами нашего Гидрометцентра краткосрочными и долгосрочными прогнозами.

В конце августа 1998 года вместе с ведущим гидрологом ГМЦ О.В. Лавринович мы участвовали в работе совещания водопользователей при ВОБВУ. Заседание вёл Г.И. Зеленский, который доложил собравшимся о критическом дефиците водных ресурсов в бассейне Оби, что создавало серьёзные проблемы для судоходства, энергетики и работы водозаборов. Мы доложили неутешительный прогноз притока воды в Новосибирское водохранилище на сентябрь и последний квартал года. Зеленский отметил, что при такой ситуации с водными ресурсами зимой возможны веерные отключения электроэнергии. А потому на совещании было принято решение о жёсткой экономии воды и уменьшении сбросов воды в нижний бьеф Новосибирской ГЭС.

В первой половине августа в газете “Советская Сибирь” была опубликована моя статья “Это жаркое, жаркое, жаркое лето - 98” об аномальной летней погоде на юге Западной Сибири. На нескольких телевизионных каналах Новосибирска прошла серия моих интервью о причинах рекордной жары и её последствиях. Об этих самых последствиях 14 августа, по телефону, эмоционально, вставляя матерные слова, мне говорил начальник департамента земледелия Новосибирской области Наумов. Жалуясь на жару и засуху, он буквально умолял меня сказать, когда же будет этому конец. Я рискнул ему сказать, что 16-17 августа; к счастью, этот прогноз оправдался: в названные дни прошли сильные дожди (в Новосибирске и по области до 30-40 мм), да и жара ослабла.

17 августа 1998 года правительство С.В. Кириенко заявило о дефолте – прекращении выплат по обязательствам государства, а 23 августа Б.Н. Ельцин отправил в отставку это правительство. Кризис рыночной инфраструктуры и

банковской системы разогнал высокую инфляцию и рост цен (на масло, крупы, макароны, чай – в 3-4 раза). По оценкам экономистов реальные доходы россиян снизились примерно на треть.

Судьба Гидрометслужбы висела на волоске, тем более, что по новому указу Президента РФ от 19 августа Госкомитет по охране природной среды был переименован в Государственный комитет по охране природной среды и гидрометеорологии, а министр новой структуры В.И. Данилов-Данильян поспешил направить во все УГМС сообщение “о подчинении организаций упразднённого Росгидромета органам Госкомэкологии”.

В конце августа Б.Н. Ельцин предложил вернуть на пост премьера В.С. Черномырдина. Тут же последовала реакция лидера Гидрометслужбы А.И. Бедрицкого, который телеграммой сообщил всем УГМС, что ввиду смены Правительства руководство Службы обратилось в верха с просьбой о восстановлении Росгидромета в качестве самостоятельной структуры. Но кандидатура Черномырдина при голосовании в Думе не прошла: только 95 голосов “за” и 240 – “против”. Тогда Президент РФ предложил на пост премьера Е.М. Примакова, политического “тяжеловеса”, крупного дипломата. 11 сентября Дума утвердила его в этой должности. Стало известно, что новое правительство делает ставку на увеличение государственного регулирования экономики, предотвращение инфляции, что вызвало у многих симпатию. Либеральные СМИ (например, газета “Известия”, журналист С. Доренко и др.) относились к этому правительству с недоверием, называя его “консервативным кабинетом”, “правительством осторожных парашютистов”. (!?)

В этот же самый день, 11 сентября, из Москвы в наш адрес поступили две телеграммы с абсолютно

непримиримыми требованиями. Первая – от В.И. Данилова-Данильяна: “С 00 часов 11.09 управление упразднённым Росгидрометом переходит к Комитету по экологии”. Вторая телеграмма от А.И. Бедрицкого: “Продолжаю исполнять обязанности главы Гидрометслужбы и никому другому не подчиняюсь”. (!) (Правда, здесь можно снять шляпу перед мужеством и стойкостью лидера многострадальной Гидрометслужбы?) Через две недели пришла долгожданная весть из Москвы – Гидрометслужба остаётся независимой. Ура!

В начале октября 98-го года в Новосибирске на площади Ленина состоялся грандиозный митинг протеста трудящихся города против политического курса Ельцина под лозунгом “Ельцина – на нары!” Один из лидеров левой оппозиции, по фамилии Швец, истерически кричал: “Здесь некоторые призывают – Ельцина на мыло! Я - против! Нам не нужно дрянного мыла!” Какая-то малограмотная бабушка, с трудом зачитывая кем-то написанный текст воззвания, призывала собравшихся организовать “мамичмент” Президента. (Да, за эти годы авторитет Бориса Николаевича для многих упал “ниже плинтуса”.) В последующие дни центральная пресса и телевидение охотно демонстрировали признаки “старческой” немощи у нашего Президента. То он во время визита в Ташкент чуть не падает, сходя с трапа самолёта; его успевает поддержать Президент Узбекистана И.А. Каримов. То во время беседы с вице-премьером Правительства С.В. Степашиным Борис Николаевич периодически явно сбивался с хода мысли. Так, начав фразу: “Мне нравится, что вы всё больше и больше...”, Президент надолго задумался, но всё же смог закончить: “...прибавляете в работе”. В ноябре транслировалась встреча Б.Н. Ельцина с главой КНР Цзян Цзэминем, которого он принимал прямо в больнице, где

проходил лечение от воспаления лёгких. Телезрители могли видеть исхудавшее лицо главы России.

В этот во всех отношениях тяжёлый и сумбурный год произошло обострение кадровой проблемы в нашем Гидрометцентре. В 20-х числах января 1998 года я готовил представление главного синоптика ГМЦ Л.Н. Староватову на присвоение ей звания “Заслуженный метеоролог РФ”, обрадованный только что поступившим указом Президента РФ о присвоении этого высокого звания В.В. Селегею и ветерану Службы Я.А. Гусеву. Людмила Николаевна была, как всегда, бодрa и энергично занималась организацией учёбы синоптиков работе на АРМ ‘Гисметеo’, недавно установленному прибывшими из Москвы специалистами ГВЦ. И тут вдруг, всего через 10 дней, она заболевает и ложится в больницу. Болезнь оказалась тяжёлой. В феврале и в мае были сделаны две операции (последняя длилась 4 часа). В конце июня Людмила Николаевна позвонила и, плача, сообщила о приговоре врачей – нерабочая группа инвалидности. В конце июля мы с её подругой Т.С. Селегей, научным сотрудником СибНИГМИ, отвезли ей трудовую книжку и полагающиеся деньги. Людмила горестно вздохнула: “Это - всё”. Посидели, вспоминая молодые годы, поговорили о трудностях и радостях профессии. Она опять вздохнула: “Хорошо вам...Вы ещё работаете”.

Известие о присвоении Л.Н. Староватой звания “Заслуженный метеоролог РФ” поступило в УГМС 20 ноября. В декабре я завершил статью о деятельности главного синоптика ГМЦ для областной газеты, которая после одобрения редакции была опубликована в “Советской Сибири” уже в январе нового 1999 года.

В разгар болезни Людмилы Николаевны я рекомендовал назначить и.о. главного синоптика Г.П. Торубарову, которой недавно, 10 апреля, исполнилось 50 лет. Опытный синоптик с большим стажем работы в

авиационных, краткосрочных и долгосрочных прогнозах. На моё ходатайство начальник УГМС В.И. Зиненко наложил резолюцию: “Ищите молодых!” Через месяц, с трудом, он согласился на кандидатуру Т.Э. Дубиковской, которая была моложе Галины Петровны на 5 лет. Татьяна Эдуардовна “справляла” работу главного синоптика с мая до конца сентября.

А в начале октября вышел приказ о создании в Западно-Сибирском УГМС отдела контроля гидрометеобеспечения народного хозяйства и наблюдательной сети под руководством Т.Э. Дубиковской. Работники отдела получили статус государственных служащих с определёнными служебными и финансовыми льготами. Кроме Дубиковской в этот отдел перешёл А.Г. Каминский. Пришлось принимать срочные решения по ликвидации “вакуума” в руководстве ГМЦ. Мои предложения о назначении главным синоптиком Л.И. Тарлыковой и Г.П. Торубаровой (повторно) В.И. Зиненко вновь отверг и от себя предложил кандидатуру И.А. Мартыновой, синоптика отдела краткосрочных прогнозов погоды. Несмотря на отсутствие у Ирины Андреевны опыта в долгосрочном прогнозировании, я вынужден был согласиться с предложением (а точнее – решением) руководства УГМС, и с ноября Мартынова стала главным синоптиком ГМЦ.

Несколько проще решился вопрос о новом заместителе начальника ГМЦ по вопросам работы с наблюдательной сетью. Как раз в ноябре вернулась в Новосибирск Т.Д. Геттинг, которая несколько лет работала в водохозяйственных организациях Южного Урала (г. Челябинск). До отъезда на Урал она работала в отделе метеорологии ГМЦ, ведя большую методическую работу с наблюдательной сетью по вопросам проведения метеорологических наблюдений и обработки информации.

Учитывая её громадный опыт и знание технологии многих видов гидрометнаблюдений, я предложил ей стать моим заместителем. Она согласилась. Подписывая мою докладную о назначении Тамары Давыдовны, В.И. Зиненко спросил: “И зачем вы её берёте?” Я сначала отшутился, а затем напомнил, что Геттинг начала работу в Гидрометслужбе Советского Союза с конца 60-х годов на ТДС горных районов Памира и знает тонкости метеонаблюдений и обработки информации во всех деталях, как говорится, изнутри; её знания и опыт будут, конечно, полезны для методической работы с нашей сетью. Моё кадровое решение поддержал Р.Я. Гесс. В общем, в начале декабря 1998 года я на очередной планёрке смог представить руководителям отделов Гидрометцентра своих новых заместителей.

После смены состава Правительства России какие-то позитивные сдвиги, похоже, произошли в финансировании Гидрометслужбы. К концу года после напряжённых переговоров с руководством и ПЭО УГМС удалось значительному числу сотрудников ГМЦ поднять надбавку за специфику работы с 45 до 50%, установить персональные надбавки трём начальникам отделов: В.М. Дубиковскому, Г.И. Гращенковой, В.Г. Осокиной (как указывалось в приказе, за напряжённость). Удалось согласовать такой немаловажный социальный вопрос, как количество отпускников в летнее время. Экономисты требовали, чтобы количество отпусков в подразделениях распределялось равномерно в течение года. В.И. Зиненко согласился на наше предложение, чтобы в летний период (II и III кварталы) только по 25% отпускников получают отпускные деньги. Если желающих отдохнуть будет больше, то остальные получают свои деньги в другие сроки, например, в IV квартале.

В 1998 году в сибирской Гидрометслужбе не обошлось без потерь. Почему-то почти все печальные события были связаны с гидрологами. 11 июня состоялись похороны ветерана войны и Гидрометслужбы, бывшего начальника отдела гидрологии Новосибирской гидрометобсерватории Е.В. Тархова. Через три месяца внезапно скончался В.П. Ергин, ведущий гидролог СибНИГМИ, кандидат географических наук, которому было всего лишь чуть больше шестидесяти. В конце ноября хоронили ещё одного гидролога института – В.В. Лысенко, который занимался масштабными исследованиями русловых процессов на реках бассейна Оби. И если панихида по Ефиму Васильевичу проходила в жаркую, душную погоду, то прощание с Лысенко пришлось на период сильного мороза: температура опускалась ниже минус 35°C. А средняя температура третьей декады ноября была на 10...15°C ниже нормы. Таких морозов не было в последние 50 лет: ближайший аналог -1944 год. Для проводов В.В. Лысенко в последний путь прибыли, помимо руководства СибНИГМИ, сотрудники института и Обской гидрометобсерватории, ветераны-гидрологи, бывшие работники лаборатории русловых процессов. На поминках о Валентине Васильевиче все говорили очень тепло. Мне почему-то особенно запомнилась несколько рискованное по смыслу высказывание О.В. Лесневской: “Я не знаю, кому он сделал хорошо, но плохо точно никому не сделал”. В те годы Лесневскую называли “железной леди Новосибирска”. Вместе с небезызвестным А.П. Мананниковым они представляли какое-то оппозиционное крыло общественного движения либерального толка.

Отдушиной после горестных и скорбных событий стало посещение торжественного собрания и банкета, посвящённых 30-летию организации РЦПОД – нашего знаменитого спутникового центра – по приглашению его

нового начальника В.Н. Копылова. Торжества состоялись в загородном здании Центра, расположенном в лесистой части Нового Посёлка (юго-восточнее Академгородка). Коллектив РЦПОД, его ветеранов всех поколений чествовали В.И. Зиненко, от имени руководства Росгидромета и УГМС, и Г.Н. Ерохин - от лица ВЦ СО РАН и Центра космического мониторинга Сибири. И.В. Колотовкин, руководитель РВЦ, поздравил спутниковый центр от имени “вычислителей”. Произнося здравицу от коллектива Новосибирского Гидрометцентра, я использовал написанные по этому случаю стихи гидропрогнозиста Л.А. Мельниковой, нашей поэтессы, в синтезе со своим посланием в прозе. Я говорил не только о высокой значимости спутниковой информации при анализе и прогнозе гидрометпроцессов в Западной Сибири, но и о необходимости дальнейшего развития методов обнаружения зон СГЯ (ОЯ) на базе данных ИСЗ. В заключение я подарил коллективу-юбиляру настенный календарь на 1999 год с изображением восхитительного буруза верхом на громадной добродушной собаке. Дарственная надпись на календаре гласила: “30-летнему РЦПОД от 15-летнего Гидрометцентра”, ведь летом 1998 года нашему ГМЦ исполнилось полтора десятка. Тронутая моей речью, ко мне подошла бывшая работница Центра и прочла стихотворение-экспромт, которое начиналось так: “Юбилей я отмечала и Рената повстречала”. Это было приятно и трогательно. Много было спето в тот вечер песен. Танцевали тоже много – и фокстроты, и танго, и вальсы. В общем, прекрасно отдохнули и повеселились. Спасибо, коллеги!

Научная жизнь в этом году проходила в более стеснённом финансово состоянии. На прошедшем в сентябре совместном заседании Учёного Совета СибНИГМИ и Технического Совета ЗСУГМС директор

института В.М. Топоров доложил о катастрофическом недофинансировании - зарплату последний раз сотрудники получили только за апрель. А потому, продолжал Владимир Михайлович, ни одна плановая тема НИР в 1998 году не будет завершена, ни по одной теме нет даже кратких квартальных отчётов и актов приёмки. В конце октября состоялось скромное по числу участников заседание НКС Урало-Сибирского региона, на которое смогли приехать только наши ближайшие коллеги – красноярцы (В.В. Ерёмин и Д.А. Бураков). Нельзя сказать, что учёным нечего было доложить о своих достижениях и планах. Ветеран науки И.Г. Храмцова и ещё очень молодой научный сотрудник М.Я. Здерева рассказали о разработке синоптико-гидродинамико-статистического прогноза сильного ветра ($>25\text{ м/с}$) для Западной Сибири на 1-3 суток. Это было серьёзное достижение в деле прогноза опасных метеорологических явлений для нужд экономики и здоровья населения. Смущало только, что при неплохой общей оправдываемости метода довольно низкой оказалась предупредительность ОЯ и успешность прогнозов наличия явления (менее 50%). Поэтому мы рекомендовали пока метод внедрить в качестве консультативного и всё же продолжать дальнейшие исследования. Обнадёживающие результаты в области прогноза неблагоприятных для авиации явлений погоды получил сотрудник лаборатории авиационной метеорологии Д.А. Осипов. Правда, во время дискуссии некоторые ораторы предлагали НИР этого направления перевести на смешанное финансирование, то есть с участием авиапредприятий – созаказчиков этих работ. (Честно говоря, не знаю, была ли когда-либо в нашей стране эта идея реализована.) Интересные результаты, пока предварительные, представила сотрудница отдела агрометеорологии В.В. Набока по проблеме прогноза урожайности картофеля. На заседании развернулась

дискуссия об использовании в долгосрочных прогнозах погоды так называемых солнечно-атмосферных связей. И если В.В. Ерёмин и я высказались на эту тему в сдержанных формулировках, то наш руководитель В.И. Зиненко безоговорочно одобрил: “Пусть пробуют!”

Инициативную и масштабную работу задумал в этом году начальник Новосибирского ЦМС В.В. Селегей: написание монографии о природно-климатических и гидрологических условиях Телецкого озера – жемчужины Горного Алтая. По заказу Валентина Васильевича я написал для этой монографии раздел о формах циркуляции атмосферы на юге Западной Сибири и, конкретно, над акваторией озера. Я использовал различные литературные источники, собственные исследования и фундаментальные монографии, особенно А.А. Гирса и В.В. Орловой.

1999 год начался с ярких кадровых решений. В первых числах января стало известно, что директором Гидрометцентра Росгидромета стал А.В. Фролов – энергичный, молодой учёный-океанолог, а его заместителем назначили не менее известного Р.М. Вильфанда, который мне был “идеологически” ближе по отношению к долгосрочному прогнозированию погоды. Говорили, что А.А. Васильев, прежний руководитель ГМЦ, перешёл на работу в МГУ,

Не отставала в кадровых вопросах и сибирская Гидрометслужба. Начальником только что организованного Горно-Алтайского ЦГМС была назначена Л.Н. Тыдыкова – опытный специалист, агрометеоролог по профессии. В начале февраля она приезжала в Новосибирск, сделала яркий доклад об итогах гидрометобеспечения за прошлый год по территории Горного Алтая. Доклад изобилует интересными фактами, цифрами, но показался мне утомительно долгим: Людмила Николаевна отличалась увлечённостью деталями своей работы. Да и всё итоговое

совещание длилось более 3 часов! А новым начальником Гидрометцентра Иркутского УГМС стала Т.Г. Дикан, климатолог с большим стажем работы. Весной она приезжала в Новосибирск, как тогда говорили, для обмена опытом работы. Она побывала на двух заседаниях Технического Совета Западно-Сибирского УГМС, где обсуждались итоги деятельности за март и готовность сети к летним агрометнаблюдениям. Мы обменялись с Дикан информацией о структурах, штатах и деятельности руководимых нами гидрометцентров.

И, наконец, на январской планёрке руксостава УГМС В.И. Зиненко объявил о создании в структуре Управления Метеоагентства в целях развития договорной деятельности и специализированных услуг гидрометобеспечения (СГМО). Начальником нового Агентства назначалась Л.С. Хайбуллина, в прошлом научный сотрудник СибНИГМИ. Была она женщиной не только энергичной, но и весьма речистой. Во время переговоров с потенциальными заказчиком, доказывая необходимость для него нашей гидрометинформации, она могла заговорить его до полусмерти. Необходимость в такой структуре, наверное, действительно была, так как в 1998 году договорная деятельность нашего Управления деградировала. Так, в I полугодии было заключено всего 109 договоров, что на 52 договора меньше, чем в 1997 году. Из заключённых на сумму около 13 млн рублей договоров реально оплачены были договора в объёме только 14,3% (1млн 850 тысяч рублей), из которых 80% средств приходилось на авиаметобеспечение. Да и во многих случаях расчёты за СГМО производились в виде взаимозачётов (по бартеру).

В том же январе 98-го года из Москвы (от Росгидромета) поступили рекомендации о работе со СМИ, весьма содержательные и яркие: чувствовалась рука моего

коллеги по Пражскому семинару ВМО М.В. Петровой. В рекомендациях обращалось внимание на необходимость терпеливо и доступно, с фактами и доказательствами, опираясь на законодательную базу, показывать высокий уровень качества фактической и прогностической информации, выдаваемой организациями Росгидромета. А в 1999 году отмечался какой-то удивительный всплеск активности всякого рода “неформалов”, лжепророков, псевдоучёных самых разных направлений. Информационный сумбур вносили прогнозы зарубежных и, к сожалению, российских (фирма “Фобос”) структур, распространяемых через интернет. Нередко эти информационные вторжения приводили к свёртыванию договорных отношений между СМИ и органами Гидрометслужбы.

Но нет худа без добра! На 25 января Кемеровская ГТРК, опираясь на интернет-прогнозы, ориентировала кемеровчан на утреннюю температуру в пределах минус 7...12°C. Фактически же температура в районе Кемерово понижалась до минус 35°C. Произошли массовые случаи обморожения горожан, включая детей школьного возраста. Понадобилось вмешательство губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, чтобы местная ГТРК заключила договор с Кемеровским ЦГМС на получение достоверной информации о прогнозе погоды. (Так и хочется воскликнуть: “Да здравствует умная власть!”) Ещё один пример проявления разумного администрирования в том же регионе – департамент сельского хозяйства Кемеровской области, несмотря на рекомендации Минсельхоза РФ, отказался от услуг фирмы МНПП “Дружина” и заключил договор на агрометпрогнозы и информацию с Кемеровским ЦГМС.

Уже с января 1999 года в некоторых СМИ началась истерия по поводу возможного сценария весенне-летнего

половодья. 18 марта газета “Советская Сибирь” опубликовала совершенно бредовую статью новосибирской журналистки Эльвиры Новиковой “Апокалипсис наших дней”, где, со ссылкой на псевдоучёных фирмы “Экопрогноз”, утверждалось, что 11 августа планеты Солнечной системы придут в крестообразное расположение, а потому вращение Земли замедлится, что вызовет развитие океанических волн километровой высоты и, поэтому, затопление обширных равнинных районов европейской части России, Западной Сибири (до предгорий Алтая). Подогрела истерию “Комсомольская правда”, утверждая в марте: “Россия утонет! Зальёт полстраны – самое страшное за последние 50 лет наводнение!”. Иллюстрацией к статье была карта, на которой добрая половина территории Новосибирской, Томской областей, Алтайского края была закрашена тёмным цветом, как зона максимального подъёма воды. Некто В. Стальнов, который рекомендовал себя как “действительного члена Русского географического общества и ассоциации исследователей-прогнозистов”, разослал в структуры ГО и ЧС свой прогноз половодья. Некоторые организации, например, Венгеровский районный штаб по ГО и ЧС, доверились ему, но затем реальные природные события показали необоснованность этого прогноза.

В начале марта заместитель начальника УГМС Р.Я. Гесс и я были на заседании КЧС Новосибирской области, которое проводил глава Комиссии В.С. Матвеев. Мне он показался энергичным, волевым чиновником. Предварительный сценарий половодья, составленный гидропрогнозистами ГМЦ под руководством В.Ф. Богдановой, доложил Р.Я. Гесс. Доложил динамично, отметив вместе с тем кризисное состояние информационной работы нашей наблюдательной гидрологической сети. Призыв о помощи был услышан: в

предпаводковый период для восстановления гидрологической сети помимо средств федерального бюджета были использованы средства субъектов РФ.

Максимальные уровни половодья ожидалось и реально были, в основном, около и меньше нормы. Наивысшими (на 2-3 метра выше нормы) они были, как и в прошлом году, на реках Томской области (Парабель, Чая и др.). В зоне подтопления оказались 16 населённых пунктов, было отселено 460 человек. Высокая вода стояла 22 дня. В середине апреля при формировании кратковременного затора на реке Карасук Новосибирской области в ряде сёл Кочковского района подтапливалось 67 домов, было отселено около 200 человек. Подтопления были предсказаны штормпредупреждениями за 1-7 суток, а также долгосрочными прогнозами с заблаговременностью 20-40 суток.

Вместе с тем, в нашем прогнозе мы указывали, что в бассейне малых рек вблизи Новосибирска (реки Тула, Каменка, Ельцовка) снегозапасы превышают норму и, чтобы избавить город от неприятностей, надо своевременно организовать очистку русел малых рек и вывоз снега за городскую черту. В моей статье “Паводки и пророки”, опубликованной в “Советской Сибири”, говорилось, что “весенние паводки в России – это не столько природное, сколько социально-экономическое явление”. “Чтобы противостоять паводку, нужна реализация противопаводковых мероприятий”, - писал я далее. К сожалению, эти мероприятия не были полностью выполнены. А потому, “три великие сибирские реки“, как позднее с иронией говорил глава КЧС, в середине апреля подтопили десятки домов в Новосибирске, садовые участки, автодорогу от города до аэропорта Толмачёво, пешеходный мост через реку Тула. Пришлось даже отселить более 150 человек.

Упомянутую статью я завершал призывом к журналистам, чтобы они “трезво, объективно освещали природные события, не занимались кликушеством и истерией, не сеяли панику и, в конечном счёте, способствовали мобилизации всех сил общества на борьбу со стихией”. Позднее я пытался в разговоре с журналисткой Э. Новиковой убедить её следовать этому моему призыву, но мне это не удалось: она ответила набором бредовых мистических теорий о близком конце света. Летом Р.Я. Гесс, обеспокоенный проблемой сохранения труднодоступных метеостанций Горного Алтая, ездил в Горно-Алтайск на переговоры с руководством ЦГМС. Вернувшись, он удивил меня сообщением, что немало людей, поверивших в катастрофу 11 августа, спасались в горах Алтая от грядущего наводнения.

Наступившее в конце концов 11 августа было, кажется, самым спокойным по состоянию погоды днём не только в России, но и в большинстве регионах мира.

Более сложными были отношения с одним из “гуру” неформалов – В.А. Понько. В конце 90-х годов он был руководителем ООО “Экопрогноз”. Да-да, той самой фирмы, на которую ссылалась журналистка Э. Новикова, возвещая о грядущем 11 августа 1999 года катастрофическом наводнении. Правда, сам Понько категорически отрицал своё личное участие в составлении этого бредового прогноза. Несмотря на подмоченную репутацию фирмы, Понько пользовался поддержкой некоторых видных чиновников Новосибирской области, например, А.И. Петрика, который курировал гидрометеорологию в регионе. В начале марта этого года В.А. Понько дал интервью газете “Вечерний Новосибирск” о влиянии космических факторов на формирование аномалий погоды и стихийных явлений в приземном слое как глобального, так и локального масштаба. Он отвергал

упрёки оппонентов в том, что, пытаясь предсказывать СГЯ, не имея на это разрешительных документов, он тем самым нарушает ФЗ о монопольном праве организаций Росгидромета на такие штормпредупреждения. Он даже заявил, что требовать у него разрешение на составление таких прогнозов - всё равно, что требовать лицензию у Коперника. (Каково?!)

Наш руководитель, В.И. Зиненко, грезил о создании с участием В.А. Понько группы сверхдолгосрочных прогнозов погоды и СГЯ. Он даже возил нас с Н.Н. Завалишиным к Владимиру Алексеевичу в Краснообск, где его контора занимала помещение в одном из зданий СО РАСХН. В течение двух часов Понько пудрил нам мозги своими “геокосмическими аналогиями и резонансами”, демонстрируя какие-то карты и графики. С трудом мы убедили В.И. Зиненко пока заключить с Понько предварительный договор, предусматривающий получение от автора его долгосрочного прогноза в обмен на нашу исходную гидрометеорологическую информацию суточного, декадного и месячного разрешения. Переговорщиком здесь была начальник Метеоагентства Л.С. Хайбуллина, которая не уступала Понько в искусстве длительного словоизвержения и в умении заговаривать зубы. Как и следовало ожидать, нашу информацию В.А. Понько получил, а свои обязательства перед нами так и не выполнил. Но, кажется, этот эпизод никого из ответственных лиц ничему не научил.

Начиная, вроде бы, с 1999 года, время существования Гидрометслужбы стали отсчитывать не от 1921 года – года издания ленинских декретов, а от 26(13) апреля 1834 года – дня объявления Указа императора России Николая I. Уже в конце февраля у заместителя начальника ЗСУГМС Р.Я. Гесса состоялось совещание по проведению в этом году ряда мероприятий, связанных с несколькими

юбилеями: 165 лет создания наблюдательной метеорологической сети России, 150 лет Главной Геофизической Обсерватории и 200 лет со дня рождения её первого директора - академика А.Я. Купфера. В апреле я написал по этому поводу статью для газеты “Советская Сибирь” и дал ей название - “165+150+200”. Но в печать статья вышла под бодрым заголовком – “Гидрометцентр: штормит, но выстоим!” А 23 марта в конференц-зале Управления прошло торжественное собрание коллектива, посвящённое Всемирному Метеорологическому Дню, с коротким, но энергичным и эмоциональным выступлением Р.Я. Гесса, и хорошим концертом самодеятельных артистов: искрились юмором монологи сотрудника РВЦ В. Бурыхина, грели душу романсы в блестящем исполнении ведущего сотрудника ССИ А.Н. Гритчина, аккомпанирующего себе на гитаре... Прелестный мальчик, сын начальника отдела гидропрогнозов ГМЦ В.Ф. Богдановой, прочёл удивительно проникновенным, светлым голосом замечательные пушкинские строки: “Пора, красавица, проснись!” Стих этот хотя и о зиме, а заканчивался первый весенний месяц, был кстати, так как март на юге Западной Сибири оказался экстремально холодным: в отдельные периоды температура в утренние часы понижалась до минус 30...36°С, местами до минус 40° и ниже. После концерта я пригласил ветеранов Гидрометслужбы в свой кабинет на беседу за кружкой чая. Ветераны были бодры во всех отношениях: большинству перевалило только за 60, М.А. Черкесова недавно преодолела 70-летний рубеж, а Ю.П. Петров дошёл до половины девятого десятка – ему исполнилось 85 лет, с чем его и поздравил глава Совета ветеранов УГМС А.И. Швадченко, вручивший юбиляру приветственный адрес и скромный конверт с деньгами. Поздравляя ветеранов, я упомянул, как уже в таком далёком 1962 году проходил

свою первую практику в Бюро погоды у сидящих здесь дорогих мне М.К. Гиляровой, Л.Н. Борщевой (Староватовой) и Л.И. Климовой (Мальцевой), напомнил отдельные эпизоды нашей синоптической молодости. Эту тему другие ветераны подхватили: многое вспомнилось и, кажется, только хорошее.

Весна этого года “порадовала” обострением разного рода проблем как в международных отношениях, так и внутри России. В 20-х числах марта страны НАТО предъявили Сербии ультиматум: либо согласие на раздел Косово, либо война. Сербия ответила отказом. 24 марта военные самолёты стран Запада начали бомбёжку (с применением ракет) Белграда и других сербских городов. Узнав об этом, Глава Правительства РФ Е.М. Примаков, который в то время находился над Атлантикой по пути в США, принял решение отменить свой визит и приказал развернуть самолёт обратно в Россию. Примаков вернулся в Москву. На этот демарш премьера Б.Н. Ельцин отреагировал довольно раздражённо: “Примаков полезен... пока, а там посмотрим”. В апреле Государственная Дума высказалась за союз с Сербией, и Ельцин назначил В.С. Черномырдина специальным послом РФ по сербским делам. А в мае, несмотря на высокий авторитет Евгения Максимовича, Президент РФ отправил его в отставку, мотивируя это тем, что премьер не добился подъёма экономики. (А как бы он мог этого добиться всего за 8 месяцев своего руководства при таком экономическом развале?)

17 мая в Думе состоялась попытка провести импичмент Президента России. Для того чтобы “свалить” Бориса Николаевича, следовало получить 300 голосов. Набралось 283 голоса. Праворадикальные СМИ поспешили заявить о победе президентской команды. Но ближе к истине был лидер КПРФ Г.А. Зюганов: “Народный

импичмент состоялся!” Через 2 дня новым главой кабинета министров стал С.В. Степашин, которого уже через 2,5 месяца сменил В.В. Путин.

В первой половине июня бомбёжка Сербии наконец прекратилась. Это случилось после того, как страна согласилась с планом Черномырдина – Ахтисаари по разделу зон влияния в Косово. При этом наша либеральная газета “Известия” не без ехидства отметила: “Милошевич опять проиграл”.

Лето-99 на юге Западной Сибири оказалось контрастным по температурному режиму и довольно засушливым. Если июнь отличался прохладной погодой с частыми заморозками до 0...-5°, то май, июль и август характеризовались жаркой и сухой погодой. Пик жары пришёлся на июль, когда среднемесячная температура воздуха оказалась выше нормы на 2...4°C, а максимальная температура достигала 30...36°C, причём почва прогревалась до 50...60°C. На большей части территории осадков за месяц выпало менее половины климатической нормы (20-40 мм), местами 6-14% от нормы (5-9 мм). Как показал климатический анализ, июль 99-го года по температуре занял 3-4 место после 1924, 1965 и 1969 годов, а 9 мм осадков в Новосибирске - это второй результат от минимума, который отмечался здесь в июле 1974 года (5 мм).

Жара и засуха (атмосферная и почвенная) сопровождалась активизацией вредителей сельхозкультур: из Северного Казахстана на Новосибирскую область и Алтай двинулась саранча, а из Красноярского края – луговой мотылёк. Как сообщали СМИ, в начале июля саранча летела через Обь тучей длиной 300 км и шириной 30 км. Был объявлен режим ЧС. На борьбу с саранчой была брошена авиация. На химическую обработку посевов областным руководством было выделено более 2 млн

рублей. Ещё 2,6 млн рублей на эти цели выделило Правительство РФ. Но средств оказалось недостаточно, поэтому общая площадь погибших посевов на территории Управления превысила 1млн Га. Признаюсь, что в отдельные дни лета, особенно в июне и июле, нам не удалось предсказать локальные шквалы (до 25 м/с) и градобития (с диаметром градин 10-50 мм) в некоторых районах Кемеровской, Новосибирской областей и на Алтае. Суммарный ущерб сельскому хозяйству юга Сибири от этих явлений составил 25 млн рублей.

Аномальная погода привела к повышенному уровню пожароопасности лесов. Из-за кризисного состояния лесного хозяйства и авиаохраны очаги пожаров обнаруживались и тушились с опозданием. Авиаобследования выполнялись только в случае крупных пожаров. А потому суммарный ущерб лесным массивам на территории УГМС превысил 25 млн рублей.

Засушливые погодные условия, как и в прошлом году, были предусмотрены краткосрочными, среднесрочными и месячными прогнозами, а для департаментов сельского хозяйства передавались справки об агрометеорологических СГЯ, которые использовались властями при подготовке обращений к Правительству РФ о материальной помощи пострадавшим территориям. С высокой степенью достоверности управления лесного хозяйства, автобазам направлялись штормпредупреждения о высоком классе пожароопасности, а наши коллеги из РЦПОД передавали координаты вероятных очагов лесных пожаров по данным ИСЗ.

В самом начале лета тяжёлую утрату понесло прогностическое направление науки СибНИГМИ. 11 июня после долгой и тяжёлой болезни скончалась И.Г. Храмцова, заведующая лабораторией прогнозов погоды малой заблаговременности. Её коллеги справедливо назвали

Инессу Герасимовну основоположником сибирской школы среднесрочного прогнозирования (на 1-5 суток) температуры, осадков, ветра, опасных явлений с помощью физико-статистической интерпретации гидродинамических прогнозов, соавтором региональной технологии автоматизированных прогнозов погоды на указанные сроки. 13 июня И.Г. Храмцову отпевали и хоронили на Гусинобродском кладбище. Перед панихидой мы обнялись с В.Н. Барахтиным, моим другом и коллегой. Смерть жены была для него тяжёлой утратой. Он сказал: “Вот и до нас дошла очередь...” На похоронах было много ветеранов во главе с С.М. Шульманом, Б.М. Кривоносовым, И.А. Шевчук. Прощальные слова произнёс директор института В.М. Топоров. За поминальным столом Вианор Николаевич, собрав все свои душевные силы, сказал слова любви и благодарности ушедшей супруге, с которой они вместе прожили более 40 лет. Тепло, не скрывая слёз, говорили о покойной, о её энергии, активности в научной и общественной жизни, отзывчивости и доброжелательности И.А. Шевчук, М.А. Черкесова, Э.С. Олехнович.

Ещё одно скорбное событие этого года – в начале декабря скончался после тяжёлой болезни В.М. Ларионов, один из ведущих сотрудников нашего Вычислительного центра. Было ему всего лишь 62 года. Похоронили его на Заельцовском кладбище. Ветеран РВЦ Г.С. Резникова на панихиде жалобно воскликнула: “Что же вы, мужички, так рано уходите!?” А В.Н. Барахтин, немного подумав, заметил: “Скоро некому будет за нами идти...”

В апреле возникла конфликтная ситуация в Западно-Сибирском Центре мониторинга окружающей среды. Вину за конфликт возложили на начальника ЦМС В.В. Селегея, который был вынужден подать в отставку. Не было даже принято во внимание, что недавно он получил высокое звание – “Заслуженный метеоролог РФ”. В июле новым

начальником Центра был назначен один из ведущих экологов Управления В.А. Чирков. Р.Я. Гесс на планёрке рукосостава представил его коллективу.

Но в кадровой работе были и более позитивные события. В середине июля Роман Яковлевич на планёрке руководителей отделов и групп Новосибирского Гидрометцентра торжественно вручил знак “Почётный работник Гидрометслужбы России” ведущему гидропрогнозисту нашего ГМЦ Л.А. Мельниковой. В своём приветствии к награждённой я сказал: “Лилия Андреевна – это причудливое сочетание классного специалиста и неординарной женщины. С ней непросто общаться, но интересно работать”. (Кажется, эта фраза Л.А. понравилась.)

1 октября мы с группой ветеранов во главе с Ю.П. Петровым и А.И. Швадченко ездили в гости к Н.А. Чигвинцевой, нашему ветерану-синоптику, которой в тот день исполнилось 85 лет. Н.А. рассказывала событиях 30-40 годов, довоенной и военной эпохи. Мы вспоминали песни военных лет, но чаще звучало – “Любовь нечаянно нагрянет”.

Во второй половине августа, на исходе жаркого сибирского лета, в Новосибирске было проведено Совещание представителей сибирских и дальневосточных структур Росгидромета по “Проблеме 2000 года” для обсуждения вопросов обеспечения устойчивости систем телесвязи (ГСТ) и обработки оперативных данных (ГСОД). Руководство нашего УГМС, РВЦ, НСАСПД с радушием встречали гостей с доброй половины России. На Совещание прибыли ведущие специалисты Технического управления и ГВЦ Гидрометслужбы- А.И. Гусев, В.А. Анцыпович, В.И. Северинов, начальник Хабаровского РВЦ В.Н. Давыдкин, представители служб связи Уральского, Омского, Красноярского, Иркутского, Забайкальского УГМС.

Высказывалось опасение, что при переходе на 2000-ый год возможны сбои в программном обеспечении систем подачи и обработки гидрометинформации. Проблема осложнялась тем обстоятельством, что в силу разного экономического состояния каждое Управление имело свою версию технических систем. Например, если в Омском УГМС был внедрён первый вариант этой техники, то Красноярск владел последней версией. Было внесено предложение проблеме 2000 года решить внедрением специальной программы, которая, независимо от технического уровня систем ГСТ и ГСОД, при наступлении 2000 года переведёт обработку информации в условное время и не допустит сбоя в работе. При обсуждении проекта решения высказывались предложения руководству Росгидромета о необходимости проведения единой стратегии технического перевооружения Службы, чтобы было заключено генеральное соглашение с производителем техники и не оставлять территориальные УГМС один на один с предпринимателями.

Была организована экскурсия гостей по УГМС с показом ЭВМ, техники связи, рабочих мест специалистов: синоптиков, гидрологов, агрометеорологов. Мои заместители Т.Д. Геттинг и И.А. Мартынова исполняли роли гидов во время экскурсионной поездки на нашем служебном автобусе по столице Сибири. Посетили могилу В.П. Крысова на Заельцовском кладбище, возложили цветы к памятнику Владимиру Петровичу, на котором была высечена трогательная надпись: “Ты ушёл от нас, но навсегда остался с нами”. В.А. Анцыпович сквозь слёзы сказал: “Мы любили Володю. Он нас всех объединял”.

Стояла жара (выше плюс 30°C). Было решено свозить гостей на один из островов Новосибирского водохранилища. Когда ехали на автобусе вдоль набережной Оби, я обратил внимание, как сильно в условиях аномально

сухой погоды обмелела река. Вспомнилось недавнее июльское совещание в Верхне-Обском бассейновом Управлении, когда в условиях маловодья было принято решение о тактике жёсткой экономии водных ресурсов Новосибирского водохранилища. Представители речного флота бурно протестовали: “Вам бы только копить воду, а делиться с нами не хотите. Чтоб вы захлебнулись этой водой!” В результате обсуждения всё же часть притока воды в водохранилище решили сбрасывать в нижний бьеф. А гостям нашего Совещания берега и пляжи Обского моря, окрестности Академгородка понравились и, кажется, запомнились надолго, как и наше сибирское гостеприимство. Забегая вперёд, скажу, что и сбоев в системе обработки гидрометеорологической и синоптической информации в ночь с 31 декабря 1999 года на 1 января 2000 года (да и позднее) не произошло.

В этом году, отличавшимся обилием природных катаклизмов, мы ощущали обострённое внимание СМИ и мировой общественности к Гидрометслужбе, а потому довольно активно вели популяризацию нашей деятельности. Пример в этом нередко подавала Москва. 30 апреля по центральному телевидению (программа “Герой дня”) выступил глава Росгидромета А.И. Бедрицкий, который не только предупреждал москвичей и жителей Центральной России о грядущем похолодании с осадками на майские праздники, но и говорил о создании новых российских численных моделей краткосрочного прогноза погоды на базе ЭВМ “Сгау” с шагом 10x10 км. Прогнозы с таким разрешением, по мнению Александра Ивановича, должны были отличаться высоким качеством.

В свою очередь мы для выступления начальника ЗСУГМС В.И. Зиненко на площадках Сибирской ярмарки готовили совместно с руководством отдела мониторинга окружающей среды доклад об эффективности прогнозов

(предупреждений) СГЯ и ЭВУЗ. Запомнилась сложная двухчасовая работа в конце июля с детской телевизионной программой “Старая мельница”. По замыслу режиссёра, дети 9-10 лет, их звали Катя и Захар, задавали вопросы о составлении прогнозов погоды, а я отвечал. Помучались изрядно; правда, затем сняли реальное обсуждение прогноза синоптиками Гидрометцентра.

В 20-х числах сентября мы провели группу журналисток одного из телеканалов новосибирского ТВ по всей технологической цепочке Гидрометслужбы: связь (АСПД), ВЦ, ГМЦ (отдел метеопрогнозов). Программа телевидения называлась “Запросто”, и потому “журналюги” избегали серьёзного обсуждения проблем прогнозирования погоды и откровенно ёрничали, касаясь возможности использования народных примет о погоде. Более удачным и основательным было наше совместное с В.Н. Барахтиным интервью 21 октября на новосибирском радио (программа “Слово”). При этом Вианор Николаевич рассказывал о методах авиационных прогнозов и причинах авиакатастроф, а я о проблемах краткосрочных и долгосрочных прогнозов погоды. Интервью оказалось довольно продолжительным, а прозвучало в полночь(?!). Впрочем, надеюсь, что любопытные слушатели всё же нашлись.

В ноябре в “Российской газете” появилась возмутительно бредовая статья о новой группе экстрасенсов (Мартынов и К^о), которые якобы могли влиять на пути движения циклонов посредством изменения сил гравитации (“двигают, куда хотят”). Нам показалось странным молчание учёных и специалистов Гидрометцентра России, и мы рискнули обратиться в Росгидромет с предложением нарушить это молчание. Не могу утверждать, что наше письмо сразу подействовало, но

больше таких вызывающе антинаучных статей в центральной прессе я не припомню.

Финансовое состояние нашего УГМС продолжало ухудшаться. Ещё весной из Москвы поступило указание о сокращении отраслевых расходов и даже о перечислении части договорных средств, получаемых Управлением за СГМО, в Центр для погашения “общеотраслевых расходов”. Комментируя это указание, В.И. Зиненко тут же поставил вопрос о передаче свободных производственных площадей и зданий УГМС в аренду и необходимости новых сокращений штата, а также об активизации СГМО. Возможным механизмом такой активизации могла послужить материальная заинтересованность в продвижении специализированных гидрометпрогнозов для ТЭК, сельского хозяйства и других потребителей. Мы вели переговоры с руководством и начальником ПЭО Е.Ю. Горбачёвой о возможных размерах премии: 1% или 2% к зарплате от стоимости каждого договора. При суммарном объёме договоров примерно на 800 тыс. рублей за СГМО, которые вели три прогностических отдела ГМЦ, такие премии могли серьёзно стимулировать развитие договорной деятельности. Но этот проект так и не был воплощён из-за протестов профсоюза и режимных отделов, да и экономистов – “слишком много будут получать прогнозисты!” В новой версии премиального положения было записано, что премия даётся только за “новый вид гидрометеорологической продукции”. Начальник метеоагентства Л.С. Хайбуллина была бессильна повлиять на эту ситуацию и горестно жаловалась на консерватизм экономистов и бухгалтерии.

Из разумных решений летнего периода отмечу телеграмму руководства Гидрометцентра РФ (за подписью Р.М. Вильфанда) о переходе Росгидромета на выпуск основного месячного прогноза 3-5 числа начавшегося

месяца. Это был ответ на наш запрос, в котором предлагался такой сдвиг сроков составления прогноза на месяц. Принятое решение давало возможность более уверенного подбора аналога на основе синтеза “квазиточного” гидродинамического (численного) прогноза термобарических полей на первую пятидневку (или декаду) прогнозируемого месяца и предшествующей истории атмосферных процессов.

Август 99-го года, как было сказано выше, продолжал радовать тёплой погодой, и синоптикам трудно было порой перестраиваться на оценку возможности осенних катаклизмов. Запомнилось поистине агрессивное противодействие опытного синоптика ГМЦ Е.Н. Пахомовой составлению штормового предупреждения о заморозках на 29-30 августа на юге Западной Сибири. Евдокия Николаевна упорно не соглашалась, невзирая на угрожающую перестройку барических полей и результаты расчётов численных методов. И всё приговаривала: “Я сегодня как железо...” Всё же заморозки в воздухе и на поверхности почвы случились, и я на обсуждении поздравил синоптиков с успехом. Пахомова виновато промолвила: “Вы помогли”. Я в ответ: “Нет уж! Предсказываете вы, а мы, начальники, вам только мешаем!” Ну что ж, посмеялись, помирились. И вновь проштормили о заморозках на 2-4 сентября.

Заметил, что в августе в России часто обостряется политическая ситуация, случаются вооружённые конфликты. 9 августа СМИ сообщили, что тысячи чеченских боевиков во главе с Басаевым и Хаттабом вторглись в Дагестан для развёртывания на территории республики, как было сказано, мощного сепаратистского движения исламского толка и создания “великой республики - Ичкерии”, простирающейся от Кавказа до побережья Каспийского моря. Позднее историки назвали

эти события второй чеченской войной. Правительство РФ во главе с В.В. Путиным сразу приняло решение использовать в борьбе с терроризмом силовые методы. Шли тяжёлые бои в горах Дагестана с применением авиации и артиллерии. В конце августа СМИ сообщили о разгроме исламистов. Но в начале сентября боевики нанесли удар в другом районе и даже прорвались к Хасавюрту: бои приняли затяжной характер. В телевизионных репортажах из Дагестана было много тяжёлых, прямо-таки душераздирающих, сюжетов - вот какая-то старушка выбегает из больницы и кричит: “Люди! Остановите этих зверей, я потеряла всех близких!” Но постепенно военное и техническое превосходство российских войск над боевиками становилось всё более очевидным. В ноябре снова был взят Гудермес. В декабре был окружён Грозный, перекрыты для боевиков пути отхода в Грузию.

В ноябре саммит ОБСЕ в Стамбуле обсуждал ситуацию на Кавказе. Президент России Б.Е. Ельцин выступил с громовой речью: “Вы не имеете права обвинять нас за Чечню!” Довольно мягкую позицию в этом вопросе занимал тогда Президент США Б. Клинтон, который призвал западных правителей “поставить себя на место России”. А потому принятая на саммите декларация ОБСЕ была по содержанию и тональности вполне приемлемой для России. Но уже в декабре, когда Грозный был окружён и боевикам грозило полное уничтожение, западные СМИ наполнились угрозами в адрес нашей страны, а Клинтон заявил: “Россия дорого за это заплатит”. Б.Н. Ельцин ответил: “Он, наверное, забыл, что Россия владеет ядерным оружием”. Бои в Чечне продолжались до февраля 2000 года.

В середине сентября, в разгар чеченской войны, состоялся утренний сбор руководящего состава Западно-Сибирского УГМС, на котором начальник Управления В.И. Зиненко зачитал директиву Росгидромета “По обеспечению

жизнедеятельности Гидрометслужбы в условиях антитеррористической деятельности”. Обсуждали меры по ужесточению пропускного режима в здание УГМС, контроля вносимых и выносимых вещей, обновления замочного хозяйства в общежитиях Управления и другие вопросы.

Осенью 1999 года природа Сибири откликнулась на кавказские события погодными катаклизмами. 7-12 октября в результате активизации циклонической деятельности в горной части бассейна Оби и Томи прошли сильные осадки в виде дождя и снега: за несколько дней выпало до 100-120 мм, или 100-150% месячной нормы осадков. В верховьях рек сформировался необычный осенний дождевой паводок (с вероятностью 1-8% за весь период метеонаблюдений), который вызвал резкие подъёмы уровня воды на реках Бия, Катунь, Кондома, Чарыш, Обь на 1,2-3,7 метра, что порой превышало уровень весеннего половодья. Подтапливались города Таштагол и Бийск, прерывалось железнодорожное сообщение, на Алтае были повреждены мосты, участки дорог. Ущерб по Республике Алтай составил около 20 млн рублей. Гидропрогнозисты Гидрометцентра предупредили о подъёме воды выше опасных отметок с заблаговременностью до 4 суток, что позволило уменьшить размер ущерба. 14 октября мы с начальником отдела В.Ф. Богдановой прибыли на экстренное совещание в ВОБВУ, которое вёл глава ведомства Н.З. Нечай (и довольно корректно). Выступая на совещании, я подчеркнул редкую аномальность октябрьского паводка, экстремальность притока к створу Новосибирской ГЭС (до 156% от нормы). С учётом скорректированного гидрологами под руководством Богдановой месячного и декадного прогноза притока (с “меньше нормы” на “больше нормы”) на совещании было решено увеличить сброс воды в нижний бьеф водохранилища. Пик паводка пришёлся на 24 октября,

когда уровень водохранилища составил 113,62 мБС, а уровень Оби в черте Новосибирска поднялся до 242 см. Но подтопления дачных участков в районах города, как мы опасались, не отмечалось. (Гидрологи вздохнули облегчённо.)

В наших контактах с Главным Управлением ГО и ЧС по Новосибирской области случалось иногда недопонимание. В конце 90-х годов это Управление упорно бомбардировало нас запросами о сверхдолгосрочных прогнозах СГЯ на год. Мы терпеливо отвечали, что данные виды прогнозов не входят в перечень гидрометинформации, предоставляемой по соглашению органам МЧС, что Росгидромет не располагает научно обоснованными и надёжными методами таких прогнозов. В конце концов на переговоры с нами в ЗСУГМС прибыл один из ведущих сотрудников ГУ ГО и ЧС. В ходе беседы возникали новые вопросы и даже предложения, на которые посланник МЧС неизменно отвечал: “Так точно!” В результате мы договорились, что уважаемых спасателей устроят климатические и вероятностные (на основе анализа данных гидрометнаблюдений за последние 30 лет) оценки метеорологических и гидрологических СГЯ по Новосибирской области.

В последний месяц уходящего 1999 года на всякого рода совещаниях часто обсуждались вопросы, связанные с состоянием наблюдательной сети, модернизации технологии её информационной работы. Нередко такие дискуссии принимали острые формы. Так, в середине сентября бурно прошёл Технический Совет Управления по проблемам метеорологической сети, на котором главные методисты-метеорологи Гидрометцентра З.Н. Рассолова и Т.Д. Геттинг позволили себе повышенную “дозу” критики в адрес руководства УГМС за недостаточную финансовую поддержку метеостанций. Заместитель начальника

Управления (по работе с сетью) Р.Я. Гесс заметно изменился в лице и ответил методистам ГМЦ гневной тирадой, упрекая их в завышении оценок качества работы сети, за допускаемые ляпы при проведении инспекций. Через месяц, после поездки с начальником отдела ГМЦ Г.И. Гращенковой на алтайскую сеть, Р.Я. Гесс вновь громил методистов ГМЦ за “благодущие и беспринципность” и обещал активизировать практику экспресс-посещений станций совместно с руководством и методистами. В середине ноября на совещании у В.И. Зиненко заслушивали инспекторов отдела метеорологии по результатам контроля сети в августе-октябре. И снова возникали картины обнищания - развала служебных зданий, роста числа неработающих приборов... Я напомнил, что наши метеостанции – это звенья государственной Службы по ЧС, а наши инспектора – “чрезвычайные и полномочные послы” не только УГМС, но и Росгидромета. А потому в вопросах поддержания работоспособности сети надо контактировать и с местными властями. В ответ на это руководитель группы инспекторов В.В. Ворожцов заявил, что местные власти, как правило, не интересуются работой сети, “им от станций ничего не нужно”. Тут уже изменился в лице Василий Иванович и обвинил Ворожцова, что у него “гнилая идеология”.

Ситуация на сети в течение большей части 1999 года, действительно, была аховая: в службу НС АСПД ежемесячно не поступали от 600 до 2000 телеграмм со станций о погоде – связисты отказывались эту информацию передавать из-за долгов Управления по оплате их услуг. Из 5 аэрологических станций во втором полугодии продолжали зондирование только две, да и то по одному сроку в сутки. Не было средств на оплату расходных материалов, а потому план аэрологических наблюдений за 1999 год был выполнен всего лишь на 32%. Некоторые

региональные ЦГМС заявляли об отсутствии смысла в картах барической топографии в условиях отсутствия аэрологических данных по территории Казахстана, Средней Азии и части Сибири.

А между тем, некие позитивные сдвиги в информации наблюдательной сети стали происходить. Ещё в середине 1998 года после встречи начальника УГМС В.И. Зиненко и руководителя НСАСПД Н.В. Вирхобского с представителями администрации Новосибирской области наше Управление получило грант на модернизацию наблюдательной сети региона. Были приобретены ПЭВМ для 30 метеостанций. Созданной ранее Службой автоматизации и новых технологий (САНТ), которую возглавил В.М. Токарев, и службой АСПД был разработан программный комплекс “Веста” для формирования в автоматическом режиме метеорологических телеграмм в коде КН-01 и КН-19 (климат) для передачи через сеть Интернет. Администрация области дала нам возможность использовать для сбора и передачи оперативной информации со станций свою закрытую федеральную компьютерную сеть “Гас - выборы”. Установка ПЭВМ началась в конце 1998 года, массовое подключение происходило летом 1999 года, и к концу года все станции, кроме двух (М-II Квашнино и Ужаниха), смогли начать передачу метеоданных за все 8 сроков наблюдений в сутки. Так мы избавились от услуг и произвола монополиста – Минсвязи – и добились значительной экономии денежных средств.

6-10 декабря 1999 года в Новосибирске были проведены курсы повышения квалификации начальников гидрометстанций Новосибирской области (35 человек) и стажировки техников-агрометеорологов (с 10 станций). В программу курсов вошло обучение работе на ПЭВМ в системе ПО “Веста” (В.М. Токарев) и производству

метеорологических наблюдений и информации (З.Н. Рассолова, Л.Н. Куликовская). Г.И. Гращенкова освещала проблемы агрометеонаблюдений (на примере засухи прошедшего года) и особенности нового РД в части контроля и расчёта на ПЭВМ запасов продуктивной влаги. Представители аппарата УГМС (Н.Г. Матюшечкин, Т.Э. Дубиковская и др.) выступали по общим вопросам жизнедеятельности станций; говорили и о конце эпохи бесплатных централизованных поставок метеоприборов на сеть, о необходимости бережного отношения к оборудованию на станциях, комментировали вопросы трудового законодательства и охраны труда. Я рассказывал о работе сетевых органов в части донесений о СГЯ, сообщил о проекте нового “Порядка действий органов Росгидромета при опасных природных явлениях”, в частности, о том, что вместо термина “СГЯ” будет термин “ОЯ”, говорил о возможности продвижения СГМО в сфере долгосрочных прогнозов, приводил сведения о неформалах и способах борьбы с ними.

Чрезвычайно активно вёл курсы Р.Я. Гесс, с полным использованием ресурсов своего темперамента: задавал точные вопросы докладчикам, вставлял меткие комментарии к их сообщениям, с выделением чего-то главного. Как говорится, был в теме!

Хочу отметить, что решением Президиума Техсовета ЗСУГМС было предложено выдвинуть на ведомственную премию Росгидромета результаты совместной работы САНТ и НСАСПД по разработке и внедрению технологии ПО “Веста” в сочетании с использованием компьютерной сети “Гас - выборы”.

Как ни странно, несмотря на значительную деградацию информационной работы метеорологической и аэрологической сетей России и стран СНГ, в 1998-99 годах развивались технологии генерации синоптической

информации. Как я писал, в 1998 году в нашем УГМС было начато внедрение разработанной группой Ю.Л. Шмелькина технологии “ГИСМетео”: 4 АРМ синоптика на ПЭВМ для автоматизированной подготовки фактической и прогностической аэросиноптической продукции в виде цифровых карт погоды с передачей 60 карт в сутки в систему МТС на базе ЭВМ “Компарекс”, обеспечивающей, кроме того, расчёты по модели “Регион” и синоптико-статистическим моделям. Служба САНТ отличилась не только ПО “Веста”, но и для генерации синоптических карт разработала систему “Контур-95”, установила её во всех ЦГМС и 4-х прогностических АМСГ: с получением приземных карт, БТ, прогностических полей давления и температуры.

В 1999 году развитие ГИС Метео продолжалось за счёт усвоения прогностической продукции в коде GRIB из ММЦ Вашингтон, РСМЦ Реддинг и Брекнелл; была обеспечена генерация продукции по спектральной модели CM-15 из ММЦ Москва. Специалисты САНТ для развития системы “Контур-95” внедрили ПО отображения штормовых оповещений наземной сети, фронтального анализа Новосибирского ГМЦ на фактических и прогностических картах. Из других АРМ: разработанная специалистами РВЦ и агрометеорологами ГМЦ система обработки оперативных агрометданных (АСОАМИ) была переведена с ЭВМ “Компарекс” на ПЭВМ.

В том же году была организована передача прогнозов погоды из ГМЦ в адрес ГТРК “Новосибирск” по электронной почте, что повысило оперативность гидрометинформации для населения. Мы начали использовать систему ГИС Метео в комбинации с климатическими данными (через систему “Кликом”), а также, для органов власти и других потребителей, стали

размещать оперативные прогнозы на своём сайте в сети Интернет.

Возможно, за счёт развития технологий усвоения фактической и прогностической информации нам удалось не допустить ухудшения качества оперативных прогнозов погоды, которое в 1999 году осталось на уровне 1998 года: оправдываемость прогнозов на первые сутки по территории в среднем по УГМС 94%, а на вторые – третьи сутки – около 90%. Правда, как я упоминал ранее, летом мы “зевнули” несколько локальных СГЯ конвективного характера, а потому оправдываемость штормпредупреждений за год не превышала 91% по территории и 87,5% по пункту. “Везло” в 99-м году долгосрочникам: прогнозы аномалий месячных сумм осадков по УГМС оправдались в среднем на 77%, по аномалии среднемесячной температуры на 65%, а по ходу температуры в течение месяца – аж на 81%. И это выше уровня 1998 года более чем на 10%! Профессионально сработали гидропрогнозисты: их краткосрочные прогнозы в 99-м году оправдались на 97-100%, а долгосрочные – на 82-88%. Оправдываемость долгосрочных агрометеорологических прогнозов была в пределах 81-92%, что вполне соответствовало стандартам качества.

Несмотря на угнетённое состояние гидрометеорологической науки, последние месяцы 1999 года запомнились представлением к защите на соискание учёной степени кандидата географических наук двух диссертаций по русловым процессам рек Алтая (В.Н. Дьячкова и Смирновой) и диссертации по физико-статистической интерпретации численных прогнозов погоды и СГЯ на 1-5 суток (М.Я. Здеревой). Работа Здеревой вызвала наибольшую активность оппонентов (5-6 выступлений), в целом, положительных. Марине Яковлевне, как преемнице идей И.Г. Храмцовой и И.П. Прокопьевой, тепло желали успешной защиты и

дальнейшего развития исследований. В конце своей речи М.Я. Здерева высказала идею разработки вероятностного прогноза. Глава Метеоагентства Л.С. Хайбуллина тут же изъявила готовность профинансировать создание такого проекта.

И снова о татарской музыке! В 1998-99 годах я продолжал заниматься её популяризацией. Меня активно поддерживали мои коллеги и друзья татары. 24 января 1998 года в музыкальном салоне Дома Учёных Академгородка с лекцией о творчестве гениального татарского композитора Рустема Яхина выступил профессор Т.С. Юсупов. Прозвучали записи романсов композитора в исполнении выдающихся татарских певцов. А несколько романсов Р. Яхина исполнили мы с моей супругой Тамарой: дуэтом – “Приди ко мне”, а “Шагыйрь” (“Поэт”) и “В душе весна” я спел соло. Когда я объявил, что “Поэт” посвящаю памяти отца, внезапно почувствовал, что вот-вот разрыдаюсь. (Но обошлось.)

В первой половине апреля наши татарские учёные (М.С. Хайретдинов, Т.С. Юсупов) организовали показ в Доме Учёных Академгородка видеофильма о концерте памяти Рустема Яхина, прошедшего в зале Казанской консерватории с участием замечательных татарских певцов: Г. Ибушева, Х. Бигичева, Э. Джалалетдинова и других. Особенно меня потрясло проникновенное пение З. Сунгатуллиной с какими-то удивительными “родничками” и “ручейками” в её голосе. Во время просмотра концерта часто слёзы подступали к моим глазам, а плакать я начал с первых аккордов фортепианного концерта Р. Яхина: как будто вся прошедшая жизнь моя и моих близких “опрокинулась” на меня своими событиями и бедами.

Не могу не рассказать о молодой певице Людмиле Гиндуллиной. Она занималась в вокальной студии Дома офицеров у опытного педагога Томашевской, и вокальный

талант её быстро развивался. В начале июня в Доме офицеров состоялся концерт молодых певцов студии, на котором Гиндуллина исполнила два романса Р. Яхина – “Белый парус” и “Два одиночества”. Исполнила настолько искренно и проникновенно, что я не выдержал, разрыдался и выбежал из зала. Напрасно Людмила меня спрашивала, как она спела. Я только махнул рукой и ничего не мог сказать. Впрочем, её произношение татарских слов и оборотов было далеко не идеальным, и я провёл с ней несколько занятий, чтобы поправить звучание “ә”, “ө”, “ң”, “ж” и некоторых других. Но Людмила удивляла и восхищала меня тем, что знаменитое татарское “моң” – задушевное пение – было заложено в её душе, казалось, от рождения (генетика!). В ноябре 1998 года и в начале апреля 1999 года состоялись два её концерта в музыкальном салоне Дома Учёных. Людмила исполняла песни и романсы двух гениев татарской музыкальной культуры – С. Сайдашева и Р. Яхина. Аккомпанировал ей студент консерватории Скобелкин. Начал концерт профессор Т.С. Юсупов рассказом о татарских композиторах. Среди публики были и родители Людмилы, и её педагог Томашевская. Может, от этого певица заметно волновалась, иногда “не добирала верха”, но выручала её искренность и “моң”, да и пианист играл чутко, раскованно и изящно. Публика тепло приняла концерт. Комментируя выступление, я отдельно отметил аккомпаниатора и посоветовал ему принять участие в татарских музыкальных концертах. Парень зарделся.

В мае и ноябре 1998 года в концертном зале Новосибирской филармонии прошли концерты нашего новосибирского татарского ансамбля “Лэйсэн” (“Весенний дождь”). Солисты – Р. Авлияров и Р. Тихомирова – имели музыкальное образование, поэтому их голоса звучали на профессионально хорошем уровне и при исполнении народных песен (“Озын юллар тузаны” – “Пыль длинных

дорог”) и современных ритмических песен. Вступительное слово (на идеальном татарском языке) произнёс один из лидеров татарской автономии М.Ш. Абакиров. Удачно, остроумно конферировала и читала татарские стихи М. Ахметова. Концерты доставили мне громадное удовольствие, как и большинству слушателей.

В апреле и мае 1998 года на различных площадках Новосибирска (библиотека им. Чехова, клуб “Альтаир”) состоялось несколько совещаний татарской общественности. При активной инициативе М.Ш. Абакирова обсуждались различные вопросы: о курсах татарского языка и развитии кружков татарской самодеятельности, о популяризации татарской культуры в СМИ. Был создан совет для организации национальных передач на радио и телевидении. В состав совета включили актрису филармонии Г. Калиновскую и меня. При этом, мне было поручено готовить радиобеседу о творчестве композитора Салиха Сайдашева. Готовность содействовать выходу в эфир таких передач изъявили представители Управления культуры и новосибирского телевидения (21 канал) В.В. Тяботин и Ю.А. Служанов.

21 октября в студии ГТРК “Новосибирск” (программа “Сибирский дом”) состоялась запись моей первой радиобеседы о творчестве С. Сайдашева. В беседе принимали участие В.В. Тяботин и журналистка О.С. Соловьёва. Это была непринуждённая беседа возле самовара, за чашкой чая, о тернистом творческом пути композитора, удачах и неудачах, драматичных эпизодах жизни одного из первых профессиональных композиторов Татарстана. Время от времени мои собеседники прерывали мой монолог, задавали вопросы, обсуждали сказанное. Ольга Соловьёва, женщина удивительной красоты, с очень выразительными глазами, особенно чутко слушала меня. Когда я говорил об особо интересных фактах, её очи

излучали какие-то снопы невероятно ярких лучей света. Я ловил эти искромётные сигналы, что давало мне вдохновение и силы сохранять высокий тонус повествования. Беседа длилась минут 40. Затем звукооператор студии и татарский активист Асхат Шаймарданов в течение часа перезаписал с грампластинок произведения Сайдашева. В.В. Тяботин, профессионально и хорошо, окончательно смонтировал всю беседу, которая вышла в эфир через 5 дней. Было довольно много телефонных звонков с тёплыми поздравлениями в студию и ко мне. Среди них были и забавные: “Это Сайдашев? Дайте Сайдашева!”. А один из позвонивших стал со мной вместе напевать мотив увертюры к музыкальной драме “Наёмщик”.

В начале декабря 1998 года была записана радиобеседа о творчестве композитора Д. Файзи. В радиостудию я пришёл вместе с Тamarой, надеясь исполнить с ней вокальные фрагменты из музыкальной комедии “Башмагым” (“Башмачки”). Но, хотя беседа опять проходила тепло и непринуждённо у самовара в компании с интеллектуалом В.В. Тяботиным и умницей-красавицей О.С. Соловьёвой, пели мы как-то нервно и неровно. Поэтому Тяботин отдал предпочтение записям профессиональных татарских певцов – Н. Теркуловой, Г. Ильясова, З. Сунгатуллиной, а наше пение в эфире не прозвучало. В мае 1999 года дуэт Тяботин – Соловьёва организовал запись беседы о творчестве композитора Н.Г. Жиганова. Почему-то последние две беседы выходили в эфир только через 4-5 месяцев после записи. Но всё равно были душевные телефонные поздравления от любителей музыки.

Радиопрограмма “Сибирский дом” и дальше уделяла внимание татарской музыкальной культуре. Так, 1 февраля 1999 года радиослушатели смогли познакомиться с

творчеством татарского ансамбля “Ләйсән”. Сначала М.Ш. Абакиров рассказал об этом коллективе, а затем прозвучали фрагменты выступлений ансамбля.

В первом полугодии 1998 года я набросал текст беседы о творчестве композитора Рустема Яхина. Листал книгу воспоминаний родственников, друзей и коллег композитора, слушал его музыку. Пропускал через себя драматические и трагические линии жизни Яхина. Удивлялся, как мог в жутких условиях того времени (конец 20-х годов, раскулачивание, конфискация всего имущества семьи, гибель отца, двух братьев и сестры в 30-40-е годы) сформироваться музыкальный гений юноши, ставшего в итоге создателем жанра татарского фортепианного концерта и татарского романса. Не от этих ли лет лиризм, грусть, “моң” в музыке композитора? Пытался понять, как же сумела мать Рустема пережить гибель мужа и почти всех детей и достойно воспитать оставшегося в живых сына. Проводил аналогию с трагической юностью другого корифея татарской музыки – Назиба Жиганова (сиротство, разруха после гражданской войны, голод, холера!). И обе эти несгибаемые личности достигли всесоюзной известности, стали композиторами, Народными Артистами СССР. Листал семейный альбом отца с фотографиями Яхина, который работал с ним в одной концертной бригаде Татарской филармонии, вспоминал рассказы отца об эпизодах контактов с ним.

18 ноября 1999 года в конференц-зале УГМС я провёл свой вечер беседы о жизни и творчестве Р. Яхина. Присутствовало около 20 человек: сотрудники ГМЦ, СибНИГМИ, ОМОС, ветераны Службы, среднее поколение, молодёжь. Активностью отличались, задавали вопросы Ю.П. Петров, В.М. Топоров, Э.С. Олехнович, В. Бурыхин и другие. Вечер длился часа полтора, с обсуждением прослушанного, репликами. Мы с Тамарой

рискнули исполнить несколько романсов Яхина (“Приди ко мне” и другие). Тома была не очень довольна собой, говорила: “Волновалась, зажималась...”

Из ярких национальных событий этих лет запомнилась конференция татарской общественности, прошедшая 6-7 мая 1999 года в зале Сибирской академии государственной службы, на которую прибыл глава Всемирного конгресса татар (ВКТ) академик И. Тагиров. Участниками конференции были представители татар различных регионов Сибири и Урала, представители религиозных структур. Тагиров представил доклад “Татары: вчера, сегодня, завтра”. Базовым тезисом его выступления было – татары являются важнейшим фактором стабильности России. Поэтому, считал докладчик, во главе татарских общин (автономий) должны быть авторитетные деятели. Как пример он привёл автономии в Санкт-Петербурге и Москве, лидерами которых были вице-адмирал М.Д. Искандеров и генерал-полковник Р.С. Акчурин, соответственно, и созданное на Урале (г. Екатеринбург), где проживало большое количество татар – более 500 тысяч человек, представительство Республики Татарстан, которое возглавил Р.З. Бикбов, яркий представитель татарской интеллигенции, совершивший хадж в Мекку (настоящий правоверный мусульманин!). Не помню, чтобы кто-либо из радикально мыслящих татар, находящихся в зале, осмелился возразить академику и высказать сепаратистские идеи.

В описываемые мной годы я продолжал лечение глаз в МНТК “Микрохирургия глаза” – вёл борьбу с глаукомой и катарактой, стараясь сохранить хотя бы существующий уровень зрения. А стоимость курса лечения (капельница, уколы, электростимуляция и пр.) в МНТК в эти годы подскочила до 2,5 тысяч рублей, что в разы превышало уровень моей зарплаты. Рискнул обратиться с просьбой о

материальной помощи к руководству Западно-Сибирского УГМС. В ответ на моё обращение В.И. Зиненко заявил: “Ренад Азальевич, живите долго и смотрите в оба! Деньги для вас найдём.” Это меня обнадёжило. Порадовало, что Василий Иванович сложные производственные отношения не переводит в напряжённые личные. Лечившая меня ранее Е.В. Егорова поднялась по служебной лестнице и занимала теперь более высокую должность, поэтому она передала меня в руки опытного офтальмолога И.Е. Михайловской. В знак уважения в качестве презента я рискнул преподнести Ирине Ефимовне наш месячный прогноз на май 1999 года, который, к счастью, неплохо оправдался.

В 99-м году количество постоянных жильцов нашей квартиры выросло на целую единицу. До этого года тёща приезжала к нам погостить на месяц-другой (а то и третий), а затем, обычно внезапно, срывалась и уезжала в гости к другим родственникам. Но в ноябре 1998 года она сообщила о том, что во время сильной гололедицы в Казани упала и повредила (или даже сломала) руку. Отчаянно просила:” Томынька, приезжай!” Пришлось Тамаре отправиться в Казань и привезти свою маму в марте 1999 года к нам в Новосибирск. Шёл теще девятый десяток, точнее – 85-й год. Конечно, появление у нас весьма пожилого, очень нездорового и со сложным характером человека ухудшило психологический климат нашей семьи. Но что было делать?! Полина Пантелеймоновна прожила у нас 4 года, до конца своей жизни.

А в конце года произошли какие-то телодвижения власти в сторону интересов народа (простого люда). От нашего Северо-Чемского жилмассива запустили бесплатный автобус до оптового рынка “Левобережный”. Мы покупали там по доступным ценам разные продукты, например, рыбу или окорочка – “ножки Буша”. Окорочка

Фотографии с Главе 17

М.В. Петрова

Курсанты Росгидромета:
М.В. Петрова и Р.А. Ягудин

Прага. Июнь 1998 г. Участники семинара ВМО

Старинные здания Праги

Замок Карлштейн, Прага

И.А. Мартынова

А.В. Фролов

Р.М. Вильфанд

Л.С. Хайбуллина

А.Г. Тулеев

Р.Б. Авлияров

Р.Ш. Тихомирова

А.Х. Шаймарданов

И.Е. Михайловская

В.А. Чирков

Е.Н. Пахомова

В.М. Токарев

М.Я. Здерева

Л.Р. Гиндуллина

продавали в коробках весом 12-15 кг (хватало надолго); удобно было загрузить коробку в рюкзак и сесть в автобус.

В последнем квартале 99-го года произошла индексация зарплаты в Гидрометслужбе. Мой месячный доход с 1,3 тысяч рублей вырос до 2,2 тысяч, а за декабрь вместе с премией я получил 2700 рублей. Так что как-то чуть полегчало.

Декабрь был насыщен общественно-политическими событиями. Продолжались бои за Грозный. Президенты России и Белоруссии в начале месяца, через 8 лет после ликвидации СССР, подписали договор о создании Союзного государства. 20 декабря прошли выборы губернатора Новосибирской области, на которых одержал победу В.А. Толоконский.

30 декабря – последний рабочий день года в нашем УГМС и Гидрометцентре. Ужасают прогностические карты на ближайшие 5 суток: ультраполярное вторжение арктических воздушных масс на юг Западной Сибири. Даём штормпредупреждение о сильных морозах до 5 января 2000 года: минус 35...40°C, местами до 47°C. Уже этим утром в Новосибирске было минус 34°C. В конце дня в моём кабинете собираются коллеги, ветераны – отмечаем приближение Нового года. Заходят руководители УГМС, СибНИГМИ, ОМОС (В.И. Зиненко, В.М. Топоров, О.А. Воробьёва), Дед Мороз и Снегурочка, передают новогодние поздравления. Сынишка Т.Д. Геттинг Алёша бойко читает стихи. На сцене конференц-зала импровизированный концерт самодеятельности, который энергично ведёт наш поэт и бард В.Е. Липчанский. Выступает квартет Гидрометцентра (с моим участием); исполняются шуточные куплеты: “Малиновки услышав голосок” (о событиях местного масштаба).

Наступает время расходиться, но не тут-то было – наш ветеран Ю.П. Петров так перепил, что не может сам

идти. Принимаем решение оставить его ночевать в кабинете, находим раскладушку и одеяло. Сам устраиваюсь на стульях. Звоню Тамаре, сообщаю ситуацию. Чувствую, супруга недовольна. Стихает... В полночь Юрий Пантелеймонович спрашивает: “Где я?” Отвечаю: “В моём кабинете”. Он: “А ты где?”

Утром 31-го в городе уже довольно морозно – минус 41°С. Отвёл ветерана домой. Приезжаю к себе. Тамара внимательно вглядывается, вздыхает и произносит: “Мой бедный пьющий и гулящий муженёк!” Задело, кольнуло в сердце и, немного, в душу, запомнилось надолго, кажется, на всю оставшуюся жизнь.

В этот день в новогоднем телеобращении Б.Н. Ельцин объявил о своей отставке и передаче полномочий Президента страны В.В. Путину. Владимир Владимирович деликатно подтвердил россиянам смену власти и поздравил всех с наступающим 2000-ым годом. Телекамеры показали отъезд Ельцина из кремлёвских апартаментов.

Так наступила эпоха В.В. Путина.

Продолжение следует...